

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ РАН**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**МАТЕРИАЛЫ III МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА
«РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ
В МИРОВОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ»**

№ 28

Издается с 1993 г.

**МОСКВА
2 0 1 1**

ББК 83
Л 64

Главный редактор

А.Н. Николюкин – д-р филол. наук

Редакция:

Е.А. Цурганова – канд. филол. наук,
Т.Г. Юрченко (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

В.В. Агеносов – д-р филол. наук, *М.А. Айвазян* – канд. филол. наук, *В.Н. Аношкина* – д-р филол. наук, *П.П. Апрышко* – канд. филос. наук, *И.Л. Волгин* – д-р филол. наук, *И.Л. Галинская* – д-р филол. наук, *Н.В. Королёва* – д-р филол. наук, *О.А. Коростелёв* – канд. филол. наук, *Т.Н. Красавченко* – д-р филол. наук, *Ю.Г. Круглов* – д-р филол. наук, *Б.А. Ланин* – д-р филол. наук, *А.Е. Махов* – д-р филол. наук, *А.Н. Сенкевич* – д-р филол. наук, *В.Д. Сквозников* – д-р филол. наук, *Л.В. Скворцов* – д-р филос. наук, *В.М. Толмачёв* – д-р филол. наук, *А.И. Чагин* – д-р филол. наук, *Е.П. Чельшев* – академик РАН

Л 64 **Литературоведческий журнал № 28: Материалы
III Международного симпозиума «Русская словесность в мировом культурном контексте» / РАН. ИНИОН; Секция языка и литературы РАН; Ред. кол. Николюкин А.Н., гл. ред., и др. – М.: ИНИОН, 2011. – 344 с. – ISSN 2073-5561**

В журнале публикуются научные статьи по истории отечественной и зарубежной литературы, по теории литературы, а также хроника литературной жизни и библиография по литературоведению.

Рукописи представляются в редакцию в печатном и электронном виде. К тексту статьи прилагаются: краткая аннотация на русском и английском языках и список ключевых слов, а также справка об авторе с указанием учебной степени, должности, места работы и контактной информации. Рукописи рецензируются. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

The Journal of Literary History publishes articles and essays on the history of Russian and world literature, theory of poetry, as well as literary chronicle and bibliography.

The manuscripts are reviewed. The articles by post-graduates are published gratis.

Журнал входит в систему elibrary.ru

ББК 83

© Литературоведческий журнал, 2011. Научное издание

© ИНИОН РАН, 2011

ISSN 2073-5561

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы III Международного симпозиума «Русская словесность в мировом культурном контексте»

I

<i>И.А. Есаулов. Родное как вселенское в национальном образе мира: Отечественная словесность и «русская идея».....</i>	5
<i>Е.Ю. Матушек. «Западники», грекофилы и традиционалисты как читатели «Меча духовного» Лазаря Барановича.....</i>	17
<i>Ю.В. Сложеникина. Принцип Imitatio Christi в «Речи о чистоте русского языка» В.К. Тредиаковского</i>	25
<i>С.А. Салова. К.М. Виланд в рецепции Г.Р. Державина</i>	34
<i>М. Альтшуллер. Шишков и Карамзин в споре о судьбах России</i>	43
<i>И.А. Беляева. Гончаров и Данте.....</i>	58
<i>А.Н. Полосина. Руссоизм Л.Н. Толстого</i>	67
<i>Г.В. Алексеева. Лев Толстой в диалоге с Америкой</i>	77
<i>Н.Н. Подосокорский. Идея и образ Бисмарка в творчестве Ф.М. Достоевского.....</i>	85

II

<i>И.А. Балашова. Бессловесное в произведениях А.С. Пушкина</i>	94
<i>О.А. Богданова. Интеллигенция и народ в романистике Ф.М. Достоевского и Д.С. Мережковского</i>	104

<i>Е.А. Тахо-Годи. Творчество А.Ф. Лосева и литературно-философские искания В.Ф. Одоевского</i>	113
---	-----

К 200-летию со дня рождения В.Г. Белинского

<i>В.В. Розанов. В.Г. Белинский:</i> (К 100-летию со дня рождения).....	122
<i>А.С. Курилов. В.Г. Белинский и древнерусская литература</i>	132

Библиография

Александр Семенович Шишков (1754–1841): Материалы к библиографии / Составление А.Н. Стрижёва и В.Л. Коровина	150
Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьёва: Хроника русской духовной жизни / Вступит. ст. и составление О.Т. Ермишина	210
За свободу! (Варшава, 1924). Роспись литературных материалов / Составление О.А. Коростелёва	268
<i>Sub specie aeternitatis</i>	332
Коротко об авторах	334
Краткое содержание статей и ключевые слова	337

МАТЕРИАЛЫ III МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА «РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В МИРОВОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ»

I

И.А. Есаулов

РОДНОЕ КАК ВСЕЛЕНСКОЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ ОБРАЗЕ МИРА: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ И «РУССКАЯ ИДЕЯ»

С методологической отчетливостью проблема, вынесенная в название моей работы, была впервые поставлена Вяч. Ивановым в его работе 1909 г. «О русской идее», где русский поэт прямо назвал всенародную веру в Воскресение Христа, а также «категорический постулат воскресения» русской национальной идеей¹. В 1918 г. в статье «Наш язык» тот же автор утверждал: «Духовно существует Россия. Она задумана в мысли Божией. Разрушить замысел Божий не в силах злой человеческий произвол»². Свидетельством этого особого статуса существования России являлся для Иванова само русское Слово, наш язык.

Язык, по Иванову, это особый *дар*, «уготованный Провидением народу нашему». Будучи благодатным уже при рождении он был вторично облагодетельствован, как выражается Иванов, «таинственным крещением в животворных струях языка церковно-славянского». Эта церковно-славянская речь стала живым слепком «божественной эллинской речи». Ясно, что Иванов говорит не о великорусском, а о русском языке.

Русский язык двуипостасный. Родное в нем *срослось*, по Иванову, с глаголами церкви. И именно эта вторая ипостась русского языка позволяет говорить о преемстве православного предания, преемстве *эллинизма*. Именно церковно-славянская ипостась придает русскому языку его вселенское, всечеловеческое значение. Подобно митрополиту Илариону, который в первом же ори-

гинальном произведении русской словесности властно заявляет о единстве с христианским миром, Иванов замечает: «...уже не варвары мы». Мы не варвары, потому что мы – христиане.

Эллинское предание, звучащее в церковно-славянской ипостаси русского языка, позволило этому языку *преодолеть* свой племенной характер, как выражается Иванов, «выступить из своих широких, но все же исторически замкнутых берегов» и обрести «сверхнациональный статус». Весьма существенно, что речь идет не просто о каком-то сверхнациональном проекте, но именно о «религиозном вселенском деле». Ясно, что это православное дело, но не дело узконациональное.

Именно по этой причине Иванов резко отрицательно отзываясь о насильственном обмирщении языка в революционное время. Он возмущен попытками сузить вселенский характер русского языка до какой-то утилитарной коммуникативной функции. Я бы хотел обратить внимание, что это обрезание православного компонента, иными словами, насильственная русификация русского же языка для Иванова находится в одном ряду с насильственной украинизацией. По словам выдающегося филолога, «кустары украинской словесности хватают пригоршнями польские слова, лишь бы вытеснить и искоренить речения церковно-славянские». Это вытеснение трактуется Ивановым как «преобразование в самостоятельную молвь наречия»: конечно, для него, безусловно, наречия русского языка. Эта украинская кустарщина и русский провинциализм подобны друг другу в качестве оскопления и затем разделения единого великого языка.

Отделение «русскости» от «православности» неизбежно ведет к отказу от вселенскости в пользу провинциализма, кустарности – это варваризация русского языка, переход к дохристианскому, т.е. дикому состоянию. Оскопление русского языка путем обрезания церковно-славянского элемента в нем означает отказ от почти тысячелетней православной культуры, означает возвращение к чисто племенной специфике, это даже не отказ от вселенского в пользу родного, но деформация родного.

Не будем забывать, что сам Вяч. Иванов, рассуждая о родном и вселенском, был вдохновлен творчеством Ф.М. Достоевского, которое глубинно укоренено в тысячелетии существования русской христианской культуры. Рассмотрим с этой точки зрения

лишь один эпизод романного мира Достоевского, который хотя и не затрагивался самим Вяч. Ивановым, но представляется весьма характерным.

В романе «Идиот» Мышкин рассказывает Лизавете Прокофьевне и ее дочерям о своем отъезде из России. «Когда меня везли из России... Больше двух или трех идей последовательно я не мог связать сряду <...> Помню: грусть во сне была нестерпимая, мне даже хотелось плакать; я всё удивлялся и беспокоился: ужасно на меня действовало, что всё это *чужое* (курсив Достоевского. — И.Е.), это я понял. Чужое меня убивало. Совершенно пробудился я от этого мрака, помню я, вечером, в Базеле, при въезде в Швейцарию, и меня разбудил крик осла на городском рынке. Осёл ужасно поразил меня и необыкновенно почему-то мне понравился, а с тем вместе вдруг в моей голове как бы всё прояснело»³. Исследователи уже обращали внимание на звенья *въезд в город / осёл*, отсылающие читателя к евангельскому эпизоду въезда Христа на осле в Иерусалим. Хотелось бы добавить к этому тот чрезвычайно значимый факт, что посредством неявной евангельской реминисценции происходит и *преодоление того «чужого»*, которое — до этого — «убивало» князя Мышкина.

«Чужое» перестает быть «чужим», так как в нем прозревает-ся, или, лучше сказать, мерцает вселенский евангельский образ — в равной степени *родной* и для России, и для христианского мира в целом: «...и чрез этого осла мне вдруг вся Швейцария стала нравиться, так что совершенно прошла прежняя грусть». Однако это преодоление не изнутри единичного сознания героя, а как результирующее различных сознаний, в итоге чего в горизонт читательских ожиданий и входит евангельская ингредиента. По отдельности же «голоса» героев как бы не могут вместить это вселенское измерение. Хотя герои очень долго рассуждают и высказываются именно об этом осле. Так, для Лизаветы Прокофьевны осел связывается с дохристианскими культурными пластами: «Это ещё в мифологии было», — говорит она; для князя Мышкина осел это «преполезнейшее животное, рабочее, сильное, терпеливое, дешевое, переносливое»; хотя, вместе с тем, «осел добрый и полезный человек». Не будем приводить всех романских контекстов со словом «осел», поскольку уже очевидно главное: положительная евангельская коннотация, связанная с образом осла, рождается не как

прямая экспликация, но погружена в христианский подтекст романа.

Князь Мышкин утверждает, что «ничего-то» в России «прежде не понимал»; но понимание России и приятие России всецело связано с христианской верой, с Христом, – точно так же, как изменение отношения к «чужому» связано с Христом имплицитно.

Четыре встречи, о которых князь Мышкин рассказывает Рогожину, подобны евангельским притчам, лишенным прямой назидательности; это не система богословия, но те духовные столпы, без которых Россия перестает быть Россией, перестает быть христианской страной.

Как известно, князь Мышкин, подобно другим любимым героям Достоевского, отказывается быть Судьей своего ближнего: «Вот иду я да и думаю: нет, этого хриstopродавца подожду еще осуждать. Бог ведь знает, что в этих пьяных и слабых сердцах заключается». Зададимся вопросом: когда молодая баба сравнивает материнскую радость от улыбки младенца с радостью Бога от молитвы грешника, почему князь Мышкин называет это сравнение «тонкой и истинно религиозной мыслью», в которой *«сущность христианства разом выразилась»*; «главнейшей мыслью Христовой»? Представляется, именно потому, что через *родное* (русская баба) для него открывается *вселенское* (сущность христианства). Таким образом, действительная ценность «своего» не в том, что оно собственно «свое», национально «свое», а в том, что в нем мерцает эта возможность сопряжения родного и вселенского.

«Русский Бог и Христос» является, с точки зрения автора, не узконациональным племенным божеством, ограниченным земными пределами собственно России, а этот идеальный ориентир связывается с «будущим обновлением *всего человечества* и воскресением его» – в отличие от русского «меча», «насилия» и «варварства».

Родное и вселенское, таким образом, понимаются не как члены бинарной оппозиции, но как дополняющие друг друга параметры, раздельное существование которых, строго говоря, невозможно: в родном уже мерцает вселенский смысл, а осмысление вселенского немыслимо без углубленного понимания родного; их взаимодействие порождает особый художественный и философ-

ский эффект и резко расширяет горизонт читателя – вплоть до выхода из собственного художественного мира автора в принципиально незавершимые вселенские просторы христианской традиции.

Развитие гуманитарной мысли в нашей стране, как известно, было насильственно прервано вследствие организационного подавления «идеалистического» инакомыслия. Восторжествовавший марксизм, одним из вариантов применения которого к литературе стала советская ее интерпретация, является лишь частной разновидностью материалистического подхода и материалистического объяснения духовной сферы человеческой деятельности.

С этой точки зрения и «формальный метод» в литературоведении – при всех его несомненных научных достижениях – являлся лишь наиболее радикальным, крайне левым крылом того же марксистского материалистического подхода. Далеко не случайно его определяющее влияние именно в первое – столь же радикальное – десятилетие советской власти, как и последующее постепенное «затухание» этого радикализма в недрах откristаллизовавшейся к тому времени советской гуманитарной науки.

«Борьба» социологического и формалистического крыла в советском литературоведении – это «спор между своими». Не случайно работы «чужих» М.М. Бахтина и А.Ф. Лосева, в различной степени, но наследовавших христианские религиозные традиции в гуманитарной сфере, не имели практически никакого значительного резонанса – помимо карательных оргвыводов.

Таким образом, религиозно-философское направление, чрезвычайно ярко себя проявившее в конце XIX – начале XX в., оказалось практически невостребованным в отечественной гуманитарной мысли – вплоть до конца 80-х годов. В результате некоторые важнейшие проблемы, поставленные русскими писателями, либо сознательно затушевывались, либо сознательно же мистифицировались. В том числе проблема, вынесенная в заглавие предлагаемой работы.

Разграничение *вселенского*, т.е. церковнославянского, восходящего к эллинскому, и *родного*, т.е. собственно русского, возможно только теоретически, в абстракции, только в кабинетах. В жизни это непременно ведет к выпадению из истории. Надо заметить, провинциализм русского языка культивировался в совет-

ское время достаточно недолго. Проекты с латинизацией также были отброшены. Очень скоро русский язык вновь обрел универсальность, не вселенскость, а универсальность, став средством межнационального общения (но именно – *средством*). Как писал наш советский «земшаровец» Михаил Кульчицкий в 40-х годах: «Только советская нация / будет / и только *советской* расы люди». Советской расы люди разговаривают на особом языке – *советском*: «Кто понять не может, / будь глухой – / на *советском* языке / команду – в бой!». В итоге этой новой универсализации церковнославянская ипостась русского языка не просто истончилась, она зачастую обретала чисто негативные коннотации. Например, слово *преподобный* в русской языковой картине мира находится в ореоле *святости*; в переводе же на советский язык это же слово означает глупого, недалекого, странного человека – достаточно хотя бы вспомнить рассказы Шукшина. И именно этот советский жаргон русского языка внедрялся в качестве литературной универсальной нормы.

В итоге этой жаргонизации нашего языка постепенно ослабевала, так сказать, сама его иммунная система и нынешнее его состояние, от невероятного засорения интернациональной лексикой до «языка падонкофф» – является лишь следствием того повреждения двуипостасности, той утраты внутренней формы, о которой предупреждал Вяч. Иванов. Таким образом, жаргонизация русского языка – это вовсе не результат его «естественного» развития, как это пытались представить в нашей филологии, это порча самой его глубинной природы. Стоит только вслушаться в глаголы, которым Иванов передает этот процесс порчи: «Язык наш... кощунственно оскверняют богомерзким бесивом, неимоверными, бессмысленными, безликими словообразованиями... хотят его обеднить... его забывают и растеривают... оскопляют и укрощают... ломают... уродуют поступь... подстригают ему крылья».

Не случайно молодой Дмитрий Лихачёв, когда он еще не был кумиром советской образованщины, а был оскорбленным в своих чувствах русским патриотом, в докладе 1928 г. «О старой орфографии», за который и получил тюремное заключение, сделал вывод о ярко выраженном антиправославном подтексте реформы. Новая орфография, как старался показать Лихачёв, «посягнула на самое православное в алфавите...». При этом строители ломки

русского языка, «они (имя которым – легион) хотят предать забвению ту ненавистную связь, которая существовала когда-то между Византией и Русью, Россией... они пытались... отторгнуть Россию от небесной благодати»⁴.

Однако русская культура может себе в заслугу поставить и *сопротивление* насилию. Одним из ярких свидетельств борьбы является случай Мандельштама.

В статье «О природе слова» в период послереволюционного декларирования разрыва с христианским прошлым России (когда какой-нибудь Осип Бескин мог не без оснований поучать Сергея Есенина и других «русофильствующих», что «Октябрьская революция – не *русская* революция»⁵) Мандельштам поставил вопрос ни больше ни меньше о *единстве* русской литературы, а также о самом *принципе* ее непрерывности. Именно *эллинизм*, по Мандельштаму, и является этим принципом.

Как известно, эта статья, помимо харьковского издания 1922 г., вышла также на следующий год в Берлине (в Литературном приложении к «Накануне»), где имела уже иное название, которое вполне передает ее концептуальное содержание: «О *внутреннем эллинизме* в русской литературе».

Нелишне напомнить, что для Мандельштама русский язык – «язык эллинистический». «Живые силы эллинской культуры, согласно этой логике, устремились в лоно русской речи, сообщив ей самобытную тайну эллинистического мировоззрения, тайну свободного воплощения, и *поэтому русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью*»⁶.

В отличие от построений Вяч. Иванова, нигде, ни в одном предложении этой статьи, речь не идет о религиозной составляющей этой «самобытной тайны» русского языка. Может даже показаться, что в известных строчках о «домашнем эллинизме» русского языка (где речь идет о печном горшке, ухвате, крынке с молоком, посуде, тепле очага автор сознательно уклоняется от всякой сублимации, от любой символизации – в пользу вещиности вещей). Тем более что с неприязнью говорится о «профессиональном символизме» и «лжесимволизме». Однако же обратим внимание на то, что предметы, окружающие человека, втянуты в его, человека, – «*священный круг*». Ссылаясь на Бергсона, Мандельштам говорит о «*веере явлений, освобожденных от временной зависимости*». Он

настаивает не на «эллинизации» русского языка, а на его «внутреннем эллинизме, адекватном духу русского языка». Но что тогда понимается под *духом* языка? И почему этот «дух» языка эллинистичен по своей природе?

Что означают, далее, суждения Мандельштама о *бытийственности* русского языка, которую «можно отождествлять» с его «эллинистической природой»? Что означает предложение: «Слово в эллинистическом понимании есть плоть деятельная, разрешающаяся в событие»?

По-видимому, это слово, которое «есть плоть» и в то же время «событие», не что иное, как Бог, в котором «слово стало плотью». Речь идет о Христе. Именно этот вектор истолкования достаточно темных слов Мандельштама и задан эпиграфом к этой статье из стихотворения Гумилёва «Слово», в котором противопоставлены *мертвые* «слова» (во множественном числе) и «Слово»:

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных хлопот
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово – это Бог.*

Именно Бог, Христос, – и есть то самое Слово, которое стало «плотью». В черновом варианте стихотворения Гумилёва, который вполне мог быть известен Мандельштаму (1919), «плоть» этого Слова особенно ясно выражена:

*Но живем под голубым окном
Оттого-то и хотим мы Бога
Сделать нашим хлебом и вином.*

Однако и те строки *окончательного* варианта стихотворения Гумилёва, которые звучат в эпиграфе к статье Мандельштама, сами по себе знаменательны. Слово как греческий Логос, конечно же, вполне «освобождено от временной зависимости» и образует вокруг себя тот самый, говоря словами Мандельштама, «священный круг», который можно опознать как христоцентризм.

Логос-слово в его новозаветном греческом (т.е. эллинском) смысле, разумеется, не может не нести в себе как раз ту самую «бытийственность», о которой и пишет Мандельштам. «Русский номинализм», о котором говорится в статье, как «представление о

реальности слова», зиждется именно на *Воплощении* в Слове Бога, то есть Христа.

Но из этого вытекает и другое. По-видимому, «слово», о котором говорят и Гумилёв, и Мандельштам, и которое может быть в данном случае передано – согласно «обратному переводу» – именно и только как *логос* – и составляет основу той самой *филологии*, о которой с такой настойчивостью говорится у Мандельштама.

В таком случае, скажем, «филологическая природа души» Розанова, с любовью отмечаемая Мандельштамом, и в целом «филологическая культура», недаром противопоставляются им «литературе». Здесь еще нет позднейшего – из «Четвертой прозы» – выпада против «литературы», фраз о «литературном обрезании» и инвектив, направленных на современное ему «писательство», как особой «расы», «везде и всюду близкой власти, которая отводит ей место в желтых кварталах, как проституткам». Эта самая «литература», по известным словам Мандельштама, «везде и всюду выполняет одно назначение: помогает начальникам держать в повиновении солдат и помогает судьям чинить расправу над обреченными»⁷. Почти исчерпывающая характеристика «литературы» наших «совписов», не постеснявшихся затем, когда это стало выгодно, создать миф о своей мнимой «оппозиционности» советской власти.

Хотя этих обвинений еще нет в статье «О природе слова», но все-таки уже имеется ценностная оппозиция «филологии» и «литературы». В аспекте нашей темы эта оппозиция может быть истолкована как противопоставление не только «дома» и «улицы», «семинария» и «лекции», но и «духа» и «буквы». Я бы настаивал на том, что за этой непримиримой коллизией «филологии» и «литературы» мерцает как раз различие их «внутренних форм», или эйдосов, т.е. «логоса» как слова и «литеры» как «буквы». Это различие так же фундаментально, как и новозаветный вопрос: что для чего существует – суббота для человека или человек для субботы. В одном случае мы имеем дело с отчужденными, т.е. внешними человеку «правилами», в другом случае – с его «внутренней» свободой. Потому так и акцентируется именно «внутренний эллинизм» русского языка, что в нем проявляет себя «свободное подражание Христу», которое, по Мандельштаму, и

является «краеугольным камнем христианской эстетики». Отсюда и убеждение, высказанное в «Слове и культуре», что «теперь всякий культурный человек – христианин»⁸.

Еще один момент, как будто лежащий на поверхности, но по каким-то причинам не часто проговариваемый, хотелось бы подчеркнуть. Я имею в виду особого рода надрывный протест против утилитарного подхода к *языку*. Обращает на себя внимание не абстрактное теоретизирование на тему вредности утилитаризма по отношению к любому языку, вообще языку, языку как таковому. Нет, Мандельштам настаивает на том, что именно *русский* язык противится сведению его к чисто *функциональному*, как бы мы сказали сегодня, предназначению. «Ни один язык не противится сильнее русского языка... прикладному назначению»; «Всяческий утилитаризм есть смертельный грех против эллинистической природы русского языка»⁹. Конечно, с позиции столь ясно выраженной установки, говорить, например, о коммуникативной сущности языка как его якобы основной функции было бы почти непристойным...

Эти утверждения – равно как и представления о бытийственной природе русского языка – созвучны представлениям Вяч. Иванова о том же предмете. Как подчеркивалось выше, сущность русской идеи, согласно Иванову, есть религиозная христианская идея Воскресения, а «уподобление Христу» – «энергия... энергий, живая душа... жизни»¹⁰ народа. Этот *христоцентризм* русской идеи решительно не допускает позднейшие попытки редукции русской соборности до коллективизма, а то и тоталитаризма, предпринимаемые недобросовестными интерпретаторами нашего образа мира. Как раз Иванов совершенно определенно разграничил два противоположных типа человеческой общности, художественно раскрытыми в свое время Достоевским: легион и соборность. Если нехристианский, а затем и открыто антихристианский «легион» предполагает «скопление людей в единство посредством их обезличивания», то «соборность» есть «такое соединение, где соединяющиеся личности достигают совершенного раскрытия и определения своей единственной, неповторимой и самобытной сущности, своей целокупной творческой свободы, которая делает каждую изглаголаным, новым и для всех нужным словом. В каждой Слово (о котором мы рассуждали выше. – И.Е.)

приняло плоть и обитает со всеми, и во всех звучит разное, но слово каждой находит отзвук во всех и все – одно свободное согласие, ибо все – одно Слово»¹¹. Искажение русской картины мира как в изучении нашего языка, так и в изучении нашей словесности происходило во многом оттого, что «легионеры» получили монопольное право на толкование отечественной филологии.

По мысли Вяч. Иванова, находящегося в то время всецело в русле православной традиции, «признание святости за высшую ценность – основа народного мирозерцания и знамя тоски народной по Руси святой. Православие и есть соборование со святынею и соборность вокруг святых»¹². Беда советской филологии состояла в том, что именно эту «высшую ценность» десятилетиями при рассмотрении русской словесности выносили «за скобки» исследовательского внимания, подменяя ее произвольными и внешними по отношению к русскому национальному образу мира категориями и понятиями.

Именно в русском языке, еще раз вспоминая ивановскую статью «Наш язык», можно усмотреть слепок «божественной эллинской речи»; именно через язык, согласно его убеждению, русским «внутренне соприродна... мысль и красота *эллинские*»; «в нем (владеем мы) преемством православного предания, оно же для нас – предание *эллинизма*». Переключки с приводимыми выше мандельштамовскими формулировками здесь слишком заметны, чтобы о них подробно рассуждать.

Конечно, вспоминая статью «Заметки о поэзии», слишком легко отвести это внутреннее родство двух русских поэтов суровыми и несправедливыми суждениями Мандельштама о реакционной Византии, о желательности «обмирщения» поэтической речи и т.п. Однако никто и не утверждает, что позиции Вяч. Иванова и Мандельштама совершенно совпадают. Мне представляется, что с позиций «большого времени» эти расхождения и несогласия следует понимать как продуктивный для русской культуры диалог двух различных «голосов». В этом контексте понимания, по слишком очевидным причинам, не вполне доступном самим свидетелям культурного слома XX в., суждения Мандельштама о «внутреннем эллинизме» русского языка и литературы отнюдь не оппонируют христианскому пониманию русской идеи, а напротив, являются дополнительным аргументом в утверждении этой идеи. Или же,

как это выразил С.С. Аверинцев, «греческий язык для нас, русских, все-таки прежде всего не *рыдание Аонид*... но церковный распев, бережно сохраненный дивящий разброс слов в виноградной кисти Икоса или кондака»¹³. Тот же Аверинцев при этом мимоходом заметил, что сам Мандельштам «в изучении древнегреческого языка сам-то дальше воспетого им «пепайдевкос» не пошел, путал античную просодию... с тонической, вычитывал про сапожок Сапфо и все прочие эолийские чудеса из переводов Вяч. Иванова»¹⁴. Отнюдь не пытаюсь оспорить знаменитого филолога, я бы хотел лишь заметить, что задачей данной работы было показать, что в самых неожиданных случаях мы все-таки можем порою угадать глубинное *культурное* родство того или иного автора с христианским искусством, частью которого и является русская литература, а через нее – и с русской идеей, как ее понимал Вяч. Иванов.

¹ См.: *Иванов Вяч.* Родное и вселенское. – М., 1994. – С. 360–372. О пасхальном «горизонте ожидания» как императиве русской культуры см. также: *Есаулов И.А.* Пасхальность русской словесности. – М., 2004.

² Текст статьи цитируется по изданию: *Иванов Вяч.* Наш язык // *Иванов Вяч.* Собр. соч. – Т. IV. Брюссель. 1987. – С. 673–680.

³ Текст цитируется по изданию: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т. 8. – Л., 1974.

⁴ *Лихачёв Д.С.* Статьи разных лет. – Тверь, 1993. – С. 13–14.

⁵ *Бескин О.* Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика. – М., 1930. – С. 14.

⁶ *Мандельштам О.* Собр. соч.: В 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 176. Выделено автором. Далее текст Мандельштама цитируется по этому изданию.

⁷ Там же. – С. 96.

⁸ Там же. – С. 168.

⁹ Там же. – С. 176.

¹⁰ *Иванов Вяч.* Родное и вселенское. – С. 369.

¹¹ Там же. – С. 100.

¹² Там же. – С. 335.

¹³ *Аверинцев С.* Одно дело – думать о Мандельштаме, другое – идя от Мандельштама, уместовать о знамениях времени // *Сегодня.* – 1996. – 20 марта. [Интервью с Яной Свердлов]. – С. 10.

¹⁴ Там же.

Е.Ю. Матушек

«ЗАПАДНИКИ», ГРЕКОФИЛЫ И ТРАДИЦИОНАЛИСТЫ КАК ЧИТАТЕЛИ «МЕЧА ДУХОВНОГО» ЛАЗАРЯ БАРАНОВИЧА

Александр Белецкий называл главным направлением историко-литературной науки исследование, с одной стороны, восприятия произведения его современниками и ближайшими потомками, а с другой – влияния текстов на дальнейший ход литературного развития¹. Автор отмечал, что нужна классификация литературы каждой эпохи по читательским группам, в которых она востребована². Ученый акцентировал на необходимости изучения взаимоотношений этих групп и писателя. Кто и какие книги читал в XVII в. можно воссоздать по каталогам монастырских, церковных, школьных и частных библиотек, а также по переписке, пометкам на маргинесе, посвящениям книг. Мы постараемся реконструировать круг российских читателей сборника «Меч духовный» украинского проповедника второй половины XVII в. Лазаря Барановича, а также исследовать восприятие этой книги на материале суждений первых читателей.

60-е годы XVII в. отмечены активной европеизацией русского общества. В этот процесс были включены и выпускники Киево-Могилянской коллегии – Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий, Дамаскин Птицкий, Арсений Сатановский. Лазарь Баранович как реальный представитель западного образования и модернизированной к тому времени украинской церкви также принимал в этом участие. Осенью 1666 г. он прибывает в Москву для участия в церковном соборе. Владыка привозит с собой несколько экземпляров только что изданного сборника проповедей

«Меч духовный», который дарит царю и некоторым из его окружения.

Конфликт между светской и духовной властью за главенствующую позицию в обществе еще в латинском средневековье оформился в теорию «двух мечей». В России он обостряется во второй половине XVII в. между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном. Посвятив свою книгу «Меч духовный» царю, Лазарь символически отдает ему всю полноту власти.

Печатные издания посвящались известным людям, с одной стороны, и читателям – с другой. Но обращение к одному, по Ю. Лотману, опубликованное в книге или журнале, меняет аудиторию, адресуясь уже любому читателю³.

Лазарь Баранович выстроил и концепцию власти, и художественный мир своей книги с помощью западных текстопорождающих моделей. Первое предисловие последовательно моделирует образ идеального царя, имея в виду Алексея Михайловича. Он – эксплицированный адресат. В предисловии нет прямого противопоставления царя и патриарха. Но если посмотреть на основные аргументы текста, то станет понятно, что это «перевернутые доводы» царского оппонента. Патриарх Никон посвятил проблеме двух властей книгу под названием «Возражения или разорения смиренного Никона»⁴. Основными тезисами автора были: священство выше царства, священство – от самого Бога, царь ограбил церковь.

Как раз патриарх Никон и стал одним из первых читателей «Меча духовного», экземпляр которого он получил сразу после приезда Барановича в Москву. Патриархом был написан критический ответ – «Свиток». В нем Никон обвинил автора в латинской ереси, перечислил мелкие недочеты в книге, дал замечания по поводу ее внешнего вида, выразил недовольство за частое цитирование католических писателей.

У опального патриарха было много симпатизирующих. А. Карташев утверждает, что иерархия русской церкви разделяла позицию Никона, хотя в открытую ее и не отстаивала⁵.

В связи с этим совсем не случайно «Меч духовный» был одобрен московским собором и за счет правительства разослан в монастыри и епархии в качестве средства переубеждения монахов и священников. Из книг киевской печати он был самым распространенным изданием в России второй половины XVII в., перегнав

даже Киево-Печерский патерик. С. Луппов нашел экземпляр «Меча» в приходской библиотеке города Устюга⁶. В. Перетц обнаружил этот сборник проповедей в описях книг северных монастырей России (Успенско-Андреевская и Корнилова пустыни (2 экз.), Николо-Коряжемский и Глуницкий монастыри, а также Вологодский архиерейский дом⁷). Ученый утверждает, что книги из монастырских библиотек использовались для духовного чтения как в самих обителях, так и в миру (за определенную плату)⁸. В конце XVII в. в состав патриаршей библиотеки входило 38 экземпляров «Меча». Эти факты свидетельствуют о том, что в то время сеть духовных библиотек России была пресыщена сборниками проповедей Лазаря Барановича.

Симеон Полоцкий (духовник царя, учитель царских детей, профессиональный писатель) написал четыре эпиграммы, посвященные «Мечу». Автор дал им описательное обобщающее название «На книгу, именуемую “Меч духовный”, эпиграмма». Симеон сгруппировал их и позже ввел в рукописное собрание «Рифмологий». Эти стихи можно считать читательской интерпретацией книги черниговского епископа.

Еще Цицерон утверждал, что «между поэтом и оратором много общего; правда, поэт несколько ограничен в ритме и свободнее в использовании слов, однако много других способов украшения речи у них подобны...»⁹.

Из трактатов по риторике и поэтике можно определить, что эпиграмму и ораторскую прозу объединяют:

1) способ изобретения и разработки темы. Например, по Митрофану Довгалеvскому, распространение темы чаще всего происходит в соответствии с такими пунктами: кто, где, с помощью чего, почему, каким способом, когда. А также текст строится на материалах, взятых из родословной, истории, сказки, присказки, обычая, происхождения имени или аллегории, из причины, следствия, на основе сентенций и подобия и др.¹⁰;

2) асиптен или теория остроумия¹¹;

3) введение в текст похвалы или порицания. Эпиграмма может содержать в себе оправдание или осуждение как образцы судебного красноречия;

4) мораль, дидактический вывод¹².

В соответствии с набором формальных признаков и функций, которые она выполняет, эпиграмма была близка к барочной проповеди, соответственно, язык эпиграммы был идеальным для описания проповеди. Этим и воспользовался Симеон Полоцкий.

Как правило, эпиграмма короткая. Митрофан Довгалецкий допускает, что она не должна превышать 10 стихов¹³. Эпиграммы Симеона Полоцкого состоят из 52, 10, 8 и 8 строк, т.е. 26, 5, 4 и 4 двустиший соответственно.

Эти четыре эпиграммы усиленно эмблематичны и литературны. По Митрофану Довгалецкому, эпиграмма – это *inscriptio* или *superscriptio*, т.е. надпись, которая ставилась на разных культурных сооружениях. Текст Симеона Полоцкого – это надпись на книгу. Автор использует в качестве источника стихов «Предсловіє ко читателю», которое в свою очередь служит в качестве прозаической подписи к форте «Меча духовного». Лазарь Баранович в предисловии объясняет гравюру, раскрывает смысл названия книги и функции составляющих ее частей.

Главным средством связности текста предисловия выступает образ меча, который раскрывается барочным способом – цитатами из разных библейских книг, содержащими ключевой образ, т.е. сильными аргументами из наиболее авторитетного христианского источника. Но если у Барановича это цитаты с атрибуцией (на маргине), то у Симеона Полоцкого – это реминисценции библейских текстов. Таким образом, Симеон Полоцкий изобретает материал не самостоятельно. Референция для него, с одной стороны, – сборник Барановича, а с другой – его автор. Соответственно, у него два предмета изображения – вещь и osoba, которые условно делят эпиграмму на две части (1–24 и 21–52 строки). Прежде всего, эпиграмма [1] акцентирует на духовной функции меча:

*Нуждно есть небо хотяй восхитити
имат мечем сим рать в мире творити
духовным, дуси будут посечени,
а благим злии будут поражені*¹⁴.

Кроме того, автор стихов (не без помощи евангельских цитат из предисловия Барановича) описывает ключевой образ:

*Остр обоюду и есть действен зело
Души и плоти враги сечет смело*¹⁵.

Симеон Полоцкий называет источники книги Барановича и происхождения проповеди вообще:

*Драг злата паче от Божия слова
Нова Завета бысть его основа.
Не из земна кружца он сооружися,
Оубо тли празден, ратуй, не сумнися,
Вещество его с небес принесенно
Устнами Христа: тем же есть спасенно*¹⁶.

Перефразировав слова Иисуса из Евангелия от Луки [Лк. 22], Симеон Полоцкий содействует распространению книги, акцентируя на ее роли в духовном усовершенствовании человека:

*И небо может оным ся набыти,
оубо продавши ризу, меч купити
сей подобает, им же и одежду
стяжает небесну имаяй надежду*¹⁷.

Вторая часть эпиграммы – панегирик Лазарю Барановичу. Симеон Полоцкий амплифицирует остроумные фразы относительно автора сборника, используя имя и материал из евангельского сюжета о Лазаре четырехдневном, а также из дополнительных средств, а именно – должности (за функцией) и этимологии фамилии:

*Пастырю с овцы зело есть прилично –
Барановичю с агнцом есть обычно*¹⁸.

Заканчивается эпиграмма пожеланиями проповеднику:

*Ты – живот, Христе, и здравия датель,
Жив, здрав да будет наш мечекователь*¹⁹.

Вторая эпиграмма построена на основе образного топоса «жизнь-борьба», взятого из первой строки предисловия Барановича: «Сих брани полных времен, ничтоже тако полезно, яко же меч»²⁰. Текст сформирован на основе семантико-когнитивной структуры. Его связующим компонентом является принадлежность образов эпиграммы к одному тематическому кругу. Микросценарий «духовной брани» состоит из таких частей: «брань – боец – меч – помощь – враги – победа – подвиг».

Общеизвестно, что интерпретация должна быть основана на структуре текста²¹. Исследователи рассматривают ее как схему

связности его ключевых знаков. Исследователь В. Лукин отмечает, что ее-то и можно использовать как «грамматику интерпретации»²². Примечательно, что в эпиграммах ключевое слово, взятое из заглавия (меч), повторяется в четырех стихах 16 раз (включая и неологизмы «мечекователь» и «мечатворец»). Наиболее выразительно оно выглядит в контексте других повторов, например (схема: 1/ 1, 2, 1/ 1, 2/ 3, 3):

*Житие наше брань ся именует –
всяк борец **меча** на брань потребует:
На брань духовну се есть **меч** духовный
словесной твари, не железный, **словный***²³.

В третьей эпиграмме автор, используя евангельское уподобление «Христос-камень» и усилив его глагольными противопоставлениями, выстроил свой текст:

*Коса о камень может ся тупити,
но меч камнем может ся острити.
Камень есть Христос, им же изострися
сей меч духовный, а не притупися*²⁴.

Четвертая эпиграмма – реализация определенной герменевтической программы, заложенной в тексте-доноре. Она функционально тождественна предисловию и состоит из пожеланий читателю:

*С духами злобы хотяй ратовати
меча духовна должен есть искати:
Не ищи, борче, се ищет он тебе,
готов он к действию, ты готови себе.
Чти, ач ти токмо победа готова,
венец ти будет от божия слова.
Его же моли, да и мечатворцу
венец зготовит яко тебе, борцу*²⁵.

За источником, образными составляющими, двумя основными предметами изображения эти четыре эпиграммы – фактически один текст. Сравнив их с претекстом, можно сказать, что это стихотворный перифраз прозаического предисловия Черниговского епископа. Но если у Барановича – это текст о тексте, то эпиграммы – текст о предисловии, текст, который описывает литературный факт и дает ему оценку, прославляет его автора, ориентирует читателя. При этом он построен на типологически

подобных основах по сравнению с претекстом, прежде всего принципе изотопии, что проявляется в использовании повторов, парафраза, синонимов, антонимов. Но эти средства, в соответствии с лаконичными законами другого жанра, имеют особую остроту и выразительность. Можно сказать, что интерпретация Симеона Полоцкого была идеальной с точки зрения понимания и воспроизведения претекста. Лазарь Баранович сам дал ей оценку в письме к Симеону Полоцкому в мае 1669 г.: «...сколь благосклонно принял ты «Меч», столь снисходительно да преклонится ухо к «Трубам»²⁶.

Оригинальную интерпретацию получил текст Барановича у авторов из старообрядческой среды. Их герменевтическая рефлексия была направлена на образ царя из предисловия. Уже после смерти Алексея Михайловича анонимный автор «Возвещения от сына духовного к отцу духовному» понимает тезис о бессмертии царя из предисловия в прямом смысле. В старообрядческом тексте «Меч духовный» Барановича получает новое неожиданное название – «Сабля никонианская»²⁷. Для старообрядцев и царь, и патриарх были грекофилами и реформаторами. И совсем не важным, с их точки зрения, было противостояние между ними, а тем более симпатии Барановича.

Таким образом, книга Лазаря Барановича моментально была вовлечена в политическую, духовную и художественную жизнь российского общества. Она нашла читателей в разных духовных сферах и даже вызвала определенные полемические вспышки. Показательно, что художественное восприятие, объективированное в читательских высказываниях, было шире авторской программы воздействия. Реакция читателей показала разные мнения из духовной среды относительно открытости к изменениям русского общества второй половины XVII в.

¹ Белецкий А.И. Об одной из очередных задач историко-литературной науки / А.И. Белецкий // Избранные труды по истории литературы / Под. общей ред. Н.К. Гудзия. – М.: Просвещение, 1964. – С. 25.

² Там же. – С. 30.

³ Лотман Ю.М. Текст в процессе движения: автор – аудитория, замысел – текст / Ю.М. Лотман // Семиосфера. – С.-Петербург: Искусство. – СПб, 2000. – С. 204.

- ⁴ *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви: в 2 т. / А.В. Карташев. – М.: Наука, 1991. – Т. II. – С. 194.
- ⁵ Там же. – С. 212.
- ⁶ *Луппов С.П.* Книга в России в XVII веке / С.П. Луппов. – Л.: Наука, 1970. – С. 167.
- ⁷ *Перетц В.* Описи монастырских библиотек XVII в. и спорные вопросы истории древней русской литературы / В. Перетц // *Slavia: časopis pro slov. filologii*. – 1924. – Ročník III, sešit 2-3. – S. 348–349.
- ⁸ Там же. – S. 349–350.
- ⁹ *Цицерон.* Об ораторе / Цицерон Марк Туллий // Три трактата об ораторском искусстве. Пер. с лат. Ф.А. Петровского, И.П. Стрельниковой, М.Л. Гаспарова. – М.: Наука, 1972. – С. 90.
- ¹⁰ *Митрофан Довгалеvський.* Сад поетичний / Митрофан Довгалеvський // <http://www.litopys.org.ua/dovg/dovg.htm>
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Симеон Полоцкий.* Вирши / Симеон Полоцкий. – Минск: Мастацкая літаратура, 1990. – С. 287.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Симеон Полоцкий.* Вирши / Симеон Полоцкий – Минск: Мастацкая літаратура, 1990. – С. 288.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Лазарь Баранович.* Меч духовний / Лазарь Баранович. – Київ: Друкарня Києво-Печерської Лаври, 1666. – С. 1, предисл.
- ²¹ *Лукин В.А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В.А. Лукин. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – М.: Ось-89, 2005. – С. 237.
- ²² Там же. – С. 239.
- ²³ *Симеон Полоцкий.* Вирши / Симеон Полоцкий. – Минск: Мастацкая літаратура, 1990. – С. 289.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Письма преосвященного Лазаря Барановича с примечаниями.* – [2-е изд.]. – Чернигов: Тип. Ильинского монастыря, 1865. – С. 87.
- ²⁷ *Бубнов Н.Ю.* Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск «Возвешение от сына духовного ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676) / Н.Ю. Бубнов, Н.С. Демкова // *ТОДРЛ.* – Л., 1981. – Т. XXXVI. – С. 127–150.

Ю.В. Сложеникина

**ПРИНЦИП IMITATIO CHRISTI
В «РЕЧИ О ЧИСТОТЕ РОССИЙСКОГО ЯЗЫКА»
В.К. ТРЕДИАКОВСКОГО**

Социальным принято считать творчество, затрагивающее проблему взаимоотношения власти, общества и писателя. Тредиаковский стал первым поэтом, попытавшимся утвердить социальный статус писателя Нового времени. Грандиозность целеполагания заставила Тредиаковского в течение жизни три раза менять свою социальную роль и тип писательского поведения. Начальный период его творческой деятельности прошел под знаком французской модели, рассчитанной на эпатаж, авантюру, отрицание сковывающих рамок условности, ориентацию на живые природные чувства. Художественным артефактом, вписанным во французскую модель писательского поведения, стала «Езда в остров любви» (1730). В «Езде...» Тредиаковский впервые заявил о себе как о стороннике «новых» в споре с «древними». С юношеским задором двадцатисемилетний переводчик «Езды...» примерил на себя роль реформатора – борца с патриархальными устоями традиционалистов. Однако, несмотря на успех у читающей молодежи, верхушка светского общества и церковнослужители были удивлены столь «новаторским» произведением молодого автора и не приняли его.

В 1732 г. Тредиаковский примерил на себя роль придворного поэта. Основной формой прославления государя и новой Империи в это время были оды. Одическую моду при дворе в это время задавали немецкие поэты. Поиск иной социальной роли приводит Тредиаковского к созданию по немецкой модели «Панегирика, или Слова похвального всемилостивейшей государыне императрице самодержице всероссийской Анне Иоанновне» (1732).

В 1733 г., после утверждения в должности секретаря Академии, Тредиаковский выдвинул идею организации Российского собрания по образцу Французской Академии. Целью этого собрания должно было бы стать поощрение и усовершенствование русского языка. 14 марта 1735 г. ученый выступает с программной «Речью о чистоте Российского Языка». Спустя 17 лет торжественное слово было включено Тредиаковским в двухтомное «Собрание сочинений» 1752 г. под названием «Речь, которую в Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук к членам бывшего Российского собрания во время первого их заседания Марта 14 дня, 1735 года о чистоте Российского Языка говорил В. Т.» (Далее «Речь...»). Очевидно, что Тредиаковский в зрелом возрасте не отказался от своих ранних посылов, а авторская установка, проблемы и задачи, обозначенные в работе, не потеряли актуальности и в 50-е годы XVIII в.

1745 г. — новый период социального и литературного творчества Тредиаковского. Поэт избирает путь наставника, просветителя народа. Теперь, по Тредиаковскому, поэт — это не кто иной, как помощник монарха в деле возвращения государства к золотому веку человеческой истории.

Петровские преобразования поставили перед интеллигенцией середины XVIII в. задачу языкового строительства в новой культурной ситуации секуляризованного государства. И Тредиаковский уже в 1735 г. остро ощущал несоответствие языковой теории и практики состоянию общественной жизни: «Великая потребность в сем деле!.. коль ни полезно есть Российскому народу возможное дополнение Языка, чистота, красота, и желаемое, потом, его совершенство...»¹ По Тредиаковскому, усовершенствованный, благодаря радению Петра I, язык по прошествии лет, ко времени правления императрицы Анны, нуждается в новом «попечении»: «Посмотрите, от ПЕТРА ВЕЛИКАГО лет, обратившись на многии прошедши годы; то размысливши увидите ясно, что совершеннейший стал в ПЕТРОВЫ лета язык, нежели в бывшия прежде... нимало не сомневаюсь, чтоб, достославныя АННЫ в лета, к совершенной не пришел своей высоте и красоте»².

В «Речи...» Тредиаковский определил три наиглавнейшие задачи в деле языкового строительства: 1. Написание Грамматики, доброй и исправной, основанной на употреблении мудрых; 2. Соз-

дание Лексикона, полного и довольного; 3. Сочинение Риторики и Стихотворной науки³.

Тредиаковский сетует, что начинателей сего славного дела в России очень мало, и твердо надеется, «когда малый, узкий, и мелкий наш поток, наполнившись посторонними струями, возрастет в превеликую, пространную, и глубокую реку, то есть когда число наше искусными людьми умножится, и прибавится...»⁴.

Исследователи однозначно утверждают, что в 30–40 годы XVIII в. Тредиаковский ориентировался только на западноевропейскую традицию. Крайняя точка зрения обозначена Л.Е. Татариновой⁵. Действительно, оказавшись во Франции, он был буквально очарован культурой светского салона. Ю.М. Лотман предполагал, что идея перенести в Россию академическую и салонную французскую культуру захватила мысли молодого новатора. Во французской прециозной среде первой четверти XVIII в. выработался свой язык общения. Создателями этого языка стали избранные персоны: поэты, писатели, обладающие ученостью и стремлением к образованию. Салонная культура была тесно связана с гуманистической традицией Ренессанса. Противопоставляя себя царствующему двору, она утверждала в абсолютистском государстве идею внесловного равенства⁶. Для Тредиаковского проблема сословного неравенства всю жизнь оставалась источником страданий и унижений. Известно, что сам он происходил из семьи поповичей. Не имея ни материального достатка, ни знатных покровителей, он мог надеяться только на себя и попытаться воспользоваться открывшимися возможностями реформы Петра I в построении внесловного государства. Тредиаковский не мог принадлежать к высшему свету по праву рода, но, может быть, европейское образование, ученость и писательство могли бы уравнивать его со знатью?! В «Речи...» 1735 г., ошачливленный должностью в Академии, он обращается к членам Российского собрания с риторическим вопросом: «...не знаю, что должен я о себе помышлять. Возможноль сему стать, и правдаль то, что и я удостоен действительно вашего содружества, котораго токмо такой быть достоин может, кто многого есть разума, довольныя науки, твердаго и зрелаго рассуждения, словом, подобный вам»⁷.

В программной «Речи...» Тредиаковский подчеркивает особое значение западноевропейского опыта для становления оте-

чественной риторики: «Помогут нам в ней премногии творцы Греческий и Римский; а наипаче хитрый и слаткий в слове Марк-Туллий-Цицерон. Помогут Французский Балзаки, Костарды, Питрю, и прочие бесчисленнии. Помогут многии преславнии писатели Немецкии...»⁸. Неумолимо, с точки зрения Тредиаковского, значение переводов.

Европейский опыт служит для теоретика языка примером для подражания: «...первыиль мы в Европе, которым сие не токмо трудно, но почитай и весьма неприступно быть кажется?.. Например: не нетрудно было, в самом начале, Флорентийской Академии старание приложить к чистоте своего языка; приложила. Не нестрашно было, мню, предприть также и Французской Академии, чтоб совершеннейшим учинить свойство там употребляемого диалекта; предпрियाла. Невозможно, чаю, сперва казалось Лейпцигскому содружеству подражать толь благоуспешно вышереченным оным Академиям, коль те начавши окончали щасливо; подражает, и подражало благополучно»⁹.

Эксплицитно в «Речи...» 1735 г. о предшествующем отечественном книжном опыте не упоминается. Точкой отсчета русского языка Тредиаковский называет Петровскую эпоху. Более того, всячески подчеркивается первенство членов Российского собрания и самого автора в деле создания русского языка. Обратим внимание на разнообразие форм от глагола «начинать»: «Знаю, что трудно будет *начало*; но своя есть честь и *начатию*... На что нам завидовать щастию и славе других в окончании, когда довольно всего того с нас будет в *начатии*, и в продолжении. Но хотя нас и устрашают трудности; однако *начнем*, а по *начатии* нечто из того произойдет, по крайней мере, побуждение других к подобному делу: не *начинаяж* ничего, ничего и не будет»¹⁰.

Однако имплицитно влияние церковно-славянской книжной традиции заметно в композиции и языковых особенностях «Речи...». Выше приведенная фраза отсылает нас к Прологу Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через него начало быть, и без Него ничто не начало быть» [Ин. 1. 1–3].

Начало «Речи...» вполне соответствует житийной топике, когда древнерусский автор, приступая к богоугодному делу написания жития святого, начинал с прославления Бога и самоуничи-

жения. Топосы прославления в «Речи...» Тредиаковского представлены в трансформированном виде. Они обращены к иному адресату, тогдашнему Президенту Императорской Академии господину Иоанну Албрехту барону фон-Корфу. Тредиаковский называет его главным Командиром, остроумным и мудрым Мужем, особой «в мудрых мудрой, в ученых ученой, в достойных достойной...»¹¹. Выстраивая антитезу, собственную персону автор характеризует как имеющую многие недостатки и неспособности, собственное риторическое слово как неискусное, должность в Академии как непосильную, не соответствующую тупости его ума.

Тредиаковский указывает на цель своих филологических практик: «...ради сего станем трудиться, чтобы и по смерти не умереть»¹². Он совершенно определенно выстраивает схему иерархии авторитета и авторства: Бог – императрица Анна – поэт: «...возблагодарим токмо всеблагому БОГУ, что милостиво свое подобие, ИМПЕРАТРИЦУ АННУ, даровал нам здесь, да здраво, благополучно, и долговременно та царствует над нами»¹³. Новый язык нужен писателю, чтобы прославлять правление императрицы: «Сего точно ради ныне должность сия вам поручается, дабы, по скольку возможно, в совершенство приводить Язык наш, и чрез тоб иметь хотя малое средство к прославлению дел и добродетелей Государыни нашея»¹⁴. В лице императрицы для Тредиаковского совместились добродетели мудрого, храброго, щедрого, правосудного, любезного, рассудительного, великодушного монарха и божественная милость: «Глух есть, кто не слышит громогласных проповедей по всей России, от всех чинов, на всяком месте, о крайней Самодержицы нашея милости; слеп есть, кто не видит повсюду текущего, неудопытного потомкам, щедрот ея источника; окаменен есть, кто не чувствует сердцем матерняго ея ко всем милосердия...»¹⁵. Текст аллюзивно отсылает нас к библейскому первоисточнику: «...потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем...» [Матф. 13. 13–15]. Какова же, по Тредиаковскому, роль поэта? Поэт сохраняет истину для будущих родов:

«...достовернейшая сия истинна такова вменится, каковы преукрашенные слогом басни древних и новых Пиитов нам быть кажутся»¹⁶.

Когда Тредиаковский 14 марта 1735 г. выступал с речью перед членами Академии, ему шел тридцать третий год (поэт родился 22 февраля по старому стилю 1703 г.). Возложив на себя многотрудные обязанности на поприще совершенствования русского языка, поэт встал на путь *imitatio Christi*. Тредиаковский дает публичный обет смирения и послушания: «...но послушанием, но почтением к Его Превосходительству, с вами сравниться всячески постараюсь. Не будет во мне, да и не надлежит, никакова велениям его сопротивления, не будет отнюд отречения, не будет и нималого преслушания: ко всему, чего моя должность взыскивать с меня ни будет, увидит он меня готова; ко всему, да и всегда, прилежна; ко всему радательна, и толь, коль самая возможность до того меня допустит...»¹⁷. Он не уверен, примет его академическая общественность или закидает камнями: «...Его Превосходительство несколько меня достойным изображает вашего общества, и вы не будете сожалеть, что искусныя ваши наставления, в рассуждении чистоты нашего Языка, в прибыток мой, к пользе общей, купно с вами трудясь, употреблю: что и дабудет благоуспешно, желаю»¹⁸.

Тредиаковский избирает путь апостольского служения: не для себя, но для потомков. Он неоднократно подчеркивает, что не достоин нести «толь тяжкое бремя», акцентирует внимание на низости своего положения. Топика поведения задана словами апостола Павла: «Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи, могущий снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью, и посему он должен как за народ, так и за себя приносить жертвы о грехах. И никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как Аарон» [Евр. 5. 1–4].

Тредиаковский обращается к библейским образам пчелы и цветка; как риторическая фигура наращивания в этом же контексте появляется образ соболя: «...для себяль единыя Пчела слаткий мед собирает, а и не для нас? Для себяль единого Соболя драгоценную носит одежду, а и не для нас? Не для себя и прекрасныи Цветы благовонны, но для нас»¹⁹. Мотив пчелы и цветка имеет ветхоза-

ветное происхождение: «Мала пчела между летающими, но плод ее – лучший из сластей» [Сир. 11. 3; см. также Притчи Соломона. 6. 6–11]. 24 глава «Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова» прославляет Премудрость через семантику растительных образов: «Я [премудрость] возвысилась, как кедр на Ливане и как кипарис на горах Ермонских; я возвысилась, как пальма в Енгадди и как розовые кусты в Иерихоне; я, как красивая маслина в долине и как платан, возвысилась. Как корица и аспалаф, я издала ароматный запах и, как отличная смирна, распространила благоухание, как халвани, оникс и стакти и как благоухание ладана в скинии. Я распростерла свои ветви, как теревинф, и ветви мои – ветви славы и благодати. Я – как виноградная лоза, произрастающая благодать, и цветы мои – плод славы и богатства. Приступите ко мне, желающие меня, и насыщайтесь плодами моими; ибо воспоминание обо мне слаще меда, и обладание мною приятнее медового сота» [Сир. 24. 14–22]. Образ соболя, символизирующий пышность одежд, отсылает к богоизбранному Аарону-толмачу – посреднику между пророком Моисеем и людьми, первому получившему сан священника и право совершать культовые действия: «И сделай священные одежды Аарону, брату твоему, для славы и благолепия» [Исх. 28.2]. Особое благолепие одежд первосвященника становится метафорой красоты его речи.

Конец речи совмещает *imitatio apostoli* и *imitatio angeli* - Тредиаковский снова показывает смирение и непротивление: «...сию Речь, на сих листках написанную, в ваше отдаю рассмотрение, прося, да соблаговолите в ней неправильное исправить, недостаточное наполнить, непринадлежащее надлежащим украсить, лишнее вон вынять; и сим образом из неслаткия, зделать ея хотя несколько пошлою, и приятною»²⁰.

Тредиаковский не боялся трудностей, занимая должность в Академии с обязанностями вычищать русский язык: «...и трудность в нашей должности не толь есть трудна, чтоб побеждена быть не возмогла. Одно тщание, одна ревность, одна неусыпность от нас требуется. Можнож дать и способ, чрез который тщание, ревность, и неусыпность непременно иметь мы будем. Верьте мне, когда о труде памятовать не станем; когда хвалы, славы, и общия пользы желать станем; когда не для того будем жить, чтоб не трудиться, но ради сего станем трудиться, дабы и по смерти не

умереть: тогда нечувствительно привыкнем и пристрастимся к тщанию, ревности, и неусыпности»²¹. По сути дела, Тредиаковский в данном отрывке обращается к жанру светской проповеди, тематическим ключом для реконструкции которой являются библейские аллюзии. Так, призыв к ревностному служению отсылает нас к «Посланиям апостола Павла»: «Ибо не несправеден Бог, чтобы забыл дела ваши и труд любви, которую вы оказали во имя Его, послужив и служа святым. Желаем же, чтобы каждый из вас, для совершенной уверенности в надежде, оказывал такую же ревность до конца, дабы вы не обленились, но подражали тем, которые верою и долготерпением наследуют обетования» [Евр. 6. 10–12]. Призыв к тщанию может быть интерпретирован через «Первую книгу Ездры»: «Все, что повелено Богом небесным, должно делаться со тщанием для дома Бога небесного» [1 Езд. 7. 23]. Возлагая на себя обязанности ревнителя русского языка, Тредиаковский приравнивает свою деятельность к апостольской. Избрав путь ученого и писателя – просветителя народов – Тредиаковский заручается авторитетом Священного Писания и Предания, исторического прошлого России, ее культуры, искусства, в том числе и языка, конечно, церковно-славянского.

¹ Здесь и далее «Речь...» цит. по: *Тредиаковский В.К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою: В 2 кн. – СПб.: При Имп. Акад. наук, 1752. Т. II (здесь С. 9–10).

² Там же. – С. 16.

³ Там же. – С. 10.

⁴ Там же. – С. 11.

⁵ *Татарина Л.Е.* Русская литература и журналистика XVIII века. – М.: Проспект, 2006.

⁶ *Лотман Ю.М.* «Езда в остров любви» Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII в. // Проблемы изучения культурного наследия. – М.: Наука, 1985. – С. 223–226.

⁷ «Речь...». – С. 9.

⁸ Там же. – С. 17.

⁹ Там же. – С. 15.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. – С. 7–8.

¹² Там же. – С. 18.

¹³ Там же. – С. 13.

- ¹⁴ Там же. – С. 11.
- ¹⁵ Там же. – С. 12–13.
- ¹⁶ Там же. – С. 12.
- ¹⁷ Там же. – С. 9.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. – С. 14–15.
- ²⁰ Там же. – С. 18–19.
- ²¹ Там же. – С. 18.

С.А. Салова

К.М. ВИЛАНД В РЕЦЕПЦИИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

История восприятия Виланда в России является малоизученной областью как в отечественной компаративистике, так и в истории художественного перевода. Благодаря капитальной статье Р.Ю. Данилевского, опубликованной еще в 1970 г. в сборнике «От классицизма к романтизму», значение «непререкаемого» получил тот факт, что «первые упоминания о Виланде в русской печати и первые переводы его произведений относятся к концу 1770-х годов»¹. Впрочем, исследователь вполне допускал, что Виланд «был известен в России тем читателям, которые владели немецким языком, задолго до появления переводов»². Данилевский специально указал также на ту особую роль, которую сыграли русские масоны в популяризации нравоучительных и чувствительных сочинений Виланда. Творчество же Державина, никогда не поддававшегося на приглашения вступить в масонские ложи, вплоть до настоящего времени остается фактически вне поля зрения исследователей проблемы «Виланд в России».

Между тем есть основания полагать, что Державин был в числе тех первых заинтересованных читателей и поклонников Виланда в России, которые предвосхитили восторженное отношение к сочинениям этого немецкого автора со стороны многих отечественных представителей сентиментализма и предромантизма. Означенное обстоятельство заостряет необходимость научной постановки вопроса об особенностях творческого освоения Державиным поэтико-философского наследия Виланда. Оговорим особо, что речь пойдет о художественном преломлении «виландовского» компонента в образной системе, тематике и содержательном наполнении нескольких конкретных стихотворений Дер-

жавина, созданных им в разное время и впоследствии включенных в сборник «Анакреонтических песен» 1804 г.

Следы знакомства с сочинениями Виланда, как нам представляется, обнаруживает уже ранняя любовная лирика Державина, точнее – те четыре стихотворения на любовную тему («Объявление любви», «Пламида», «Всемила», «Нине»), создание которых обычно относят к 1770 г. Первое из них утверждает идеал одухотворенной любви, понятой как взаимное движение навстречу друг другу, как глубокая внутренняя связь вплоть до полного слияния душ: «Что с тем сравнится восхищеньем, / Как две сольются в нас души?»³ Только такая любовь осмысливается как причастная к божественному, как единственно способная возвысить человека и уравнивать его с богами: «Любовь лишь с божеством равенство / Нам может в жизни сей дарить»⁴.

Неоплатонический пафос подобных лирических излияний вполне очевиден. Поэтическая мысль Державина подпитывалась из источника платоновской мудрости и при создании следующих трех лирических миниатюр, каждая из героинь которых оказалась в центре конкретной любовной коллизии, персонифицируя при этом соответствующий тип любви земной, плотской. Воссозданные здесь модели интимного поведения женщины категорично отвергались условным автором как противоречащие прокламированному ранее этическому идеалу взаимоотношения полов в сфере чувства.

Пламида представлена как жрица продажной любви, чей прагматизм и жажда денег расценивается как фактор, вульгаризирующий и в конечном счете истребляющий любовное чувство, что и произошло с условным автором стихотворения: «Но слышу, просишь ты, Пламида, / В задаток несколько рублей: / Гнушаюсь я торговли вида, / Погас огонь в душе моей»⁵. Пунктирно намеченная в следующем микросюжете любовная драма прекрасной Всемилы, покинутой соблазвившим ее мужчиной, осмыслена сквозь призму четких и жестких этических критериев: «Так! Добродетелью бывает / Сильна лишь женщин красота»⁶.

В последнем из названных выше стихотворений резкими, нервическими мазками поэт воссоздал динамический портрет женщины, подверженной приступам любовной лихорадки. Условный автор призывает Нину излечиться от граничащей с безумием

болезненной страсти, открыть душу для другой любви, платонической, «без всяких сладостных зараз», обещая, что только при этом условии «будет вечен наш союз»⁷.

Прямолинейный морализм ранней любовной лирики Державина, его остро критическое отношение к феномену любовного аффекта и экзальтации имели под собой определенные нравственно-философские основания. В этой связи считаем возможным предположить знакомство поэта не столько с трудами самого Платона, сколько с теми этическими императивами, которые провозгласили в своих сочинениях виднейшие неоплатоники – теоретики так называемого «морального чувства» («moral sense»). Ключевую роль в приобщении начинающего русского поэта к достижениям новейшей европейской этической мысли сыграло раннее творчество Кристофа Мартина Виланда, представлявшего в немецкой литературе XVIII в. так называемую «линию сердца».

Содержательное наполнение четырех лирических миниатюр, созданных Державиным в 1770 г., обнаруживает концептуальную близость к некоторым идеям Виланда, сформулированным им в трактате 1754 г. «О симпатии», автор которого предстал энергичным популяризатором идей Платона и Шефтсбери. Наполненное религиозно-сентиментальными настроениями, это сочинение представляло собой экстатический монолог-проповедь о «сродстве» чувствительных, «симпатических» душ и о возникающей между ними некой тайной связи. Выше уже отмечалось, что моралистические суждения молодого Виланда оказались как нельзя более созвучны русским масонам. Вполне закономерно поэтому, что первый перевод данного сочинения на русский язык, опубликованный во второй части журнала «Утренний свет» за 1778 г., принадлежал перу М.Н. Муравьева.

Не исключено, что в числе русских читателей, ознакомившихся с моралистическим опусом Виланда еще в оригинале, был Державин, вполне способный обходиться без услуг переводчика с немецкого. Не приходится сомневаться, что, подобно Муравьеву, он исключительно близко воспринял ту мысль о высоком назначении земной красоты, которая красной нитью прошла через все семь частей виландовской статьи, придав ей концептуальную целостность и завершенность. Приведем полностью соответствующую развернутую цитату из перевода Муравьева: «Красота есть

обещание души; сим обязуется она производит великия, благородныя и достойно подражаемые действия. Она есть прелесть, принуждающая учителя добродетели внимати; ибо красавица долженствует быти учительницею примерами, даемыми ею; добродетель, одетая красотою, входящая в среду человеков, обращающаяся с ними, и пред очами их действующая, нравится более, нежнее касается, и в сердцах глубже следы впечатлевает, нежели все правила мудрых... Благонравие является несравненно прелестнее в нежном румянце, играющем на прекрасных ланитах; чувства и порядок, показующия благодать сердца, любезнее слышатся из розовых уст... Красота и мудрость, соединяся во едино, сильны тронуть невнимающих и толико прилепленных к телесным чувствам, что не могут любить добродетели в собственном ея виде»⁸. Приведенная цитата делает очевидной близость этической позиции Державина к идеалистическому представлению Виланда о тождественности добродетели и красоты. Этот постулат, в конечном счете, и послужил надежной семантической скрепой, придавшей целостность и идейно-композиционное единство лирической тетралогии начинающего поэта.

Этические построения Виланда о симпатических душах, восходящие к знаменитому платоновскому мифу об андрогидах, оформили идейно-смысловое пространство элегического стихотворения Державина «Призывание и явление Пленеры» (1794), посвященного его умершей жене. Вот как передал немецкий поэт-философ саму суть того священного таинства, когда сродственные души взаимно обретали друг друга: «Колико сладостно удивление сих сродственных душ при взаимном обретении! Некая тайно привлекающая приятность сближает их; рассматривают они друг друга, и чем долее взаимно на себя взирают, тем бывают любезнее друг другу. Возможно ли не любить им себя? Сердца их устроены в любезнейшем единогласии; естество для обеих имеет равныя прелести; чистый сей лазурь неба, сии благоуханныя цветы, сия зеленеющая страна, дремлющая при тихом луны сиянии, и еще более, духовныя красоты: порядок, благодать, невинность смиренная, непознанная, непоощряемая и неподражаемая добродетель, пребывающая верна небесному Гласу посреди неисправленного сего мира... все сии красоты равно их поражают»⁹.

Аналогичным образом, как встречу двух сродственных душ, осмыслил Державин свой счастливый, но – увы! – недолгий брак с Пленирой, умевшей поразительно тонко понимать и чувствовать своего супруга: «Движения исчисли, / Вздыхания измерь / И все мои ты мысли / Проникни и поверь»¹⁰. В тоскующем призыве «Приди ко мне, Пленира»¹¹, ощутимо не просто страдание, но почти физическая боль овдовевшего супруга, утратившего половинку своей души: «Хоть острый серп судьбины / Моих не косит дней, / Но нет уж половины / Во мне души моей»¹². Именно о таком идеальном гармоническом союзе симпатических душ и писал Виланд: «Сколь любезно для них открывать взаимно себе внутренние чувства! Сколько легко разумеют они друг друга! Сколь быстро тоже чувство переходит из души единого в душу другого! Кажется они быти двумя половинами, которых дружба совокупляет паки во едину душу»¹³. Вместе с тем Виланд по-своему перетолковал знаменитый платоновский миф, заявив, что у каждого человека есть не один, но несколько душевных «сродственников»: «...многие сродственные мне души рассеяны по земному шару»¹⁴.

Виландовский оптимизм оказался как нельзя более своевременным и актуальным для погруженного в воспоминания субъекта стихотворения «К Анжелике Кауфман» (1796). Державин обратился к этой «живописице преславной»¹⁵ с просьбой создать стилизованный в античном духе портрет своей будущей супруги и предложил его словесную программу. Пленира, явившаяся поэту в видении, как бы благословила его на встречу с другой сродственной душой: «Милой половину / Займи души твоей»¹⁶. Обретение в Милене симпатической души осмыслено Державиным в мифопоэтическом духе: не просто как встреча с новой любовью, но как своеобразная реинкарнация, душевное преображение, возрождение и обновление: «Чтобы сердце безвозвратно / В гроб с Пленирой схороня, / Я нашел бы в ней (Милене. – С.С.) обратно / И, пленясь ее красой, / Оживился бы стократно / Молодой моей душой»¹⁷. Тем самым в стихотворении «К Анжелике Кауфман» Державин позиционировал себя поэтом, воспринявшим мудрую устремленность древних эллинов к бессмертию, обретаемому в любви, и потому вознесших на небывалую высоту идеал женской красоты и любви к женщине.

Сочувственное восприятие Державиным неоплатонических по своему глубинному смыслу размышлений Виланда о сущности духовной любви не исключало, однако, возможность остро полемического, вплоть до категорического, неприятия, отношения русского поэта к отдельным суждениям последнего. В частности, Державин резко разошелся с Виландом в осмыслении поэтической личности Анакреонта и эстетической природы осененного его именем жанра.

В седьмой главе своего сочинения «О симпатии» автор упрекал некоего Едона за его увлеченность чтением «Анакреонтовых од». Сами произведения и их создатель получили при этом весьма нелицеприятную и едкую оценку: «Что чтешь ты, Едон, производящее сию довольную усмешку на лице твоём и удаляющее сон от веждей твоих, тогда как скрываются уже последние звезды?.. АНАКРЕОНТОВЫ оды! Ты восхищаешься сим любимцем природы? В песнях его дышат тончайшее сладострастие и нежные приятности; приобщил ты к нему изрядное сообщество. Здесь лежит Г... его соперник, там Шолье. Тибулл, Гай, Приор, твои друзья, лежат особо с другими стихотворцами, разсеяны в приятном беспорядке. Ослабляющаяся глубокомысленность являет мне происходящее в душе твоей. Зришь ты на свет из веселого места: видишь только миртовые рощи, розовые постели, вечную весну; благосклонных девиц, Фавнов и пляшущих Дриад; соловьи прелестным пением к любви призывают... Слыши (когда умствование твое не отвлекло тебя так далеко, чтобы почитать мудрым Анакреонта), слыши глас твоего друга, убежавшего заранее опасности, к которой ты поспешаешь»¹⁸.

Хотя литературно-теоретическая рефлексия Виланда не пощадила репутации Анакреонта, из процитированного фрагмента видно, что его критика была направлена главным образом против европейской анакреонтической поэзии в рокайльном стиле. Существенно, что свои критические замечания Виланд адресовал начинающему поэту, справедливо полагая, что «юноше, прилепляющемуся к стихотворению, одаренному от природы тонким чувством красот ея и изобильному остроумием, потребно более другаго быти учеником истинных мудрецов»¹⁹.

По мысли автора трактата «О симпатии», образцовыми авторами, способными внушить истинные представления о мудрости

и добродетели, являются Платон и Шефтсбери, по-видимому оставшиеся неизвестными Анакреонтам нового времени. Предостерегая Едона от повторения их ошибок, Виланд писал: «Но сии легкомысленныя купидоны, сии учителя искусства лобзать и упиваться, Анакреоны сии влияли в тебя вкус к басням и тем учинили тебя равнодушным к постоянным музам. Устранися искаженного своего вкуса... Коликция благодарности достоин открывающий новыя приятности в добродетели!.. Ежели ощущаешь ты в себе стихотворный огонь, то возьмем честолубие заслужити таковой венец победы или молчи: будет бо время, что возжелают сии сластолюбивые мудрецы дабы не имели они тогда остроумия, когда описывали они соловьев и в Лидийских песнях призывали ко слабости и ко усыпанию на персях Венеры. Внимай, Едон, словам мудраго Еллина: Музы, говорит он, никогда толико прекрасны не бывают, как служба добродетели»²⁰.

Свои советы и наставления Виланд адресовал дебютантам, еще не искушенным в искусстве стихотворства, стремясь предостеречь их от пагубного увлечения поэзией утонченного сладострастия. К середине 1790-х годов, когда Державин стал целенаправленно обращаться к переложению отдельных фабул и мотивов из анакреонтеи, он был уже известным описцем с устойчивой репутацией «певца Фелицы» и вряд ли нуждался в подобных поучениях. Однако с началом нового этапа в творческой деятельности Державина программные требования Виланда к поэтам-анакреонтикам парадоксально актуализировались в его поэтическом сознании.

Неоплатоническая идея о возможности для человека встретить на своем жизненном пути множество сродственных и симпатических душ легла в основу мифопоэтической картины мира в анакреонтике Державина. Он выступил поэтом-демиургом, сотворившим особое, замкнутое художественное пространство, густо населенное языческими богами и божествами, античными героями и обычными людьми. Конечно же, обилие мифологических образов неизбежно привнесло в изображаемый Державиным микрокосм элемент условности и идеальности. Вместе с тем их присутствие в тексте обуславливалось не исключительно орнаментальными функциями, но было вполне оправдано эстетически и концептуально. Мифологические персонажи выступали чаще все-

го в качестве своеобразных первообразов, задававших ту парадигму художественных аксиологических установок, которые придавали целостность и завершенность нерасчлененному миру державинской анакреонтики, миру торжествующей Красоты и Любви.

Неоплатонические концепты «сродственности» и «симпатии» получили оригинальное художественное преломление в композиционной компановке, последовательном выстраивании текстового материала внутри державинского сборника анакреонтических песен. Знаковый смысл приобрел в этой связи принцип структурного соположения стихотворений, «сродственных» по мотивно-тематическому признаку. Поясню высказанную мысль подробнее.

В сборнике Державина отдельно представлены авторские переложения од II («К женщинам») и III («Купидон») из анакреонтеи; вместе с тем заимствованные из них мотивы развернуты в самостоятельные лирические темы стихотворений «На пастуший балет» и «Мечта». Показательно также, что в анакреонтической песне «На пастушеский балет» обыграны различные мотивы еще трех од из анакреонтеи – VII, XIV и XV, причем два последних первоисточника подвергались автономной семантической трансформации (в стихотворениях «Бой» и «Деревенская жизнь» соответственно). Аналогичным образом, существование отдельного переложения анакреонтической фабулы XXVI – пьесы «Хмель» – не помешало Державину актуализировать тематические предикаты од XV и XXVI из анакреонтеи в послании «К самому себе». И, наконец, еще один ряд примеров: некоторые мотивы оды XXX использовались Державиным в миниатюрах «Спящий Эрот», «Цепи», «Пленник»; оды XLIII – в пьесах «Бабочка» и «Кузнечик». Как объяснить отмеченные выше факты?

Неоплатоническая философия стала той надежной скрепой, которая обеспечила устойчивость сюжетно-композиционной структуры сборника «Анакреонтических песен» Державина и дала ему концептуальное единство. Созданный поэтом анакреонтический образ мира претендовал на известную системность и упорядоченность, он был насквозь пронизан соответствиями, перекличками и аналогиями. Этот мир симпатических душ населяли не только античные божества и герои, но и смертные люди. Однако к ним нельзя было применить банальную формулу «простые

смертные», потому что все они без исключения отличались любовью, жизнелюбием, душевной щедростью и талантливостью, творческой одаренностью и – главное – «неистовостью» в платоновском смысле этого слова. В поэзии Державина стала постепенно складываться индивидуально-творческая художественная модель бытия как идеального царства внутренне сродственных друг другу людей, совершенных душой и телом.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что неоплатоническая философия Виланда принимала деятельное участие в творческом самоопределении Державина, вырабатывавшего те опорные нравственно-эстетические принципы, которые легли в основание поэтической картины мира, созданной в его анакреонтике.

-
- ¹ Данилевский Р.Ю. Виланд в русской литературе // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. – Л.: Наука, 1970. – С. 303.
 - ² Там же.
 - ³ Державин Г.Р. Анакреонтические песни. – М.: Наука, 1986. – С. 71.
 - ⁴ Там же.
 - ⁵ Там же. – С. 72.
 - ⁶ Там же. – С. 73.
 - ⁷ Там же.
 - ⁸ О симпатии, из сочинений г. Виланда // Утренний свет. 1778. Ч. II (январь). С. 18–19.
 - ⁹ Там же. – С. 12.
 - ¹⁰ Державин Г.Р. Анакреонтические песни. – М., 1986. – С. 59.
 - ¹¹ Там же. – С. 58.
 - ¹² Там же. – С. 59.
 - ¹³ О симпатии, из сочинений г. Виланда // Утренний свет. 1778. Ч. II (январь). С. 12–13.
 - ¹⁴ Там же. – С. 15.
 - ¹⁵ Державин Г.Р. Анакреонтические песни. – М., 1986. – С. 32.
 - ¹⁶ Там же. – С. 59.
 - ¹⁷ Там же. – С. 33.
 - ¹⁸ О симпатии, из сочинений г. Виланда // Утренний свет. 1778. Ч. II (январь). С. 36–37.
 - ¹⁹ Там же. – С. 37.
 - ²⁰ Там же. – С. 39–40.

М. Альтшуллер

ШИШКОВ И КАРАМЗИН В СПОРЕ О СУДЬБАХ РОССИИ

Карамзин родился на двенадцать лет позже Шишкова (соответственно в 1766 и в 1754) и умер на пятнадцать лет раньше (в 1826, а Шишков – в 1841). Таким образом, общая часть их активной жизни пришлась на годы от Французской революции до восстания декабристов. В России сменилось четыре государя. Это было время и больших надежд, и страхов, и разочарований.

В 1784 г. Шишков опубликовал небольшое стихотворение (32 строки) «Старое и новое время». Оно имело успех, и Шишков несколько раз перепечатывал его, постепенно увеличивая размер, довел его с двух строф до восьми (1789, 1804)¹. Стихи были программными для автора. В них постулировался тезис: старое всегда лучше нового, все изменения ведут только к ухудшению нравов, культуры, обычаев: в старину люди не лгали, супруги не изменяли друг другу, даже (по смыслу стихотворения в допетровской Руси!)

*Текли сладчайши реки
И прозы и стихов
Из авторский голов².*

На этой позиции, разумеется, на гораздо более серьезном уровне Шишков оставался до конца жизни.

И приблизительно в то же самое время (1789–1790) странствующий Карамзин с доброжелательным любопытством и живым интересом наблюдает за событиями в революционной Франции, на столетия вперед определившими общественное развитие Европы, включая Россию: «Наш путешественник присутствует на шумных спорах в национальном собрании, восхищается талантами Мирабо, отдает должное красноречию его противника аббата Мори, глядя

на них, как на Ахиллеса и Гектора»³. Революция во Франции совершается пока на удивление мирно. Еще достаточно далеко до ужасов якобинского террора. Однако уже тогда (может быть, оформлено и сформулировано это было несколько позже) зарождается в уме молодого прогрессиста важнейший постулат всех его позднейших историософских размышлений: «...другие идеи и новые образы теснятся в моем уме: достаточно ли прочны сооружения, воздвигаемые с излишней поспешностью? Шествие Природы не является ли всегда *постепенным и медленным* <курсив мой. – М.А.>? Блистательная иррегулярность может ли быть устойчивой и прочной?»⁴

Для молодого Карамзина любое государственное устройство, в отличие от беспорядочной звероподобной стаи, есть уже благо. «Общественный договор», вступая в силу, пройдя испытание временем, обрастая традициями и преданиями, должен всячески охраняться и почитаться гражданами, в этом обществе живущими: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку»⁵. Однако это не означает, что человек не должен стремиться к усовершенствованию, улучшению и самого себя и общественных отношений: «*Утопия* (Или *Царство щастия* сочинения Моруса) будет всегда мечтою доброго сердца, или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов. ...Всякия же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот»⁶. В геополитических размышлениях Карамзина эта мысль всегда была важнейшей. Гармония общественного устройства в принципе достижима (так казалось ему в молодые годы), но только если движение к ней будет осуществляться *медленно, безопасно, неприметно*.

Пока Карамзин думал, что Французская революция сможет развиваться по подобной модели, он относился к ней с доброжелательным вниманием. С умилением смотрит он на королевскую чету в придворной церкви или играющего дофина в Тюльери. «Народ любит *еще* <курсив мой. – М.А.> кровь царскую»⁷, и поэтому сохраняется еще надежда на медленное, бескровное решение социальных и политических проблем.

Надежды эти в значительной степени угасли к середине 1790-х годов. Как всякий нормальный человек, Карамзин не мог не испытать ужаса и отвращения от кровавой вакханалии якобинского террора, охватившего Францию. Естественно, было и ощущение горечи и глубокий пессимизм, так как мясорубкой 1793 г. достаточно неожиданно завершилось торжество просветительских идей, с которого Французская революция начиналась. Как хорошо известно, эти настроения нашли выражения в знаменитом очерке, письмах Филалета и Мелодора: «Век просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя – среди убийств и разрушения не узнаю тебя!..» Единственное утешение, которое может предложить своему разочарованному другу Филалет – вера в Провидение, в то, что мир не вращается по замкнутому зловещему кругу, а как-то развивается, но пути этого развития, начертанные Творцом, не доступны человеческому разуму⁸. Общий вывод остается, таким образом, достаточно пессимистическим. И подобный пессимизм Карамзин, в общем, сохранил до конца жизни.

Шишков тоже был утопистом и тоже, в гораздо большей степени, чем Карамзин, надеялся на воплощение своих утопий. Он скорее был оптимистом в своих историософских построениях. В отличие от Карамзина, его утопии лежали не в будущем, а в прошлом. При этом (во всяком случае, теоретически) Шишков считал возвращение в прошлое возможным. В 1803 г. он выпустил свою знаменитую книгу «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка». Мне уже приходилось говорить, что, вопреки мнению современников и таких замечательных ученых, как Ю.Н. Тынянов, книга эта трактовала не только и, может быть, не столько вопросы языка и литературы, сколько рассматривала важнейшие проблемы общественной и политической жизни начала XIX в.⁹.

Язык для Шихова является квинтэссенцией национальной культуры, выражением и воплощением национального менталитета. «Самое главнейшее достоинство человека, причина всех его превосходств и величий, есть слово, сей дар небесный, вдохновенный в него, вместе с душою, устами Самого Создателя»¹⁰. Таким богодуховенным языком у русских является церковнославянский, «древний Славенский язык», опирающийся на древнегреческий и воплощающий таким образом исконную национальную право-

славную культуру. Он противопоставляется Шишковым скудному, невыразительному, восходящему к латинскому, французскому языку. При этом современный русский язык для него есть лишь незначительная модификация, «результат деградации церковно-славянского»¹¹. Язык является основным инструментом для создания литературы, а литература, в свою очередь, является воплощением национального характера, главным выразителем национальной культуры и главным орудием национального воспитания. Роль литературы в народной жизни огромна.

В русской литературе, «словесности», Шишков различает «три рода». Первая словесность есть древняя, посвященная «духовным умствованиям и размышлениям», которая «изяществом и высотой всякое новейших языков витийство превосходит», т.е. «священные книги». «Вторая словесность наша состоит в народном языке». Шишков имеет здесь в виду фольклор, как он говорит, «народные стихотворения». Лишь на третьем месте, с некоторым пренебрежением называет Шишков современную литературу «третью словесность», которая «процветает не более одного века», которую русские писатели «взяли от других народов... слишком рабственно им подражали и, гоняясь за образом мыслей и свойствами языков их, много отклонили себя от собственных своих понятий» (IV, 139–141).

Таким образом, основные постулаты, сформулированные Шишковым, сводились к следующему. Русский народ является носителем самоценной и самобытной культуры. Эта культура, основанная на греческом православном (византийском) наследии, намного превосходит «сухую, бесплодную», восходящую к вторичным латинским образцам западную (прежде всего Шишков имеет, конечно, в виду французскую). Россия выработала, сохранила и укоренила в своем народе политическую систему, незыблемую и своей устойчивостью и совершенством намного превосходящую все европейские образцы.

В то же время Шишков не мог отвергать того очевидного факта, что вся современная русская литература строится по европейским (французским) образцам («взяли от других народов»), что быт и стиль жизни русского образованного общества мало отличается, по крайней мере внешне, от образа жизни европейцев. С этим трагичным, отрицательным, пагубным для России явлени-

ем Шишков и боролся в своей книге и продолжал эту борьбу в течение всей жизни.

Этой проблеме он посвятил в 1804 г. выразительные страницы «Прибавления к Рассуждению о старом и новом слоге...». Возражая на рецензию П.И. Макарова («Московский Меркурий», 1803, ч. 4, с. 155–198), Шишков противопоставляет друг другу «мы» и «они». «Мы» – это дворяне, образованная часть общества. «Они» – простой народ, сохраняющий старинный быт, нравы и обычаи. «Мы» – «обрили бороды», «одежи короткое немецкое платье», «выучились танцевать минуэты... петь италиянския арии». «Они» – «ходят еще и ныне с бородами», носят «долгие зипуны», пляшут «сельские пляски», «подблюдные песни», «о святой неделе катают яйцами» (П, 459). При этом все симпатии Шишкова находятся на стороне простого народа, «бодрых и веселых юношей, питающих нас своими трудами» (П, 459). «Мы» только недавно переняли эти смешные и нелепые, с точки зрения Шишкова, обычаи, а нынешние нравы народа, – подчеркивает Шишков, – восходят к прошлому, которое всегда лучше настоящего: «Они так точно пляшут, как, бывало, плясывали наши и деды и бабки», «они ходили прежде и ходят еще и ныне с бородами». Произшедший разрыв между верхней, правящей и образованной элитой и простым народом является для Шишкова трагедией, потому что тогда, в прошлом, и в народе, и в верхних слоях единого общества процветали исконные русские добродетели (любовь к отечеству, твердость в вере, почитание царей и законов – П, 458), которые сохраняются в народе и размываются в образованных верхах.

Общеизвестно, что «Рассуждение о старом и новом слоге...» направлено против Карамзина, сочинения которого («Почему в России мало авторских талантов», «Письма русского путешественника», «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь» прямо упоминаются в самой книге и в приложениях¹².) Можно думать, что и это важнейшее для Шишкова размышление является прямым ответом Карамзину и, возможно, даже было спровоцировано одной замечательной страницей в «Письмах русского путешественника». Здесь Карамзин наиболее последовательно излагает свои западнические идеи и единственный раз одобрил быстрое и решительное (в течение каких-нибудь двадцати лет) изменение культуры, быта,

нравов, даже одежды и внешнего вида русских людей: «Надлежало... свернуть голову закоренелому Русскому упрямству, чтобы сделать нас гибкими, способными учиться и перенимать. <...> Немцы, Французы, Англичане были впереди русских, по крайней мере, шестью веками: Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их». Превосходство Запада в технических достижениях, в науке, в образовании для Карамзина очевидно: «Иностранцы были умнее русских: и так надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. <...> Лучше ли б было Русским не строить кораблей, не образовать регулярного войска, не заводить Академий, фабрик, для того, что все это не Русскими выдуман?» Русский деревенский быт, сарафаны и бороды, так умилявшие Шишкова, вызывают у Карамзина только насмешку: для него это лишь проявления узколобого национализма, который жалок на фоне величественной картины общечеловеческой культуры: «Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! Грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею в самом вышшем состоянии: для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все *национальное*¹³ ничто пред *человеческим* <курсив Карамзина>»¹⁴. Если Шишков глубоко сожалеет о разрыве между народом и высшими сословиями, то Карамзин смеется над бородами, радуется, что хотя бы образованная группа, «вышшее состояние», приобщилась к утонченной европейской культуре, а шишковские исконные русские добродетели для Карамзина лишь «грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука».

Наше предположение, что слова Шишкова являются прямым ответом Карамзину, подкрепляется тем фактом, что французские главы «Писем русского путешественника» (очевидно, по цензурным причинам) не были опубликованы в «Московском журнале» 1792 г. Они вошли только в отдельное издание в составе сочинений Карамзина в 1801 г. Второе издание «Сочинений» вышло в 1803 г., а Шишков писал свои возражения Макарову после 23 апреля 1804 г., когда вышел «Московский Меркурий» со статьей Макарова¹⁵.

Прошло несколько лет, и позиции Карамзина и Шишкова слегка сблизились. В 1810–1811 гг. Карамзин написал одно из лучших и до сего дня произведений русской публицистики «За-

писку о древней и новой России». В этой замечательной брошюре он подверг жесткой критике все проводившиеся молодым императором реформы. Последовательным противником этих реформ, как и вообще всяких изменений существующего в России порядка был и Шишков: «Другие <т.е. старые екатерининские вельможи. — М.А.> должны были умолкнуть и уступить новому образу мыслей, новым понятиям, возникшим из хаоса чудовищной французской революции. Молодые наперсники Александровы, напыщенные самолюбием, не имея ни опытности, ни познаний, стали все прежние в России постановления, законы и обряды порицать, называть устарелыми и невежественными»¹⁶.

Карамзин считал самодержавие лучшей для России формой правления. Параллельно с «Запиской» он работал над шестым томом «Истории». Здесь описывалось царствование Ивана III, любимого для автора русского самодержца. По-прежнему Карамзин постулирует благотворность для России сближения с Западом: Иван «раздрал завесу между Европою и нами», но важнейшей его заслугой перед Россией стало «утверждение Единовластия»¹⁷.

С точки зрения Шишкова, как и Карамзина, никакой власти, кроме самодержавия, в России быть не должно. Оба полагали, что русский народ относится к царской власти с сакральным трепетом. Карамзин самым решительным образом выступает против робких попыток нынешнего царя «обуздать неограниченное самовластие» в России: «Самодержавие основало и воскресило Россию; с переменою государственного устава она гибла и должна погибнуть...»¹⁸ (с. 43–44). «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разногласия, а спаслась мудрым самодержавием (с. 9). Царь сделался для всех россиян земным богом (с. 12).

Достаточно определенно изменил Карамзин и свою прежнюю, безусловно апологетическую оценку Петра. Теперь он считал ошибкой резкую ломку нравов и обычаев, пренебрежение и неуважение к сложившемуся веками укладу. «Искореня древние навыки, представляя их смешными, глупыми <сам Карамзин, как мы только что видели, лет двадцать назад считал их такими! — М.А.>, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам?» (с. 22–23).

В создании пропасти между народом и образованным сословием, о чем с горечью писал Шишков, Карамзин обвинял именно Петра: «Дотоле, от сохи до престола, россияне сходились между собою некоторыми общими признаками наружности и в обыкновениях, — со времен Петровых высшие степени отделились от нижних, и русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах, ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний» (с. 23).

Даже в ненависти и презрении к французам Карамзин в «Записке» сближается с Шишковым: «Мы все... ненавидим сей народ, обгаренный кровию Европы, осыпанный кровью держав разрушенных...» (с. 98).

И вместе с тем «Записка» Карамзина по своему пониманию исторического процесса противостояла идеям Шишкова и настроениям его окружения. По взглядам на судьбу и будущее России они кардинально расходились. Ю.М. Лотман справедливо писал: «Идея исторического прогресса составляла одну из основ мировоззрения Карамзина, и именно этим он долгое время вызывал ненависть Шишкова и его кружения»¹⁹. Другое дело, что для Карамзина благоприятным, благотельным для человека было развитие, которое абсолютно исключало насильственное изменение событий, бунты, государственные перевороты и даже слишком быстрые, радикальные реформы. «Самовольные управы <т.е. революции, бунты. — М.А.> бывают для Гражданских Обществ вреднее личных несправедливостей или заблуждений Государя. Мудрость целых веков нужна для утверждения власти: один час народного иступления разрушает основу ее...» (с. 15); «Заговоры суть бедствия, колеблют основу Государств и служат опасным примером для будущности» (с. 40).

Мысль и благотворности только медленных, продуманных, постепенных изменений является для Карамзина важнейшей: «Вообще царствование Романовых, Михаила, Алексея, Феодора, способствовало сближению Россиян с Европою. <...> сие изменение делалось постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрасание, без порывов и насилия» (с. 20–21). Ничего нельзя делать сразу, с размаху, быстро: «...всякая новость в Государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходи-

мости: ибо одно время дает надлежащую твердость уставам...» (с. 53).

Особенно показательны для настроений Карамзина его рассуждения о крепостном праве. Он решительный противник освобождения крестьян, однако совсем не такой, как Шишков, для которого крестьяне и помещики связаны идиллической связью, «на обоюдной пользе основанной, русским нравам и добродетелям свойственной, взаимным усердием и общей к отечеству любви ознаменованной»²⁰. Это было написано в 1814 г., и в 1820-м Шишков развивает те же патерналистские идеи о крепостном праве: «...данное в России над людьми право не есть ни беспредельное, ни насильственное, но огражденное законами, требующими, чтобы помещик сочетавал пользу свою с пользою своих подвластных и купно с государственным благом, наблюдая между ими, как отец между детьми, благосостояние, порядок и устройство»²¹.

Карамзин исходит из глубоко пессимистического взгляда на природу человека. Он понимает, что свобода в принципе, конечно, лучше порабощения, но беда в том, что людям свобода не нужна, они не умеют пользоваться ею. Опыт Французской революции показал, как лозунги свободы, равенства и братства оборачиваются кровавым террором. Тем не менее готовы к свободе русские крестьяне, привыкшие к подневольному состоянию, которое вовсе не древнее установление, а сравнительно недавно закрепленный законом институт: «Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу <...>, но знаю, что теперь им неудобно возвратить оную. Тогда они имели навык людей вольных – ныне имеют навык рабов» (с. 74)²².

Вскоре после создания конфиденциальной «Записки» Карамзина его главному оппоненту Шишкову довелось широко и публично во всей полноте выразить свои историософские взгляды. В 1812 г. он был назначен Государственным секретарем вместо отставленного и сосланного Сперанского. В преддверии войны перед Александром стоял выбор: назначить государственным секретарем талантливого и умного Карамзина, человека, с которым у него были личные дружеские отношения и которого император высоко ценил за независимость и самостоятельность мнений, или Шишкова, человека сугубо консервативных убеждений, не приемлемых для самодержца, человека, которого он к тому же лично

недолюбливал. Однако Александр не колебался. Он вызвал Шишкова: «Я читал рассуждение ваше о любви к отечеству. Имея такие чувства, вы можете быть ему полезны. Кажется, у нас не обойдется без войны с Французами; нужно сделать рекрутский набор; я бы желал, чтоб вы написали о том манифест»²³.

Ближайшее будущее показало, что царь принял правильное с государственной точки зрения решение. Спустя годы закоренелый либерал и западник Петр Андреевич Вяземский вынужден был признать правильность царского выбора, правоту Александра: «Карамзина манифесты были бы с большим благоразумием, с большим искусством писаны, но имели ли бы они то действие на толпу, на большинство, неизвестно. <...> большинство, народ, Россия читали их с восторгом и умилением <...> по Сеньке шапка»²⁴.

Написанные от имени царя и правительства манифесты дали Шишкову уникальную возможность изложить свою политическую программу не только перед образованными, искушенными в политике интеллигентными дворянами, но и перед всем народом. Он остался в этих пламенных воззваниях верным своим излюбленным идеям.

Манифесты исполнены презрения и ненависти к французам, нация которых определена как «слияние обезьяны с тигром» (с. 441)²⁵. У них «лукавство в сердце и лесть на устах» (с. 426). В силу этих своих особенностей французы легко поддались влиянию революционных идей: душа этого народа воспитана в «соблазне от общего и долговременно разливающегося яда безверия и развращения» (с. 441). Их столица – «гнездо мятежа и пагубы народной» (с. 475).

В Манифестах Шишков наконец свел счеты с галломанией своих образованных соотечественников. Громогласно, во всеуслышание упрекает он их в слепой привязанности к французам, врагам России, православия, русского народа: «Долго мы заблуждались, почитая народ сей достойным нашей приязни, содружества и даже подражания. Мы любовались и прижимали к груди нашей змею, которая, терзая собственную утробу свою, проливала к нам яд свой и, наконец, за нашу к ней признательность и любовь всезлобым жалом своим увязляет» (с. 442).

Развращенным, порочным французам противостоят доблестные россияне с их славной историей (Пожарский, Палицын, Минин – с. 427). Вопреки исторической истине Шишков создает идеальный образ «миролюбивого и кроткого», но в то же время «сильного и храброго» русского народа, который «издавна любил со всеми окрестными народами пребывать в мире и тишине» (с. 423–424). Все, что нарушает эту идиллическую картину, относится Шишковым за счет пагубного иноземного влияния. Таковы, например, естественные для всякой воюющей армии случаи мародерства: «...есть между нами недостойные вас сотоварищи ваши, которые... шатаются по деревням и лесам под именем мародеров. Имя гнусное, никогда не слыханное в русских войсках, означающее вора, грабителя, разбойника» (с. 434).

Это идеальное сообщество никогда не поддается никаким соблазнам и сохранит нерушимо вековые устои: «...по изгнании неприятеля из земли нашей, всяк возвратится с честью и славою в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям» (с. 428). Русские должны, порвав с французским народом «все нравственные связи, возвратиться к чистоте и непорочности наших нравов и быть именем и душою храбрыми и православными» (с. 442). Шишков предлагает даже «между злом и добром поставить стену, дабы зло не прикоснулось к нам» (с. 442).

Окончание войны стало для Шихкова полным торжеством его историософских и политических идей. Для Шихкова революция есть грандиозная историческая катастрофа, порожденная французскими просветительскими идеями, «адскими, изрыгнутыми в книгах лжемудрованиями» (с. 441). Когда был казнен царствующий монарх, оказался нарушен издревле установленный мировой порядок. Вся дальнейшая история Французской революции представляет собою только углубление и расширение этого катаклизма. Шихкову глубоко безразличны споры между жирондистами и монтаньярами, якобинцами и эбертистами, умеренными и радикалами. Все они в равной мере преступники, ибо нарушают свыше установленный мировой порядок. Наполеон для него только атаман, простолюдин, чужеземец, выбранный развращенным народом, достойный продолжатель разрушительной деятельности Маратов и Робеспьеров.

В отличие от Карамзина, поступательного движения истории для Шишкова не существует. Просветительская идея прогресса всегда была ему глубоко чужда. Поэтому для него Французская революция есть только результат повреждения нравов, вызванный вредоносными идеями и книгами, некий зловредный зигзаг истории. Таким образом, в принципе существует возможность это нарушение устранить и как можно скорее вернуться к первоначальному идиллическому покою. Для этого нужно повернуть историю немного вспять и, возвратив европейским народам *«прежнее их достоинство, спокойствие и свободу... привести все царства в прежнее их состояние»* <курсив мой. – М.А.>. Единственное средство для этого: изгнать незаконного «атамана»-Наполеона. После чего «законный Король издревле владетельного дома Бурбонов, Людовик XVIII, в залог мира и тишины по желанию народа возводится на прародительский престол».

Возвращение в страну законного монарха из династии издревле царствующей производит чудо мгновенного преобразования хаоса революции в гармонию мирового порядка: «Тако водворяется на земле мир, кровавые реки перестают течь, вражда всего царства превращается в любовь и благодарность, злоба обезоруживается великодушием, и пожар Москвы потухает в стенах Парижа» (с. 238, 266, 475, 476). Так осуществляется великая Утопия, о которой всегда грезил Шишков.

Что касается России, то тут дело обстоит гораздо проще. Шишков был уверен, что в русском народе «не было никогда иных книг, кроме насаждающих благонравие, иных нравов, кроме благочестивых, уважающих всегда человеколюбие, гостеприимство, родство, целомудрие, кротость и все христианские, нужные для общежития добродетели»²⁶. (Биограф Шишкова резонно иронизирует по поводу этих дифирамбов национальному характеру: «Скоро же забыл почтенный автор пугачевщину»²⁷.)

Поскольку русский народ, таким образом, в массе своей не был затронут развратительными идеями, величайшее благо для России заключалось в том, чтобы сохранить ее в прежнем состоянии, не затрагивая ни одного из существующих институтов и не вводя ничего нового.

Не случайно в последнем манифесте 1814 г. Шишков часто употребляет слова *издревле* и *издавна*. В этом манифесте дворян-

ство, основное государственное сословие, «ум и душа народа» (в официальном документе Шишков предаёт забвению свои инвективы против дворян, зараженных вредными идеями. Впрочем, с его точки зрения, это всегда касалось только образованной столичной верхушки) названо «издревле благочестивым, издревле храбрым, издревле доказавшим... ничем ненарушимую преданность и любовь к царю и отечеству». Здесь же утверждается незыблемость крепостного права, которое является важнейшим звеном государственной системы, обеспечивая патриархальную, идиллическую связь между сословиями, между помещиками и крестьянами. Так постулирует Шишков идею застоя как идеального государственного состояния. Вся дальнейшая его практическая деятельность в должности министра просвещения (1824–1828) в основном успешно проводила эту идею в жизнь.

Карамзин в последние годы жизни был, по выражению Ю.М. Лотмана, «охладевшим скептиком, отравленным горечью многих разочарований»²⁸. Написанный незадолго до смерти абзац показывает, что никаких иллюзий о возможности какого бы то ни было гармонического государственного устройства у Карамзина не осталось: «Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить наверху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдания»²⁹.

Таким образом, на основании рассмотренных текстов можно сформулировать три доктрины гипотетического развития России в начале XIX в.

Первая – решительный и быстрый поворот в сторону Запада, к прогрессу и демократии, как их тогда понимали, задуманный, но не осуществленный Александром I.

Вторая – утопия Шишкова. Стремление удержать Россию от чужеродных влияний, которые разрушат прочно устоявшийся, полученный от Бога русский национальный миропорядок.

И третья – доктрина Карамзина. Россия отстала от Запада. Включение в семью европейских народов необходимо, но этот процесс должен происходить очень медленно, постепенно, не вызывая резких потрясений в сознании народа.

Эти проблемы остаются актуальными для России и в наши дни.

-
- ¹ См. текст стихотворения и историю публикации в кн.: Поэты 1790–1810-х годов. Библиотека поэта (Б.С.). – Л., 1971. Изд. подготовили М.Г. Альтшуллер и Ю.М. Лотман, с. 355–358, 840. См. также: Марк Альтшуллер. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. Новое литературное обозрение. – М., 2007. – С. 35–42.
 - ² Стихи были настолько популярны, что довольно часто встречаются в рукописных сборниках. Недавно было обнаружено их громадное (еще десять строф) продолжение неизвестного автора. См.: Марк Альтшуллер. Неопубликованное продолжение стихотворения А.С. Шишкова «Старое и новое время». – Study Group of Eighteenth-Century Russia. Newsletter, #33 (November, 2005), Editors: A.G. Cross, Alessandra Tossi, p. 31–38.
 - ³ Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника. (Литературные памятники). Изд. подготовили Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. – Л., «Наука», 1984. – С. 53.
 - ⁴ Там же. – С. 453.
 - ⁵ Там же. – С. 226–227.
 - ⁶ Там же. – С. 227.
 - ⁷ Там же. – С. 225.
 - ⁸ Мелодор к Филалету. Филалет к Мелодору. – Н.М. Карамзин. Избранные сочинения. Т. 2. Изд. «Художественная литература». – М.–Л., 1964. Составление, подготовка текста и примечания Г. Макогоненко. – С. 247, 257–258.
 - ⁹ О значении книги Шишкова см.: И.З. Серман. Литературное дело Карамзина. Российский государственный гуманитарный университет. – М., 2005.
 - ¹⁰ Собрание сочинений и перевода адмирала Шишкова. – СПб., 1818–1839. Ч. IV. – С. 108. В дальнейшем ссылки на это издание (часть и страница) в тексте.
 - ¹¹ Ю. Лотман и Б. Успенский. Споры о языке как факт русской культуры. – Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. Т. XXIV. Литературоведение. Тарту, 1975. – С. 176. Перепечатано в: Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. II. Язык и культура. – М. Изд. «Гнозис», 1994. – С. 321–566.
 - ¹² О тексте, с которыми полемизирует в своей книге Шишков, см.: Олег Прокурин. Литературные скандалы Пушкинской эпохи. О.Г.И., М., 2000. – С. 19–46.
 - ¹³ Так было в изданиях 1801 и 1803 гг. В 1820 г. в последнем прижизненном издании *национальное* было изменено на *народное*: «Все *народное* ничто пред *человеческим* <курсив Карамзина>». Замена, очевидно, объясняется общей тенденцией Карамзина во второй половине его деятельности заменять иностранные слова русскими. (Кстати сказать, в «Словаре Академии Российской» слово *нация* отмечено коротко как латинское с отсылкой к развернутой статье о слове *народ*.)
 - ¹⁴ Письма. – С. 254–255, 442.

- ¹⁵ Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). Т. 3. – СПб. Изд. «Российская национальная библиотека», 2006. – С. 318.
- ¹⁶ Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. – Барлин, 1870. Т. 1. – С. 84–85. В дальнейшем: Шишков. Записки.
- ¹⁷ *Н.М. Карамзин*. История государства Российского. Т. VI. Изд. «Наука». – М., 1998. – С. 210–211.
- ¹⁸ *N.M. Karamzin*. A Memoir on Arsiient and Modern Russia. The Russian text. Ed. by Richard Pies. Hatvard, Cambridge (Mass.), 1959. – С. 43–44. В дальнейшем ссылки на «Записку» Карамзина в тексте.
- ¹⁹ *Ю.М. Лотман*. Карамзин. – СПб. Изд. «Искусство–СПб». – С. 591; об историзме «Записки» см. в статье Г.П. Макогоненко «Николай Карамзин – писатель, критик, историк» – в кн.: Г.П. Макогоненко. Избранные работы. «Художественная литература». – Л., 1987. – С. 138–139.
- ²⁰ *Шишков*. Записка. Т. 1. – С. 306–307.
- ²¹ Там же. – Т.П. – С. 122–123.
- ²² Возможно, именно эти и подобные им рассуждения вызвали известную реплику Пушкина, вспоминавшего: «Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспоривая его, я сказал: “Итак, вы рабство предпочитаете свободе”. Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души». (<Из автобиографических записок>. – Полное собрание сочинений. Изд. АН СССР. (Репринт: М., «Воскресенье», 1996. Т. XII. – С. 306). Впрочем, и сам молодой поэт несколько лет спустя воскликнул едва ли не еще более резко, чем Карамзин в «Записке»: «Вас не разбудит чести клич. // К чему стадам дары свободы? // Их должно резать или стричь».
- ²³ *Шишков*. Записки. Т. 1. – С. 121.
- ²⁴ *П.А. Вяземский*. Записные книжки (1814–1848). «Литературные памятники». Изд. подготовила В.С. Нечаева. – М., 1963. – С. 270.
- ²⁵ Манифесты перепечатаны в: Шишков. Записки. Т. 1. Они цитируются по этому изданию с указанием на страницу в скобках.
- ²⁶ *Шишков*. Записки. Т. II. – С. 326.
- ²⁷ *В. Стоюнин*. Александр Семенович Шишков. (Исторические сочинения В. Стоюнина. Ч. 1). – СПб., 188. – С. 182.
- ²⁸ Письма русского путешественника. – С. 554.
- ²⁹ «Мысли об истинной свободе» // *Н.М. Карамзин*. Избранные статьи и письма. Изд. «Современник». – М., 1982. – С. 161.

И.А. Беляева

ГОНЧАРОВ И ДАНТЕ

Настоящая работа является продолжением и развитием тех мыслей, что нам уже доводилось высказывать в ряде статей, посвященных проблеме «Гончаров и Данте». Одна из первых публикаций на эту тему носила заглавие вполне традиционное, как это часто бывает тогда, когда предлагаются неожиданные типологические сопоставления: «“Странные сближения”: Гончаров и Данте»¹. Действительно, в случае Гончарова и Данте *сближение* может показаться *странным* и неожиданным, но только лишь потому, что проблема эта практически не привлекала исследовательского внимания. Исключением, пожалуй, могут служить некоторые работы В.И. Мельника, в частности его книги «И.А. Гончаров: Духовные и литературные истоки» (2002) и «Гончаров и православие: Духовный мир писателя» (2008), в которых исследователь отмечал дантовский дискурс Гончарова, однако очень пунктирно, возводя общую идею романной трилогии писателя к гоголевскому «пути»². Основой для подобных аналогий служили, прежде всего, фамилии героев Гончарова. «...Адуевы, Обломов и, наконец, Райский? Это своего рода ад, чистилище и рай», – пишет исследователь³. В более поздней работе В.И. Мельника эта идея находит некоторое развитие через акцентуацию «мифологемной, всеопределяющей, универсальной оппозиции “ада” и “рая”»⁴ в общей художественной логике трилогии. Однако, думается, проблема «Данте и Гончаров» заслуживает более пристального изучения и, вполне возможно, позволит открыть ранее скрытые горизонты в научной интерпретации романов русского писателя.

Постараемся наметить ключевые моменты в определении и расшифровке «дантовского кода» романистики Гончарова.

Прежде всего заслуживает внимания важный факт его творческой биографии: начало становления писателя отмечено мощным импульсом – знакомством с творчеством Данте и его «Божественной Комедией»⁵. Ведущая роль в этом знакомстве принадлежала профессору С.П. Шевыреву, который был одним из первых отечественных дантологов. В 1833 г. он защитил диссертацию «Данте и его век», которую опубликовал в Ученых записках Московского университета за 1833–1834 гг. Этот труд, скорее всего, был знаком прилежному студенту Гончарову, высоко почитавшему талант молодого преподавателя. Да и С.П. Шевырев отличался тем, что читал свои лекции «по рукописи»⁶ и, вполне возможно, свой рассказ о Данте он выстраивал близко к тексту своего фундаментального труда. «Долго без таких умных истолкователей, – вспоминал об университетских профессорах Гончаров, имея в виду Н.И. Надеждина и С.П. Шевырева, – пришлось бы нам потом самостоятельным путем открывать глаза на библейских пророков, на произведения индийской поэзии, на эпопеи Гомера, Данте, на Шекспира – до новейших, французской, немецкой, английской литератур, словом – на все, что мы читали по их указанию тогда и что дочитывали после них. Глубокий и благодарный поклон их памяти!»⁷

Истолкование «Божественной Комедии» у С.П. Шевырева подчинено пониманию глубокой взаимосвязи философской и образной сторон поэмы: в аллегориях Ада, Чистилища и Рая отразились, соответственно, разные этапы духовного пути человека и всего человечества. В интерпретации профессора каждая из частей «Божественной Комедии» получала свое толкование: «Ад» он определял как «результат настоящей жизни человека», а «Чистилище» и «Рай» ассоциировались у него с *надеждой* и *пробуждением*. «Мука, растворенная надеждой», которая представляла, по мнению Шевырева, в дантовском «Чистилище», преодолевалась Поэтом во сне, что в высшей степени интересно («мысль, следуя за мыслью, постепенно наводит на него [Поэта. – И.Б.] сон»), и отзывалась «пробуждением» в «Раю»⁸.

Подобная интерпретация созвучна тому, как позже Гончаров определит «периоды» русской жизни, отраженные в трех своих романах. Два последних, то есть «Обломов» и «Обрыв», в статье «Лучше поздно, чем никогда» он назовет, соответственно, «Сном»

и «Пробуждением», а аллегорический смысл «Обыкновенной истории» раскроет в письме к А.А. Краевскому еще в 1848 г.: он, по мнению автора, содержался в названии романа. «Обыкновенная история», как замечает Гончаров, – это «история – *так по большей части случающаяся*, как написано», т.е. история, обычная в своей закономерности, а не просто «не сложная, не запутанная»⁹. Гончаровская «Обыкновенная история» и есть *результат настоящей жизни человека*.

В художественной логике Гончарова-романиста, несомненно, просматривается важный вектор телеологического «сверхзамысла» или «плана» (в пушкинском значении слова), который восходит к дантовскому «образцу созерцания универсума» (Шеллинг). Сущностная черта подобного «образца», по справедливой мысли философа, состоит не столько в органичной трихотомии разделения универсума на ад, чистилище и рай, сколько в «поступательном движении» жизни «по ступеням», в ее «переходе к абсолютному состоянию»¹⁰.

Архитектоника романов Гончарова в их единстве («*не три романа, а один*»¹¹) вполне сопоставима с тремя последовательно разворачивающимися *картинами* жизни.

Первая – *обыкновенная история* – обнаруживает печальную закономерность прозаизации жизни и деградации человека. Эта картина представлена наиболее ярко в первом романе, но и в последующих тоже сохраняется. То есть она проявляет себя на макро- и микроуровнях – в контексте трилогии и каждого романа, в нее входящего. И если в рамках «Обыкновенной истории» читателю показываются все пружины и нюансы движения человека вниз, то в «Обломове», например, просто и достаточно лаконично представлена структура петербургского (столичного) ада современной жизни. Там есть стремящиеся сделать светскую «карьеру и фортуну» (Волков и Судьбинский) – они располагаются только в начале адской воронки. Далее следуют у Гончарова художники, низведшие искусство до механических построений: таков писатель Пенкин, фамилия которого говорит сама за себя. И, думается, размышления о литераторах подобного рода, забывших в своем изучении «пружин» общества и перебирании «ступеней общественной лестницы» о человеке, в сопоставлении с именами величайших человековедов Данте и Шекспира («слышится то

Данте, то Шекспир»¹²⁾, далеко не случайны. Но еще хуже Пенкина и ему подобных люди, вообще потерявшие свое лицо: таков некто Иванов-Васильев-Андреев или Алексеев, некий человек-тень, «безликость абсолютная», по верному определению М.В. Отрадина¹³⁾. В «Обрыве» адские сферы Петербурга также будут сосредоточены на мотиве безликости (так, петербургский приятель Райского Аянов в этом плане напоминает Алексеева: «Он – так себе: ни характер, ни бесхарактерность, ни знание, ни невежество, ни убеждение, ни скептицизм» [Т. 7, с. 6]; ср. с тем, как оценивал Алексеева Захар: «Ни кожи, ни рожи, ни ведения!» [Т. 4, с. 31]) и еще – холода, что является прямой отсылкой к Данте.

В романе «Обломов» герой, пребывая, как и все столичные жители, в постоянной угрозе сорваться в бездну (это важнейший мотив романа), стремится себя сохранить – как может. Его чистая, «хрустальная» душа из всех сил сопротивляется падению. И, возможно, его «нормальное состояние», т.е. лежание на диване, при котором тем не менее совершается «вулканическая работа пылкой головы», о которой никто, кроме Штольца, не догадывался (Т. 4, с. 67), есть попытка защитить себя от того, чтобы не стать петербургским мертвецом: не случайно герой произносит целую инвективу в их адрес в начале второй части. Пребывание Обломова в состоянии сна – это бытие между жизнью и смертью, т.е. и не жизнь, но и не смерть тоже, а сомнамбулическое самосохранение. Таким же образом – во сне – хочет уберечь себя от «омута» столицы и герой «Обыкновенной истории». Александр Адуев признается тетушке Елизавете Александровне: «Стоит ли хлопотать из чего-нибудь, любить, привязываться, ссориться, мириться – словом, жить? Не лучше ли спать и умом и сердцем? Я и сплю, оттого и не хожу никуда <...> Я уснул, было, совсем, а вы будите и ум и сердце и толкаете их опять в омут. Если хотите видеть меня веселым, здоровым, может быть живым, даже, по понятиям дядюшки, счастливым, – оставьте меня там, где я теперь (т.е. в состоянии сна. – Б.И.)» (Т. 1, с. 414).

«Сон» и есть следующая картина Гончарова, это своеобразное отрицание ада, его антитезис. Интересно, что сон, как и в шевыревской интерпретации «Божественной Комедии», в художественной философии Гончарова-романиста порождается мыслью и таит в себе надежду пробуждения. Но сон может оказаться «мерт-

вым», он чреват смертью: таким сном, «истинным подобием смерти» (Т. 4, с. 111), спали в Обломовке. *Картина* «сна» вообще очень сложная и важная в душевном восприятии человека, она объединяет в себе две тенденции: надежду на пробуждение, ведущую вверх, и опасность падения в бездну. Крайние точки определены – ад и рай, но изобразить дорогу жизни, раскрыв ее амбивалентную природу, – едва ли не самое сложное. По преимуществу эта решающая для человека *картина* «сна» занимала внимание писателя в романе «Обломов», но заявляла о себе и в других частях трилогии. Об «Обыкновенной истории» уже вскользь говорилось. Есть она и в «Обрыве»: Райскому, этому, по словам Гончарова, «проснувшемуся *Обломову*»¹⁴ снится «артистический сон», который знаменует собой начало новой творческой жизни героя и в котором оживает не столько мертвая холодная статуя «с лицом Софьи» Беловой (Т. 7, с. 149), сколько его собственная душа.

Третья *картина*, «пробуждение», включает в себе высшее состояние человека и мира, в котором он пребывает, – со всеми многочисленными связями между ними (социальными, национальными, всечеловеческими, трансцендентными). Во всех трех романах, но особенно в «Обрыве», Гончаров раскрывает пути, способы обретения человеком этого высшего состояния. Вернее, путь один – это тот «архимедов рычаг», о котором, умиляясь красотой мира, размышлял Штольц. «Любовь, с силою архимедова рычага, движет миром» (Т. 4, с. 448), она же есть «то мотив, то содержание, то цель почти всякой деятельности»¹⁵, как считал Гончаров. То есть не труд, как утверждал в начале романа еще не знающий любви Штольц, составляет цель, смысл и содержание деятельной, живой природы мира («труд – образ, содержание, стихия и цель жизни, по крайней мере моей» [Т. 4, с. 182]), т.е. труд «безлюбивый», а значит и пустой, но творчество, одухотворенное любовью и красотой. Именно любовь есть и смысл, и причина, и вечный двигатель мира и человека – *сила архимедова рычага*.

Причем как романист Гончаров абсолютно по-дантовски не разделяет любовь на ее духовную и земную составляющие. Как в «Божественной Комедии» Поэту, дошедшему до половины своего земного пути (этот возраст оказывается переломным и для всех центральных героев Гончарова), явилась в облике земной Беатриче мудрость Небесная, чтобы показать ему весь ужас его настоящей

жизни, так и в романах Гончарова женские характеры, соединяя в себе горние и дольные смыслы, призваны вести героев к свету и пробуждению. Несомненно, центральным в этом плане окажется образ Ольги Ильинской, являющей собой особую «сферу», вблизи которой Обломову легче «дышалось» и жилось, по его же собственным словам (Т. 4, с. 353). Нередко как бы сходящая с небес, взлетающая вместе с героем на гору Ольга дает повод читателю для ассоциаций с ангелом. Она – воплощение абсолютной красоты: «статуя грации и гармонии» (Т. 4, с. 192), сосредоточение музыки и света (это неперенные атрибуты Беатриче у Данте). Именно она помогает Обломову двигаться к абсолютному, идеальному состоянию, тогда как Штольц, подобно дантовскому Вергилию, является проводником своего друга по аллегорическим адовым кругам делового мира. Но Ольга, при всей ее идеальности и какой-то надмирности, совершенно живая, создана живыми и яркими красками, чего стоит ее подробнейший портрет, не лишенный внешних изъянов земной женщины, но в то же время говорящий о том, что перед читателем *совершенная* красавица, красавица из красавиц.

Именно Ольга Ильинская, которой передает своего друга Штольц, должна возродить Обломова, вытащить его из круга лени. А сам Обломов удивительно напоминает дантовского мыслителя Белакву, который сидит у подножия Чистилищной горы и, воплощая собой лень, не стремится к восхождению к Райским вратам, потому что не видит в нем смысла и надеется лишь на молитвы других. Примечательна и поза Белаквы. Он «сидит на земле, руками охватил колена и склонил лицо промеж них: живописный образ лени!» – так комментирует текст «Божественной Комедии» Шевырев. Видимо, этот комментарий профессора запомнился его ученику, студенту Гончарову. Так, его Обломов, простившись навсегда со Штольцем в конце романа, остается в похожей неподвижной позе: он «сел на диван, оперся локтями на стол и закрыл лицо руками» (Т. 4, с. 483). Не случайно и Ольга сравнит Обломова с голубем, который прячет голову под крыло и ничего более не хочет. Эта голубиная поза тоже напоминает Белакву. А на просьбы Штольца пойти с ним к Ольге и к свету Обломов откажет кратко, «умоляющим голосом»: «Оставь меня совсем... забудь...» (Т. 4, с. 483), почти как Белаква, который ответит зовущему его в путь с

собой и Беатриче Поэту: «Карабкайся сам, коль ты силен!» (в переводе Шевырева)¹⁶. Обломов, как и друг Данте, уже не видит смысла в восхождении, однако это в конце, но в начале романа такая возможность – в виде силы *архимедова рычага* любви – у него была. Обломов, правда, не выдержал стремительности и мощи этой силы – сам испугался любви. Но, в отличие от дантовского Белаквы, он пробовал, пытался идти вверх.

Однако такой идеальный вариант взаимно движущей любви, как скрытый «возможный» сюжет (по аналогии с «возможным» сюжетом у Пушкина в «Евгении Онегине») развития отношений между Ольгой и Обломовым, реализован Гончаровым в отношениях Ольги и Штольца. Поэтому линия этих героев, думается, не столько противопоставлена, сколько последовательно сопоставлена с судьбой Ольги и Обломова и продолжает ее в качестве некоего гармоничного варианта (нормы) человеческих отношений, объединяющих вечную, абсолютно-идеальную и земную, преходящую любовь. Крымская идиллия Ольги и Штольца отчасти напоминает ту вечную небесную неподвижность, что обусловлена наивысшим движением, конечно, только в аллегорическом плане. Но все же этот высший – райский – уровень Гончаровым обозначен. И несмотря на то, что в романах Гончарова герой, прикоснувшийся райских сфер, прежде всего творчества, а точнее сказать жизне-творчества, движимый любовью и красотой, наиболее полное воплощение найдет в третьем романе «Обрыв», в «Обломове» такая линия – условно ее можно назвать «линией Райского» – также представлена.

«Герой эпохи Пробуждения» Райский, которому «сильный, новый свет блеснул в глаза», тем не менее еще «оглядывается на свою обломовскую колыбель»¹⁷. И даже в эпилоге романа, уезжая в Италию, которая в европейской культуре нередко ассоциировалась с райской страной, он еще кажется не определившимся и сомневающимся, а потому – далеким от идеала: действительно, он так и не состоялся как художник – литератор, скульптор, живописец – и, может быть, в таком качестве он никогда и не состоится. Но в то же время нельзя не признать, что герой теперь проснулся, он сердцем чувствует, как ему созидать свою жизнь (не картину, не литературный роман, а роман своей Жизни, если вспомнить пушкинскую метафору), потому что у него есть любовь его доро-

гих бабушки, Веры и Марфеньки, у него есть его Россия, вечная красота искусства, символом которой является Италия, куда он удаляется, не потеряв родной почвы под ногами. Его жизнь не сказалась пошлостью и пустотой «сумрачного леса» обыкновенной истории, не заснула обломовским сном, этим «истинным подобием смерти», но начала складываться в единую картину радости, звучать и сверкать красками.

Обломов, конечно, не так, как Райский, но тоже стремится к жизни как творчеству, о чем явственно свидетельствует его «поэма», – план будущей жизни в Обломовке, который он поверяет Штольцу. Там много наивного и чудного, но там есть и музыка, есть красота отношений между мужчиной и женщиной, человеком и природой, искусством. Там есть совсем другое качество по сравнению с патриархальной жизнью его дедов и отцов (тот «рай» навсегда потеряян), поэтому Обломов не соглашается со Штольцем, который ничего нового в его «плане» не видит. Итак, жизнь как творчество, движимая красотой и любовью, – возможность заявленная, но не реализованная в «Обломове», однако продолженная и развитая затем в «Обрыве». Словом, в художественной реальности, сотворенной Гончаровым, утверждалась мысль о не трагическом соединении двух, казалось бы, несоединимых пространств – реального и идеального.

«Обрыв» так же оказывается торжеством Женщины, ее красоты и любви, как и дантовский «Рай» является апофеозом Беатриче. На женщину писатель возлагает высокую миссию: «созидать нас для новой жизни, духа»¹⁸. Женщины в представлении Райского – «создательницы и воспитательницы людей... прямое, лучшее орудие Бога»¹⁹. И таковы в романе три женские фигуры, которые Райский будет помнить и любить всегда – его сестры и бабушка, а также и еще одна «великая “бабушка” – Россия» (Т. 7, с. 772).

Таким образом, Гончарову удалось создать то, что не сложилось у Н.В. Гоголя. Его можно назвать создателем «тройственной поэмы» русской жизни, нашей национальной «Божественной Комедии», которая живет не только в едином целом трилогии писателя, но и в каждом отдельном его романе.

-
- ¹ Беляева И.А. «Странные сближения»: Гончаров и Данте // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2007. – Т. 66. – № 2. – С. 23–38.
 - ² Мельник В.И. И.А. Гончаров: Духовные и литературные истоки. – М.: Изд-во МГУП, 2002. – С. 32.
 - ³ Там же.
 - ⁴ Мельник В.И. Гончаров и православие: Духовный мир писателя. – М.: Даръ, 2008. – С. 140.
 - ⁵ См.: Беляева И.А. Указ. соч. – С. 23–26.
 - ⁶ Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 245.
 - ⁷ Там же. – С. 246.
 - ⁸ Шевырев С.П. Данте и его век: Исследование о Божественной Комедии // Ученые записки Императорского Московского университета. – 1834. – Ч. 3. – № 7–9. – С. 345, 177–178.
 - ⁹ Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 111, 114, 194.
 - ¹⁰ Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. – М.: Мысль, 1966. – С. 451.
 - ¹¹ Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 107.
 - ¹² Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 4. – СПб.: Наука, 1997 – по настоящее время. – С. 26, 27. Далее ссылки на художественные произведения Гончарова приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
 - ¹³ Отрадин М.В. Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – С. 123.
 - ¹⁴ Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 117.
 - ¹⁵ Там же. – С. 428.
 - ¹⁶ Шевырев С.П. Данте и его век: Исследование о Божественной Комедии // Ученые записки Императорского Московского университета. – 1833. – Ч. 2. – № 5–6. – С. 512.
 - ¹⁷ Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 117.
 - ¹⁸ Там же. – С. 133.
 - ¹⁹ Там же. – С. 133–134.

А.Н. Полосина

РУССОИЗМ Л.Н. ТОЛСТОГО

Принадлежность к высшей аристократической верхушке русского дворянства не мешала Толстому всю жизнь любить Руссо, женевского гражданина, который не был ни прирожденным французом, ни дворянином, ни угодником знати. Произведениям французского философа он обязан интересу к философии. Напряженное взаимодействие толстовской мысли с философией французского просветителя началось в 1840-е годы. Из вариантов «Исповеди» известно, что Толстой очень рано стал много читать философских книг и что «Руссо первый увлек его»¹. Влияния на него французского философа он сам никогда не отрицал, и в 1901 г. признался профессору П. Буайе: «Я прочел всего Руссо, <...> все двадцать томов, включая “Музыкальный словарь”. Я не только восхищался им; я боготворил его. <...> Многое из написанного им я храню в сердце, мне кажется, что это написал я сам»². Многочисленные пометы на парижском издании собрания сочинений Руссо³ из личной библиотеки свидетельствуют о том, что все тома внимательно читали.

В большинстве случаев круг чтения персонажей совпадает с авторским. Из черновиков «Войны и мира» известно, что Пьер читал «скучные волюмы “Correspondance” Rousseau» (13, 590). Здесь речь идет о 3-х томах (тт. 17–19) «Переписки» Руссо из вышеупомянутого собрания сочинений. В дневнике В.Ф. Лазурского (9 авг. 1894) имеется подтверждение чтения «Переписки» Руссо: «Вечером стали вслух читать из “Северного вестника” статью П. Вейнберга о Жорж Занд. В первой части делался общий обзор предшествовавшего романа (Руссо, Сталь, Шатобриан и др.). Лев Николаевич в промежутках между чтением высказывал свои заме-

чания. Руссо он читал с самых молодых лет и перечитывал все, даже его переписку. Он его считает величайшим писателем и удивляется, как можно сопоставлять с его романами романы мадам Сталь, которая была, конечно, умной женщиной, но романы писала прескучные»⁴.

Руссо как вдохновляющий фактор имел для молодого Толстого большое значение. На Кавказе в 1852 г. в период работы над «Детством» в течение нескольких месяцев имя французского просветителя не сходило со страниц дневника. Он работал над своим первым произведением с «Исповедью» Руссо в руках: «Писал Детство, читал Руссо» (46, 126).

Любопытно отметить, что «Новую Элоизу» Толстой знал наизусть. В период работы над «Отрочеством» он собирался прочесть этот роман, но в числе книг, присланных из Ясной Поляны на Кавказ, 1-го тома не оказалось. Он просит брата, С.Н. Толстого, прислать недостающий том «Новой Элоизы». «Зачем она тебе? – спрашивает брат. – Из писем твоих к тетеньке видно, что ты ее помнишь наизусть»⁵. К сказанному добавим, что в 1857 г. более двух месяцев Толстой провел в Кларане, месте действия романа «Новая Элоиза», совершая совместные прогулки с графиней А.А. Толстой по следам литературных героев. В письме к тетке Т.А. Ергольской он признался, что находится «в той самой деревне, где жила Юлия Руссо» (60, 190).

Попутно заметим, что уже во второй половине 1850-х годов имя Руссо уходит со страниц дневника и перемещается в сферу художественно-религиозную и в черновые варианты. В одной из редакций «Воскресения» Толстой пишет о Нехлюдове: «Он прочел тогда в первый раз Confessions Руссо, знаменитую первую его речь, Эмиля и Profession de foi d'un vicaire savoyard. И в первый раз он понял христианство и решил, что он будет жить так, как <...> говорило ему его сердце. Он тогда составил себе правила жизни, которые должны были совершенствовать его тело и душу, и старался следовать им. Надо было быть внимательным и добрым ко всем людям, быть воздержанным и деятельным» (33, 136). Автобиографичность контекста не вызывает сомнений.

В толстовской художественно-философской системе имеется замысел образа, который можно условно назвать руссоистским, созданным как бы по Руссо. В незаконченной повести «Мать» не-

которые штрихи облика главной героини присущи самому Толстому: «Я знал ее – не скажу свободомыслие – она никогда не выставляла его, – но смелость и здравомыслие. Полнота чувства, заполнявшего все ее сердце, не давала места суевериям. Знал я ее отвращение ко всякому лицемерию и фарисейству. <...> Она была человек сердца, а по уму совершенный скептик» (29, 251). В образе Петра Никифоровича также имеются автобиографические подробности, особенно слова, что он «был человеком того же склада ума», что Руссо, могут относиться к Толстому. «Мы говорили о нем (о Петре Никифоровиче. – *А.П.*), о его взглядах на жизнь, которые я знал и разделял в то время. Он был – не сказать поклонник Руссо, хотя знал и любил его, но был человеком того же склада ума. Это был человек такой, какими мы представляем себе древних мудрецов. При этом с кротостью и смирением бессознательного христианства. Он был уверен, что он терпеть не может христианского учения, а между тем вся его жизнь была самоотвержением. Ему, очевидно, было скучно жить, если он не мог чем-нибудь жертвовать для кого-нибудь и жертвовать так, чтобы ему было трудно и больно. Только тогда он был доволен» (29, 251).

Что касается «Исповедания веры савойского викария», то сколько бы раз писатель не перечитывал его, всякий раз чтение вызвало в нем «пропасть дельных и благородных мыслей» (46, 167). Судя по запискам Д.П. Маковицкого, Толстой часто перечитывал отрывок из «Исповедания савойского викария»⁶, иногда вслух, в семейном кругу и мог очень легко найти в оригинале «Эмиля» места, напечатанные в «Круге чтения»⁷.

«Рассуждение Руссо о нравственных преимуществах дикого состояния над цивилизованным» еще в молодости пришлось ему «по сердцу»⁸. Он «как будто читал свои мысли и только кое-что мысленно прибавлял к ним»⁹. Уже тогда это было больше похоже на узнавание, чем на влияние.

Несмотря на то что Толстой признался в письме к Б. Бувье, что Руссо был его учителем с 15-летнего возраста (75, 234–235), а в письме к М.М. Ледерле, что «Исповедь» и «Эмиль» произвели на него «огромное», а «Новая Элоиза» «очень большое» (66, 67) впечатление, был ли он прямым учеником или последователем Руссо? Действительно, Толстой не только восхищался им, он боготворил его, с пятнадцати лет носил на груди медальон с его портретом

как образок. Перечитывая некоторые из его произведений, он испытывал то же чувство подъема духа и восхищения, которое он испытывал, читая его в ранней молодости. И то же время, как независимый мыслитель, он мог попасть под влияние чьих-либо идей только в том случае, если они совпадали с его собственными, слагавшимися в нем независимо от кого-либо, выраставшим в нем из глубин его жизни. Но направление мысли, так ярко заявленное Руссо, было воспринято Толстым как свое собственное. Творческая встреча Толстого и Руссо напоминает знаменитые слова Мишеля Монтеня, который о своей дружбе с Ла Боэси пишет в «Опытах»: «Потому, что это был он, и потому, что это был я»¹⁰.

Поздний Толстой знал, что его сравнивают с Руссо, и в дневнике записал: «Меня сравнивают с Руссо. Я много обязан Руссо и люблю его, но есть большая разница. Разница та, что Руссо отрицает всякую цивилизацию, я же отрицаю лжехристианскую» (55, 145). То есть, как отметил еще Н.А. Бердяев, Толстой отрицает «безбожную цивилизацию, которая является неизбежным результатом культуры, отделившейся от жизни»¹¹. По его мнению, «нравственное и религиозное сомнение Толстого в оправданности культуры и культурного творчества было характерно русским сомнением, русской темой»¹².

Будет небезынтересно отметить, что в художественных и религиозно-философских произведениях Толстого цитат Руссо нет. Исключение составляет «Круг чтения» и письмо «Федерации лиг единого земельного налога в Австралии», в котором речь идет об уничтожении «земельной собственности». В нем приведена знаменитая цитата из «Рассуждения о происхождении неравенства»: «Несправедливость и зловерность земельной собственности, — пишет Толстой, — признавалась давно. Еще более ста лет тому назад великий французский мыслитель Жан Жак Руссо писал: «“Тот, кто первый, огородив кусок земли, решился сказать: “эта земля моя” и встретил людей столь простых, что они могли поверить этому, — этот человек был первый основатель того гражданского общества, которое существует теперь. От скольких преступлений, войн, убийств, ужасов избавил бы человечество тот, кто, вырвав колья и заровняв канаву, сказал бы “берегитесь, не верьте этому обманщику, вы пропали, если забудете, что земля не может при-

надлежать никому и что дары ее принадлежат всем”» (78, 221). Этот отрывок процитирован также в «Круге чтения» (42, 52).

По мысли Руссо, частная собственность – основа гражданского общества и главная причина социального неравенства. Неравенство порождает деградацию общественных нравов. Возникают праздность и роскошь, это ведет к развращению нравов. Социальное неравенство порождает деградацию общественных нравов. Руссо провозгласил идею естественного равенства как принцип здравого смысла; он сторонник естественного права, его идеал – далекое прошлое. Эти идеи близки воззрениям Толстого, они нашли свое выражение в «Анне Карениной», «Воскресении», в рассказе «Зерно с куриное яйцо», в трактате «Так что же нам делать?», в статье «Великий грех», в дневниках и в письмах, в устных высказываниях. Основная идея всех этих текстов: «“La propriété c'est le vol” (Собственность – это воровство [фр.]) останется больше истиной, чем истина английской конституции» (48, 85). «Земля – Божья и никому в собственность принадлежать не должна. Владеть землею как собственностью – великий грех» (82, 37). «Собственность, ограждаемая насилием – городovým с пистолетом, – это зло» (49, 60). Он пришел к выводу, что «что если бы было установлено отсутствие собственности земли, а принадлежность ее тому, кто ее обрабатывает, то это было бы самым прочным обеспечением свободы» (54, 97).

Размышления о социальном прогрессе укрепили Толстого в мысли о том, что человечество ни физически, ни духовно не становится здоровее. Отсюда его идеализация патриархального быта. На эту тему написана притча «Зерно с куриное яйцо» (1886), идея которой об «уходе от естественной жизни», перекликается с призывом Руссо «Назад, к природе!». То есть к тому, что соответствует требованиям «совершенной» природы человека. В рассказе уже нет той несовместимости патриархальных идеалов и беспокойной деятельности разума – основной темы и противоречием романа «Анна Каренина». В «Зерне с куриное яйцо» мотив сопоставления прошлого и настоящего, «прежде» и «теперь» связан со стремлением к естественности, с идеализацией патриархальности. «Старина», «прежде», прошлое – это «потерянный рай», «естественное состояние»: «Земля Божья: где вспахал, там и поле. Земля вольная была. Своей землю не звали. Своим только труды свои называли»

(25, 66). Тезис «земля Божья» сопрягается с принципом собственности Руссо «земля ничья»: «плоды земли – для всех, а сама она – ничья»¹³. В рассказе противопоставляются три старика: дед, сын и внук. Дед – «старик <...> без костылей; вошел легко; глаза светлые, слышит хорошо и говорит внятно» (25, 65). Сын – «старый старик на одном костыле», царь ему зерно показал, он «еще видит глазами, хорошо разглядел» (25, 65). Внук – «старик, зеленый, беззубый, насилу вошел на двух костылях» (25, 64). На вопрос царя «отчего твой внук шел на двух костылях, сын твой пришел на одном костыле, а ты вот пришел и вовсе легко; глаза у тебя светлые, и зубы крепкие, и речь ясная и приветная?» (25, 66), дед отвечает: «Оттого, что перестали люди своими трудами жить, – на чужое стали зариться. В старину не так жили: в старину жили по-Божьи; своим владели, чужим не корыстовались» (25, 66). «Теперь» – это время, когда разорвана связь между явлением и сущностью, люди друг от друга отчуждены, они «перестали <...> своими трудами жить, – на чужое стали зариться» (25, 66). Открытая Толстым-Левиным истина в словах Фоканыча «жить по-Божьи» стала главным мотивом рассказа «Зерно с куриное яйцо». Из противопоставления естественного состояния и социального прогресса видна идеализация прошлого, «старины», «патриархальности», естественного состояния, любимой идеи Руссо.

Толстого постоянно интересовали такие понятия, как чувство, рассудок, сознание. Это связано с тем, что исходной основой его мышления была «рефлексия сознания, т.е. гносеологическая рефлексия» (В.М. Паперный). В пору «Исповеди» он приходит к пониманию того, что «сознание ошибки разумного знания помогло» ему «освободиться от соблазна праздного умствования. Убеждение в том, что знание истины можно найти только жизнью, побудило меня усомниться в правильности моей жизни; но спасло меня только то, что я успел вырваться из своей исключительности и увидеть жизнь настоящую простого рабочего народа и понять, что это только есть настоящая жизнь» (23, 43). Как видим, здесь процесс мышления Толстого проходит в рамках эмпирической действительности. Источником чувственного опыта является для него объективно существующий внешний мир. А выраженный здесь материалистический эмпиризм сближает его с французскими материалистами XVIII в. Но Толстой идет дальше. В дневнике

29 апреля 1904 г. записано: «Человек познает что-либо вполне только своей жизнью: Я знаю вполне себя, всего себя до завесы рождения и прежде завесы смерти. Я знаю себя тем, что я – я. Это высшее или, скорее, глубочайшее знание. Следующее знание есть знание, получаемое *чувством* (здесь и далее курсив мой. – А.П.): я слышу, вижу, осязаю. Это знание внешнее; я знаю, что это есть, но не знаю так, как я себя знаю, что такое то, что я вижу, слышу, осязаю. Я не знаю, что оно про себя *чувствует*, сознает. Третье знание еще менее глубокое, это знание рассудком: выводимое из своих *чувств* или переданное знание словом от других людей – рассуждение, предсказание, вывод, наука» (55, 29).

Толстовская концепция разделения чувственного и разумного познания, безусловно, близка принципу дуализма А. Бергсона, представителя философии жизни, младшего современника писателя. Французский мыслитель разводит интуицию (чувство) и рассудок (мышление). По мысли Бергсона, если обратиться к своему личному опыту, то человек постигает окружающий мир, состоящий из отдельных вещей, предметов, явлений при помощи рассудка. Достаточно сосредоточится на собственной психике, на своем «Я», на своих чувствах и мыслях, чтобы убедиться, что они представляют собой непрерывный поток, длительность (*durée*), постоянную смену одних состояний другими, выделить в которой нечто неизменное невозможно. Длительность, то есть жизнь имеет не пространственный, а временной характер¹⁴.

Для Руссо и Толстого одним из основных объектов художественно-философского исследования является внутренний мир человека, как непрерывный процесс мышления, эмоций, переживаний, волевых усилий. Феномен текучести, изменчивости как свойство человеческого сознания, является предметом изображения в произведениях Толстого, начиная с трилогии. Уже в «Отрочестве» он пишет, что «в известную пору жизни вдруг замечаешь, что ваш взгляд на вещи совершенно изменяется, как будто все предметы, которые вы видели до тех пор, вдруг повернулись к вам другой, неизвестной еще стороной. <...> Такого рода моральная перемена произошла во мне в первый раз во время нашего путешествия, с которого я и считаю начало моего отрочества»¹⁵.

Изменчивость, текучесть сознания становится неотъемлемой частью образов главных героев «Войны и мира», «Анны Карени-

ной», «Смерти Ивана Ильича», «Записок сумасшедшего», «Крейцеровой сонаты», «Воскресения» и др., как отражение сложного, незавершенного, постоянного процесса мышления самого автора. Об особом внимании «позднего» Л.Н. Толстого к феномену текучести, можно судить по его философски насыщенным дневникам 1890–1900-е годы. В дневнике 5 июля 1892 г. сущее осмысляется через метафоры текущей воды и облаков: «Когда проживешь долго – как я 45 лет сознательной жизни, то понимаешь, как ложны, невозможны всякие приспособления себя к жизни. Нет ничего *stable* (устойчивого [фр.]) в жизни. Всё равно, как приспособляться к *текущей* (курсив мой. – А.П.) воде. Всё – личности, семьи, общества, всё изменяется, тает и переформируется, как облака. И не успеешь привыкнуть к одному состоянию общества, как уже его нет и оно перешло в другое» (52, 68). Здесь личность, семья, общество рассматриваются исторически, то есть изменяющимися под влиянием модификаций общественно-политической жизни России, что он ощутил на себе.

В связи с вышесказанным, обращает на себя внимание загнутый нижний уголок на с. 274 «Исповеди» Руссо, где речь идет о непрерывной, изменчивой природе чувств, о непостоянстве счастья, о невозможности найти прошлое: «Страшная призрачность человеческих отношений! Она [мадам Варанс] приняла меня как всегда с сердечной добротой, которая могла исчезнуть только вместе с нею: но я приехал, надеясь найти прошлое, а его не было, и оно не могло возродиться»¹⁶. Эта же мысль повторяется в «Прогулках одинокого мечтателя»: «Все на земле – в беспрестанном *течении*. Нет ничего, что сохраняло бы прочную и устоявшуюся форму, и наши привязанности, направленные на внешние предметы, неизбежно проходят и меняются, как они. Всегда опережая нас или оставаясь позади, они напоминают *о прошлом, которого уже нет*, или предвосхищают *будущее, которому часто не суждено наступить*; нет на земле ничего надежного, к чему сердце могло бы привязаться. Потому-то мы и не знаем иных наслаждений, кроме преходящих; что же до длительного счастья, то сомневаюсь, чтобы оно было людям известно»¹⁷.

При сравнении суждения о времени (выделено курсивом) Руссо с концепцией времени из «Исповеди» Аврелия Августина нетрудно обнаружить не только типологическое сходство, но и

прямую перекличку текстов: «Каким же образом уменьшается или исчезает *будущее, которого еще нет? Каким образом растет прошлое, которого уже нет?* Только потому, что это происходит в душе, и только в ней существует три времени. Она и ждет, и внимает, и помнит. <...> Наше внимание <...> длительно, и оно переводит в небытие то, что появится. *Длительно не будущее время – его нет; <...> длительно не прошлое, которого нет;* длительное прошлое это длительная память о прошлом»¹⁸.

В яснополянской библиотеке имеется парижское издание «Исповеди» Августина¹⁹, с пометами Толстого как раз в вышеприведенном тексте (гл. XXVIII). Переведенные с французского языка, творчески переработанные и потому не подписанные именем Августина, эти суждения о времени приведены в «Пути жизни» в главе XXI. Таким образом, августиновская скрытая цитата узнается в «Исповеди» и «Прогулках одинокого мечтателя» Руссо и в «Пути жизни» Толстого. А обращение Руссо и Толстого к «Исповеди» Аврелия Августина обусловлено отчетливой филиацией с концепцией категории времени, которая создавалась на рубеже IV–V вв., была востребована во Франции в конце XVIII в., а затем в России в начале XX в.

Подводя некоторый итог, скажем, что между Толстым и Руссо существует объективная сущностная близость мировоззрения, родство философских идей и принципов, общность религиозных взглядов, тождество основных положений нравственного учения, сходство и идейно-тематическая созвучность проблем, тем, мотивов. В период становления Руссо был наиболее органичным мыслителем для молодого Толстого, который не столько подпадал под его влияние, сколько перерабатывал его идеи в силу их первоначального созвучия с собственными идеями. Это не было влиянием, и даже усвоением, а скорее узнаванием своего, и вдохновляющим фактором, утверждением в правильности собственных умозаключений. Верность общему духу идей Руссо осталась на всю жизнь. А вся жизнь и творчество Толстого – это самая грандиозная и уникальная художественно-философская трактовка идей Руссо.

-
- ¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. («Юбилейное»): В 90 т. – М., 1928–1958. – Т. 23. – С. 496. Далее сноски на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.
 - ² Буайе, Поль. Три дня в Ясной Поляне // Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. – М., 1978. – Т. 2. – С. 268.
 - ³ *Euvre de J.-J. Rousseau*. Paris: Th. Desoer, 1822–1825. 21 t.
 - ⁴ Лазурский В.Ф. Дневник // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. – 1978. – Т. 2. – С. 78.
 - ⁵ Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями. – М., 1990. – С. 119.
 - ⁶ Маковицкий Д.П. У Толстого: 1904–1910 «Яснополянские записки»: В 4 кн. // ЛН – М., 1979. – Кн. 2. – С. 149.
 - ⁷ Маковицкий Д.П. Указ. соч. – Кн. 2. – С. 287.
 - ⁸ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. – М., 2000. – Т. 1(1). – С. 357.
 - ⁹ Там же.
 - ¹⁰ Монтень, Мишель. Опыты: В 3 кн. – М., 1979. – Кн. 1 и 2. – С. 176.
 - ¹¹ Н.А. Бердяев о русской философии. – Свердловск, 1991. – Ч. 2. – С. 41.
 - ¹² Там же.
 - ¹³ Руссо, Жан-Жак. Трактаты. – М., 1969. – С. 72.
 - ¹⁴ Пухликов В.К. История философии: Курс лекций. – М., 2001. – С. 118–119.
 - ¹⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. – М., 2000. – Т. 1(1). – С. 101.
 - ¹⁶ Руссо, Жан-Жак. Избр. соч.: В 3 т. – М., 1961. – Т. 3. – С. 239–240.
 - ¹⁷ Там же. – Т. 3. – С. 616–617.
 - ¹⁸ См.: Августин, блаженный. Исповедь. – М., 1992. – С. 343–344.
 - ¹⁹ Augustinus, Aurelius. Les Confessions. Paris: Garnier frères, [1861].

Г.В. Алексеева

ЛЕВ ТОЛСТОЙ В ДИАЛОГЕ С АМЕРИКОЙ

Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже <...>. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. Без *своих* вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого (но, конечно, вопросов серьезных, подлинных). При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и *открытую* целостность, но они взаимно обогащаются.

М.М. Бахтин

Многообразные культурные контакты и связи становятся особенно актуальными в современном мире, когда возрастает важность диалога, часто непрямого, опосредованного, и в этом отношении общение Толстого с Америкой, длившееся десятилетия, весьма показательно и поучительно. В восприятии произведений американских писателей для Толстого наиболее важными порой оказывались не художественные достоинства, а религиозно-нравственные аспекты их творчества, гражданская позиция авторов. Некоторая перекличка общественно-политических, религиозных и литературно-художественных процессов России и Америки, начиная с 1850-х годов, предлагала новые модели взаимовлияний и взаимосвязей вне зависимости от индивидуальных особенностей, общественных позиций художников: диалог происходил в рамках общего развития нравственно-эстетической мысли.

Толстой говорил об Америке как о «самой сочувственной» ему стране (87, 4)*. Он обратил свой взор на американский континент, усмотрев определенные параллели с Россией в культурной, исторической и экономической жизни, а в американских писателях, мыслителях, общественных деятелях, экономистах увидел единомышленников, обнаружив в их творчестве и общественной деятельности соответствие собственным позициям и взглядам.

В юности вдохновленный идеями американского просветителя Франклина Толстой строит свою душевную жизнь, ограничив себя нравственными правилами, четко определенными в «Журнале для слабостей». «Автобиография» Франклина с ее фокусированием на путях саморазвития и самосовершенствования без характерного для пуританского богослова Коттона Мэзера отрицания себя во имя Бога, но в то же время и без полной потери контроля в этой сфере была, несомненно, полезна для молодого Толстого. Увлечение Франклином найдет отражение в творчестве Толстого 1850–1870-х годов (в «Анне Карениной» Левин думает о Франклине), в 1887 г. в одном из писем Толстой предлагал издать «Записки» Франклина в книжках для народа.

Влечение молодого Толстого к литературе XVIII в., века доверия разуму, «здравому смыслу», стремление подражать лучшим представителям этого века и в области нравственной, и в области эстетической в зрелые годы преобразуется во вполне определенный интерес к литературе с высоким нравственным зарядом, образцы которой Толстой был счастлив находить не только в произведениях писателей столь любимой им с юности эпохи Просвещения, но и в творчестве своих современников. Американская литература XIX в. с ее приоритетом нравственного перед интеллектуальным и эстетическим давала Толстому возможность не только убеждаться в приверженности авторов высоким идеалам XVIII в., но и проследить связь с традициями античности, религиозно-философских систем Востока, немецкой классической философии. И если писатели XVIII в. являлись для Толстого источником вдохновения, образцом, то для некоторых американских писателей (и не только американских!) конца XIX – начала XX в.

* Здесь и далее так обозначаются том и страница Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого в 90 томах («Юбилейного»).

Толстой сам порой становился эталоном, духовным ориентиром, примером для бесконечного совершенствования.

Освоение, постижение Толстым американской литературы, нравственно-философского и художественно-эстетического опыта американских предшественников и современников заключало в себе вдохновляющее начало не только для творческого стимулирования, но и для подтверждения собственных умозаключений.

О «встречных течениях» (А.Н. Веселовский) в русской и американской литературах Толстой заговорил в России одним из первых. Он реально осознал историко-типологические аналогии двух литератур. Обращение Толстого к произведениям американской литературы обусловлено прежде всего общей этической направленностью литературного процесса XVIII–XIX вв., тенденцией, которую молодой Толстой сознавал порой на интуитивном уровне, стихийно, а позднее – оформил ее теоретически в целом ряде трактатов и обращений.

В огромном массиве американской литературы, среди книг его личной библиотеки, Толстой почти безошибочно (часто с помощью своих друзей, единомышленников, наконец, самих писателей) выбирал произведения американских авторов, великих и малоизвестных, которые, с одной стороны, определяли основное направление американской литературы, с другой – отвечали его нравственно-эстетическим критериям.

Тема «Американские диалоги Льва Толстого» включает реальный диалог в форме беседы, переписки, развернутых маргиналий на страницах прочитанных Толстым книг (когда участниками диалога становились мудрецы прошлого, великие, а иногда и малоизвестные авторы), а также опосредованный – тексты художественных, философских, религиозных, публицистических произведений, дневников. Диалогичность Толстого в плане коммуникации бесконечна, даже дневники писались с подсознательной мыслью о прочтении их Другим. Толстому было, безусловно, присуще «особое ощущение и понимание своего читателя, слушателя, публики, народа» (М.М. Бахтин).

Диалог Толстого с Америкой помогает проследить некоторые закономерности в развитии русской и американской литератур XIX в., связанные с особенностями общественно-политических, религиозных и литературных факторов исторического развития

России и США. Они выразились в бурном развитии капитализма во второй половине прошлого века, разрушении патриархальных устоев и традиций, освободительном движении – против рабства в Америке и крепостного права в России, и на этом фоне – «опробование больших мировых проблем» (П.В. Палиевский) Толстым и американскими писателями.

Начиная с середины 1880-х годов и вплоть до ухода из Ясной Поляны в 1910 г., Толстой поддерживал тесные связи с американцами. У Толстого был самый живой интерес к американской истории, культуре, искусству, литературе, традициям и особенно – к религиозному американскому движению, американской утопии. Он говорил: «...друзья мои американцы отзывчивы на мои философские статьи. Сознание того, что меня, там, в Америке, понимают, дает особый оттенок моим работам. До сих пор я работал для одних русских, но теперь работаю для всего человечества...»¹. У Толстого была «своя Америка», и он с любовью относился ко многим американским писателям, чьи имена почти забыты сегодня.

Безусловный авторитет Толстого, масштабность его личности, популярность его произведений, переведенных при жизни на многие языки, привлекали к нему не только соотечественников в поисках нравственного ориентира, но и граждан других стран, в том числе американцев, которые были, пожалуй, самыми частыми гостями писателя в Ясной Поляне и Москве. Американские посетители оставили тома воспоминаний, которые охватывают период с 1868 по 1910 гг. С Толстым встречались американские журналисты, писатели, дипломаты, кандидаты в президенты, профессора, общественные деятели, священники, фермеры, студенты. В 1886 г. к Толстому в Ясную Поляну прибыл известный путешественник и журналист Джордж Кеннан с целью написания статьи о русском писателе для журнала *Century*. Беседа журналиста с писателем вылилась в острую полемику по основным положениям религиозной доктрины Толстого, главным образом тезиса о непротivлении злу насилием. Тем не менее в своей статье Кеннан весьма объективно представил американской аудитории русского писателя и мыслителя, и публикация, по словам самого журналиста, имела широкий резонанс².

В декабре 1903 г. Толстого посетил Уильям Д. Брайан, видный политический деятель партии демократов, кандидат в президенты. Увлеченный общением с русским писателем, он отложил аудиенцию даже с Николаем II, послав предупредительную телеграмму в Царское Село. Под впечатлением своего пребывания в Ясной Поляне Брайан написал статью *The Apostle of Love*. По свидетельству домашнего врача Толстого Д.П. Маковицкого, Толстой говорил о Брайане вскоре после его визита: «Мне странно, что он может претендовать на президентское кресло. По своим взглядам он очень исключительный американец»³. Тем не менее Толстой сочувствовал Брайану, которого называл «умным и религиозным американцем» (74, 252), в его президентской кампании и желал успеха, так как полагал, что в своей деятельности он будет следовать реформам экономиста Генри Джорджа, которого Толстой чрезвычайно высоко ценил. Кроме того, Толстой сошелся с Брайаном в вопросе о недопустимости насилия.

Из Америки Толстой получил около двух тысяч писем, что говорит о колоссальной популярности русского писателя в Новом Свете, особенно после перевода его художественных и религиозно-философских сочинений на английский язык. Мало кто обратил внимание на первый перевод сочинений Толстого в Америке в 1869 г. в нью-йоркском журнале *Hours at Home*. Но в 1880–1900-е годы его произведения выходили большими тиражами во многих американских издательствах.

Рассуждая о причинах расцвета русской и американской литератур XIX в., Толстой говорил: «Великая литература рождается тогда, когда пробуждается высокое нравственное чувство. Взять, например, период освободительного движения, борьбу за освобождение негров в Соединенных Штатах. Посмотрите, какие писатели появились тогда в Америке: Гарриет Бичер-Стоу, Торо, Эмерсон, Лоуэлл, Уитьер, Лонгфелло, У.Л. Гаррисон, Теодор Паркер, а в России – Достоевский, Тургенев, Герцен и другие»⁴.

Почти все те же имена американских писателей названы и в обращении к американскому народу, которое Толстой послал 21 июня 1900 г. Эдуарду Гарнетту для публикации в американском журнале. Толстой писал: «Если бы мне пришлось обратиться к американскому народу, то я постарался бы выразить ему мою благодарность за ту большую помощь, которую я получил от его пи-

сателей, процветавших в пятидесятых годах. Я бы упомянул Гарисона, Паркера, Эмерсона, Балу и Торо. Не как самых великих, но как тех, которые, я думаю, особенно повлияли на меня. Среди других имен назову: Чанинга, Уитиера, Лоуела, Уота Уитмена – блестящую плеяду, подобную которой редко можно найти во всемирной литературе» (72, 396–400). Сочинения Эмерсона, Торо, Гаррисона, Уитмена, широко известные еще в 1850-е годы, Толстой открывает для себя в 1880–1890-е годы наряду с произведениями У.Д. Хоуэллса, Э. Келлер, Э. Беллами, Э. Синклера, Э. Глазгоу, Г. Джеймса, но остается равнодушным к творчеству Брета Гарта и Марка Твена. С сочинениями Прескотта, Купера, Готорна, Лонгфелло Толстой был знаком с юности, к некоторым из них он вновь обращается в зрелые годы. На многих книгах американских авторов, сохранившихся в яснополянской библиотеке, остались толстовские маргиналии, которые можно рассматривать с точки зрения «рецептивной» критики, что предполагает некий диалог, «возникающий на полях».

«Всемирность» нравственно-эстетических ценностей Толстого позволяла ему выступать переводчиком и писать предисловия к сочинениям американских авторов. Примечательно, что некоторые из них открывали Толстому не только культуру и традиции своей страны, но порой служили проводниками в мир восточной культуры. В 1907 г. писатель увлеченно читал книгу П. Каруса «Евангелие Будды»⁵, оставляя многочисленные маргиналии, а в 1905 г., по свидетельству Д.П. Маковицкого, – книгу Л. Хеарна «Япония»⁶.

Определив вершину американской литературы в творчестве писателей, «процветавших в 1850-х годах», Толстой весьма пристрасно прочитывал произведения современных американских авторов. И далеко не все из них отвечали его требованиям. В обращении к американскому народу Толстой писал: «И мне хотелось бы спросить американский народ, почему он не обращает больше внимания на эти голоса (которых вряд ли можно заменить голосами Гульда, Рокфеллера и Карнеджи), и почему он не продолжает того хорошего дела, которое столь успешно ими начато» (72, 396–400).

Влияние Толстого в Америке 1880–1900-х годов было столь внушительно, что Теодор Рузвельт считал своим долгом предосте-

речь молодых американских писателей от чрезмерного увлечения толстовскими идеями, а в статье «Толстой», опубликованной в журнале «*Outlook*»⁷, назвал его произведения «безнравственными» и обвинил в «моральном декадентстве». Он возмущался «вмешательством» Толстого во внутренние дела страны. 20 мая 1909 г. Толстой записал в дневнике: «Статья Рузвельта обо мне. Статья глупая, но мне приятно» (57, 70).

Таким образом, к началу XX в. в Соединенных Штатах складывались два полюса восприятия Толстого: на одном его просили возвысить свой голос, заступиться, обратиться к американскому народу, правительству, к примеру, против американской кампании на Филиппинах пр., на противоположном, в лице Т. Рузвельта и некоторых других американцев, возмущались «вмешательством» во внутренние дела страны⁸.

Влияние и «помощь» американских писателей, о которых Толстой говорит в своем обращении к американскому народу, сводились главным образом к стимулирующему началу, к подтверждению правильности собственного пути и выводов, духовному родству с целым рядом американских авторов. В конце жизни под влиянием «практического христианства» в Америке Толстой собирался писать статью «О 1000 верах». Он сообщал в письме к М.А. Шмидт: «В Америке происходит, на мой взгляд, огромное движение христианское, практическое, которое короче всего определить – стремление ко всеобщему братству» (65, 144). Вероятно, американская утопическая идея о «*Shining City on the Hill*», по Толстому, трансформировалась в «Царство Божие внутри вас», потому что во всех американских религиозных движениях, вызывавших интерес Толстого, эта идея подспудно присутствовала.

Сочинения многих американских авторов служили Толстому источниками для сборников «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни», других произведений. Диалог Толстого с Америкой складывался на фоне типологических схождений русской и американской литератур середины XIX в. Они были неоднократно подмечены писателем и проявлялись в аналогиях тем, идей, мотивов, стилей, даже форм стихосложения – «всемирном круговороте идей, образов, замыслов, форм» (А. Веселовский). Таким образом, Толстой подчеркивал универсальный характер русской и американской литератур при всем их национальном своеобразии. Аме-

риканские диалоги Толстого позволяют усмотреть тематические, стилевые, эмоционально-идейные аналогии в его творчестве и в творчестве американских писателей, публицистов, философов, религиозных и общественных деятелей, что духовно объединяло, сближало его с ними, обнаруживая самобытные особенности каждой из сторон.

-
- ¹ Жиркевич А.В. Встречи с Толстым: Дневники. Письма. Тула: Издательский Дом «Ясная Поляна», 2009. – С. 95.
 - ² Kennan G. A Visit to Count Tolstoi // *Century Magazine*. – 1887. – N 34. – P. 253–265.
 - ³ Литературное наследство. У Толстого: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. – М.: Наука, 1979. – Т. 90. – Кн. 1. – С. 110.
 - ⁴ Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. – М.: Худож. литература, 1978. – Т. 2. – С. 156–157.
 - ⁵ Carus, Paul. *The Gospel of Buddha*. – Chicago, 1905.
 - ⁶ Hearn, Lafcadio. *Japan*, New York, London, 1905.
 - ⁷ Tolstoy // *Outlook*. – New York, 1909. – N 92.
 - ⁸ См.: Алексеева Галина. Лев Толстой в диалоге двух культур // Российско-американские отношения в условиях глобализации. – М.: Институт им. Дж. Кеннана, 2005. – С. 26–35.

Н.Н. Подосокорский

ИДЕЯ И ОБРАЗ БИСМАРКА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Бисмарк навсегда вошел в историю как творец Второго Рейха и один из крупнейших исторических деятелей Нового времени. После событий Франко-Прусской войны он предстал в массовом сознании в роли некоего пророка, железного канцлера, знающего, что ему нужно и, главное, как этого достичь в подходящий момент времени. В России восхищение успехами Бисмарка с самого начала перемежалось с глубочайшими сомнениями в нравственных основаниях осуществляемой им так называемой «реальной политики», основанной на хладнокровном применении грубой силы в узконациональных интересах. Сам Бисмарк писал в мемуарах: «...я лично получу одинаковое удовлетворение, против кого бы ни двинулись наши войска <...>, лишь бы мне доказали, что этого требуют интересы здравой и хорошо продуманной прусской политики»¹.

Почти все произведения Достоевского насыщены множеством историко-политических реалий. Особое место в его творчестве занимают образы легендарных деятелей, провозвестников некой особой, универсальной идеи: Магомета, Петра I, Наполеона, Ротшильда и, разумеется, Бисмарка, фигура которого на протяжении последних полутора десятилетий жизни писателя неизменно привлекала его внимание.

Всего имя Бисмарка упоминается в творчестве Достоевского 88 раз, из них в художественных произведениях – 9 раз, в критике и публицистике – 75, в письмах – 4². Но помимо этого есть, конечно, и немало скрытых упоминаний. На восприятие Достоевским личности Бисмарка повлияло множество источников. Прежде все-

го, это впечатления от устных рассказов и личные наблюдения за российско-прускими отношениями и общей ситуацией в Европе. Например, мемуарист Н. Фон-Фохт вспоминал, как летом 1866 г. Достоевский рассказывал ему «о последних политических событиях, весь интерес которых сосредоточивался на австро-пруской войне. <...> От него я узнал о Бисмарке, Наполеоне III, Франце-Иосифе и других вершителях Европы»³.

Первое заочное соприкосновение Достоевского с Бисмарком произошло в 1859 г., когда они оба волею судьбы оказались проживающими вместе в Петербурге. С петербургским периодом жизни Бисмарка связана легенда о его кольце, которую Достоевский собирался творчески переосмыслить в романе «Подросток». 15 апреля 1875 г. он сделал подготовительную запись к планируемой им разработке одной из глав романа: «Девочка озябла. Умирает, говорит: “Ничего!” (Кольцо Бисмарка.) Подростку говорит вместо ласки: “*На*” – и отдает какую-то свою драгоценность, игрушку или что-нибудь. <III, с. 59 об>» (16; 334)⁴. Согласно легенде, Бисмарк однажды был приглашен на царскую охоту, но по пути заблудился, оказавшись в неведомом селе. Там он нанял ямщика, но вдруг засомневался, что его невзрачные лошади, больше похожие на мышей, могут ехать достаточно быстро, чтобы он успел к назначенному времени. На его сомнения ямщик отвечал одним и тем же словом: «Ничего!» – и неся так быстро по неровной дороге, что Бисмарк обеспокоился тем, не вывалит ли его ямщик из саней. «Ничего!» – снова отвечал ямщик. Сани все-таки опрокинулись, и Бисмарк упал в снег, разбив лицо в кровь. В гневе он замахнулся было на ямщика железным шомполом от ружья, а тот лишь загреб руками пригоршню снега, чтобы обтереть окровавленное лицо посланника, и всё ласково приговаривал: «Ничего... ничего!» Вернувшись в Пруссию, Бисмарк велел сделать себе кольцо из этого самого шомпола с надписью «Ничего!». И позднее признавался, что в трудные минуты он испытывал облегчение, смотря на кольцо и говоря себе: «Ничего!»

В академическом полном собрании сочинений эта заметка Достоевского никак не была откомментирована. Впервые эту легенду с наброском писателя связал Б.Н. Тихомиров, но без ссылки на источник того времени⁵. Однако известно, что И.П. Можайский написал на ее основе стихотворение «Ничего», которое завершает-

ся следующим образом: «И ежели сомненье / В делах его возьмет, / То быстрый взор в мгновенье / На перстень упадет – / И трудную задачу / Расчета своего / Решит он на удачу / Со словом: – “ничего!” / Когда же слышит в мненьях / Придирчивых натур, / Что с Русью он в сношениях / Уступчив чересчур, / То будто для совета / Над перстеньком склоняясь, / Такой ответ на это / Дает железный князь: / «Любя страну родную, / Один я в ней таков, / Что бью на удалую, / А там в краю снегов / Мильонов сто народу. – / И каждый из него / Пойдет в огонь и воду / Со словом: “ничего!”»⁶

Уже во второй половине 60-х годов XIX в. имя Бисмарка проникло в русскую литературу: в произведениях А.Н. Островского, Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.Ф. Писемского, Н.С. Лескова и других русских литераторов Бисмарк неизменно олицетворяет угрожающий гений и несокрушимую волю железного человека. Эпитет «железный» почти всегда будет сопровождать любое упоминание его имени, напоминая о том, что Бисмарк относится к той породе людей, на которых «видно, не тело, а бронза» или железо. Помимо вариантов русского художественного восприятия Бисмарка, в поле внимания Достоевского не могли не попасть и произведения зарубежных авторов. Например, роман Г. Борна «Железный граф» (русский перевод – 1873 г.). В нем Бисмарк охарактеризован, как человек, который «сказал себе, что с помощью мужества и силы воли можно преодолеть всякое затруднение...»⁷.

Однако наиболее важным и массивным источником формирования темы Бисмарка в творчестве Достоевского были историко-публицистические сочинения, которые, по большей части, касались национального вопроса. Н.Я. Данилевский не случайно начал свой труд «Россия и Европа» с упоминания о «гениальном прусском министре»⁸, под руководством которого начала спланиваться Германия, раздробленная прежде в течение столетий. Бисмарк для многих являлся воплощением германского духа. Показательно в этом смысле начало статьи Л.А. Полонского «История Бисмарка в связи с историей его страны»: «Если рассматривать Бисмарка как психологический тип, независимо от собственной его роли в истории, то прежде всего замечается, что этот тип представляет чистый местный продукт, результат племенных, этнографических и исторических условий»⁹.

В 1872–1873 гг. почти одновременно в России издаются два различных сочинения с характерными названиями: роман князя В.П. Мещерского «Один из наших Бисмарков» и статья А.М. Скабичевского «Наши грядущие Бисмарки» (1873). Герой романа Мещерского граф Обезьянинов, следуя за изменившейся политической конъюнктурой, заявляет в письме к своему дяде: «Наша главная ошибка была – быть французами! Надо нам, как можно скорее, сделаться пруссаками!»¹⁰. А.М. Скабичевский в своей статье, посвященной разбору книги А.Д. Градовского «Национальный вопрос об истории и литературе» (СПб., 1873), выразил опасение от применения в России методов Бисмарка в решении национальных проблем: «Национальный принцип, составляющий предмет наших рассуждений, в свою очередь не избег той же участи перехода из сферы разумности в сферу слепых инстинктов бездушного формализма»¹¹.

О характере Бисмарка Л. Полонский писал следующее: «Бисмарк – тип чисто практического человека...»¹² Автор другой статьи о Бисмарке «Практическая философия XIX века» некий А.Б. высказал такой взгляд на личность германского канцлера: «Суровый с врагами, снисходительный к друзьям, но снисходительный под условием, чтобы они были покорными исполнителями его воли, деспот по существу своей натуры, конституционный правитель по форме, князь Бисмарк, чуждый всяких строгих принципов, не признает иного закона, кроме закона своей воли»¹³.

В творчестве Достоевского 70-х годов также появляются «наши Бисмарки» – литературные образы, имеющие черты железного канцлера. В романе «Бесы» Степан Трофимович остроумно сравнивает деспотичную Варвару Петровну с Бисмарком в ответ на ее признание в том, как она в один миг переделала чужую интригу (10; 49). В «Подростке» в разговоре с Аркадием Альфонсина называет Бисмарком Ламберта за его грубые манеры поведения (13; 276–277). Всё это примеры сравнений героев с немецким канцлером со стороны – сами они себя в один ряд с Бисмарком не ставят, хотя, несомненно, бисмарковское начало в их характерах присутствует и заслуживает отдельного рассмотрения. Однако писатель учитывал и то, что многие члены современного ему общества сами хотят быть подобными Бисмарку и жаждут его славы. В «Дневнике писателя» за 1873 г. в главе «Нечто о вранье» Досто-

евский писал: «Перед авторитетом европейским, например, русский человек, как известно, со счастьем и поспешностью преклоняется, даже не позволяя себе анализа... <...> Но зато тот же самый русский человек, хотя бы и преклонился пред гением в моде даже и без анализа, все-таки ни за что и никогда не признает себя глупее этого гения, пред которым сам сейчас преклонился, будь он разьевропейский. “Ну Гёте, ну Либих, ну Бисмарк, ну положим... а все-таки и я тоже”, – представляется каждому русскому непременно, даже из самых плюгавеньких, если только дойдет до того...» (21; 121).

Это самолюбие в людских сердцах и разжег с новой силой Бисмарк, в котором зачастую видели «немецкого Наполеона», только меньшего масштаба, в новых исторических условиях и с особой спецификой прусского юнкерства. «Прием Бисмарка, – писал Л. Полонский, – был похож на прием Наполеона I, <...> по подчинению народной идеи величию военного могущества...»¹⁴ Позднее Ф. Ницше почти в духе теории Раскольниково замечал: «Кто может повелевать, находит таких, которые должны подчиняться: из повелевающих я имею в виду, например, Наполеона и Бисмарка»¹⁵. Достоевским уже в «Записках из подполья» были рядоположены наполеоновские и бисмарковские методы действия, основанные на разрешении «крови по совести»: «Да оглянитесь кругом: кровь рекою льется, да еще развеселым таким образом, точно шампанское. Вот вам всё наше девятнадцатое столетие, в котором жил и Бокль. Вот вам Наполеон – и великий, и теперешний. Вот вам Северная Америка – вековечный союз. Вот вам, наконец, карикатурный Шлезвиг-Гольштейн...» (5; 112). Война Пруссии и Австрии против Дании за герцогства Шлезвиг и Гольштейн была, как известно, лишь прелюдией к последующей деятельности Бисмарка на посту канцлера. В.Я. Кирпотин также связывал с наполеоновской темой и упоминание Шлезвиг-Гольштейна в романе «Преступление и наказание»: «Наполеон сам по себе – это только что-то вроде Бисмарка, предшественник Бисмарка. Параллель Наполеона с Бисмарком дана в тексте “Преступления и наказания”. Она звучит в скрытом виде уже тогда, когда Раскольников думает о Дуне, что он душу свою не продаст “за весь Шлезвиг-Гольштейн”»¹⁶. Параллель Бисмарка с Наполеоном обнаруживается и в романе «Бесы», но в еще более сниженном

пародийном ключе. Так, соперничавшие друг с другом за общественное признание Варвара Петровна и Юлия Лембке, сравниваются – первая с Бисмарком, а последняя с Наполеоном¹⁷. Здесь Достоевский продолжил юмористическую линию наделения женских образов чертами грозных государственных деятелей-мужчин, намеченную им еще в повести «Дядюшкин сон». В «Подростке» имена Наполеона и Бисмарка звучат рядом в речи Версилова (13; 370).

В целом же, можно сделать вывод, что идея Бисмарка в творчестве Достоевского – это трансформированная разновидность более общей и сложной наполеоновской идеи, имеющей в основе тот же завоевательный насильственный принцип. Достоевский создавал всю пагубность такого подхода к решению проблем в России. И в этом смысле, он, конечно, был близок к мнению Ф.И. Тютчева, наиболее ярко выразившего в русской литературе идею Бисмарка в стихотворении «Два единства»: «Из переполненной Господним гневом чаши / Кровь льется через край, и Запад тонет в ней – / Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши – / Славянский мир, сомкнись тесней... / “Единство, – возвестил орაკул наших дней, – / Быть может спаяно железом лишь и кровью...” / Но мы попробуем спаять его любовью – / А там увидим, что прочней...»¹⁸

Тютчев процитировал, пожалуй, самое известное высказывание Бисмарка, прозвучавшее в его речи перед бюджетной комиссией палаты представителей 30 сентября 1862 г., то есть в день празднования христианами Дня святых мучениц сестер Веры, Надежды, Любви и матери их Софьи. Еще в юности получивший прозвище «бешеный» за свой неукротимый и буйный нрав восходящий прусский политик емко выразил в немногих словах новый завет веры, надежды, любви и мудрости для боготворимой им Пруссии: «Мы не приблизимся к этой цели путем речей, ферейнов, решений большинства, нам не избежать серьезной борьбы, такой борьбы, которая может быть решена только железом и кровью»¹⁹.

Достоевский неоднократно упоминал в своих публицистических сочинениях эту громкую фразу Бисмарка и, хотя уважительно называл немецкого канцлера «колоссальным государственным человеком» (21; 245), «глубоким государственным человеком» (21; 354) и т.п., тем не менее, довольно четко выразил свое отношение

к его «реальной политике» в обзоре иностранных событий, который он делал для газеты-журнала «Гражданин»: «Правда, политика “крови и железа”, может быть [действительно грубая ошибка и свидетельствует лишь о немецкой гордости и заносчивости] не совсем тонка сама по себе...» (21; 353).

Еще более радикально о Бисмарке высказался Аркадий Долгорукий в «Подростке»: «Есть и обратный закон для идей: идеи пошлые, скорые — понимаются необыкновенно быстро, и непременно толпой, непременно всей улицей; мало того, считаются величайшими и гениальнейшими, но — лишь в день своего появления. Дешевое не прочно. Быстрое понимание — лишь признак пошлости понимаемого. Идея Бисмарка стала вмиг гениальной, а сам Бисмарк — гением; но именно подозрительна эта быстрота: я жду Бисмарка через десять лет, и увидим тогда, что останется от его идеи, а может быть, и от самого господина канцлера» (13; 77). Речь Аркадия перекликается с концовкой статьи Н.К. Михайловского «Граф Бисмарк», опубликованной в феврале 1871 г.: «Верно то, — писал критик, — что на несколько десятков лет “прусская цивилизация”, столь прельстившая некоторых наших публицистов, окрасит собою мир. Однако, в конце концов падение этой цивилизации есть вопрос времени. Еще Талейран заметил, что штыками можно сделать многое, но невозможно на них сидеть. Вопрос только в том, как и когда провалится дело Бисмарка»²⁰.

Известно, что перед смертью Бисмарк сам сделал неутешительный прогноз для воздвигнутой им империи: «Через двадцать лет после смерти Фридриха Великого была Йена; через двадцать лет после моей кончины снова настанет крах, если и впредь будут править таким образом»²¹. И действительно спустя ровно 20 лет после смерти Бисмарка Второй Рейх был смятен революцией. Поэтому нельзя не признать, что Л. Шестов явно поторопился объявить в 1906 году: «...Пророками бывают Бисмарки, они же и канцлерами бывают, т.е. первыми в деревне, первыми в Риме... Достоевским же суждено вечное “накануне”?!»²²

Достоевский был пророком, ибо знал об устройстве мироздания лучше Бисмарков, и прежде всего, знал о действии закона крови на земле, о чем свидетельствуют его слова, оставленные в записной книжке менее, чем за год до смерти: «*Кровь*. “Только то и крепко, где кровь протечет”. Только забыли негодяи, что крепко-

то оказывается не у тех, которые кровь прольют, а у тех, чью кровь прольют. Вот он – закон крови на земле» (27; 46).

-
- ¹ Бисмарк О. Мысли и воспоминания: В 3 т. Т. 1. – М., 1940. – С. 124.
 - ² Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского. – М., 2003. – С. 20.
 - ³ Фон-Фохт Н. К биографии Ф.М. Достоевского // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. – М., 1990. – С. 56–57.
 - ⁴ Здесь и далее все ссылки на произведения Достоевского даются по изданию: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Л., 1972–1990. В скобках после цитаты указаны номер тома и страница.
 - ⁵ Тихомиров Б.Н. Академический комментарий: цели, задачи, принципы // Достоевский и мировая культура. Альманах № 24. – СПб., 2008. – С. 120–121.
 - ⁶ Можайский И.П. Ничего: Легенда о желез. кольце кн. Бисмарка: Стихотворение И.П. Можайского. – Новгород, 1887. – С. 7–8.
 - ⁷ Борн Г. Железный граф // Борн Г. Дон Карлос: Ч. 3–4, Железный граф. – Саратов, 1994. – С. 471.
 - ⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. 5-е изд. – СПб., 1895. – С. 1.
 - ⁹ Полонский Л.А. История Бисмарка в связи с историей его страны // Вестник Европы, 1872. – № 12. – С. 548.
 - ¹⁰ Мещерский В.П. Один из наших Бисмарков. – СПб., 1874. – С. 8.
 - ¹¹ Скабичевский А.М. Сочинения в 2 т. Т. 1. – 3-е изд. Ф. Павленкова. – СПб., 1903. – Стб. 694.
 - ¹² Полонский Л.А. Указ. соч. – С. 616.
 - ¹³ А.Б. Практическая философия XIX века // Вестник Европы, 1873. – № 3. – С. 315.
 - ¹⁴ Полонский Л.А. Указ. соч. – С. 605.
 - ¹⁵ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М., 2005. – С. 93.
 - ¹⁶ Кирпотин В.Я. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. – М., 1978. – С. 123. – Значимую аллюзию на шлезвиггольштейнские события Кирпотин увидел и в начале третьей части романа, в которой «Разумихин “очень долго, два дня сряду” толковал с квартирной хозяйкой Раскольниково о прусской палате» (там же). Об этом также см.: Тихомиров Б.Н. «Лазарь! Гряди вон» Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. – СПб., 2005. – С. 99–100. – О близости политических идей Бисмарка к тем вопросам, которые занимают Раскольникова также см.: Брандес Г. Русские впечатления. – М., 2002. – С. 207.
 - ¹⁷ О Юлии Лембке, как о «Наполеоне женского рода» см.: Волгин И.Л. Наполеоновская тема в творчестве Ф.М. Достоевского // Наполеон. Легенды и реаль-

ность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996–1998. – М., 2003. – С 290.

¹⁸ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. Т. 2. – М., 2003. – С. 221.

¹⁹ Бисмарк О. Мысли и воспоминания: В 3 т. Т. 1. – М., 1940. – С. 206.

²⁰ Михайловский Н.К. Граф Бисмарк // Михайловский Н.К. Сочинения. Т. 6. – СПб., 1897. – Стб. 111–112.

²¹ Хильгрюбер А. Отто фон Бисмарк. Основатель великой европейской державы – Германской империи // Хильгрюбер А., Берглар П. Выдающиеся политики. Отто фон Бисмарк. Меттерних. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 144.

²² Шестов Л. Пророческий дар (К 25-летию смерти Ф.М. Достоевского) // «Полярная Звезда» от 27.01.1906. – Режим доступа: [http:// imwerden.de/pdf/schestow_prorochesky_dar_o_dostoevskom.pdf](http://imwerden.de/pdf/schestow_prorochesky_dar_o_dostoevskom.pdf)

II

И.А. Балашова

БЕССЛОВЕСНОЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА

Пушкин достигал ясности и точности своих литературных образов, одновременно придавая им многомерность. Средством создания ее была бессловесность, проявляющаяся в опускании одного или ряда важнейших нюансов повествования. Этими особенностями пушкинских произведений, по-видимому, объясняются контрастные впечатления молодого Л.Н. Толстого, записавшего в дневнике 1853 г.: «Повести Пушкины голы как-то», и Н.В. Гоголя, считавшего, что в слове поэта «бездна пространства»¹.

Обратимся к «Повестям покойного Ивана Петровича Белкина, изданным А.П.». Ирония Пушкина, автора, представшего издателем, сопровождается в них, как это свойственно эстетике романтиков, утверждением гармонизирующих начал жизни, в том числе идеального в образе и характере героев. И это идеальное, зачастую, не выражено словесно. Так, герой повести «Выстрел», отказавшийся от военной карьеры, от личной жизни и благополучия, в момент возможного осуществления своих намерений становится выше чувства мести. Последний выстрел демонстрирует обидчику то, что жизнь его висела на волоске, а также досаду Сильвио на судьбу, в борьбе с которой он бессилен, но и изменение его настроения. Однако почему герой так изменился в одной сцене?

Пушкин обходит молчанием один существенный момент. Услышав выстрел графа, в комнату вбегает его молодая жена. Впечатление от ее облика и общения с нею писатель передал в предыдущем описании, рассказывая о знакомстве с четой молодого человека, знакомого Сильвио. Смущение, овладевшее им, с художественной точки зрения не случайно. «В самом деле, она была

красавица», говорит рассказчик, и его застенчивость естественна в присутствии совершенной женщины. Но и Сильвио, много лет прошедший без женского общества, живший в мазанке, стены которой испещрены следами от пуль, проводивший время в пирах и карточных играх с армейскими офицерами, тоже попадает в усадьбный дом богатого человека. Он сидит в «обширном» кабинете, который, как известно из обстоятельств рассказа в рассказах (Белкина, полковника И.Л.П., молодого человека), «убран со всевозможною роскошью: около стен стояли шкафы с книгами, и над каждым бронзовый бюст; над мраморным камином было широкое зеркало; пол обит был зеленым сукном и устлан коврами», на стенах висели картины, и след от двух пуль был на одной из них, «изображавшей какой-то вид в Швейцарии»². Наконец, в довершение представления всего этого великолепия, не повторяемого подробно в рассказе о приезде Сильвио, герой видит молодую прекрасную супругу обидчика. Ее красота и любовь к графу, проявившаяся в испуге, мольбе, обращенной к Сильвио, несомненно, смутили его. Это смущение не описано Пушкиным, но о нем, вызванном внешним обликом графини, рассказано ранее в связи с другим посетителем графа, а кроме того, оно ясно читателю, которому были известны реалии жизни дворянской России первой четверти XIX в. Я.П. Полонский писал: «Не знаю, справедливо ли мое замечание, что расцвет женской красоты идет рука об руку с расцветом выдающихся поэтических талантов. Во времена Пушкина при дворе было немало красавиц»³. Благородство Сильвио, проявившееся в его поступке, во многом, стало следствием открытости героя воздействию силы женской красоты и преданности.

Заметим, что бессловесное произведений Пушкина, имеет, разумеется, своей основой изучавшиеся исследователями и связанные с природой лирики и лиризма, который присущ пушкинским прозе и драме, «ассоциативную даль», «намек», «вероятностно-множественную образную модель», «символический слой», полифонию точек зрения, «перспективу тайны»⁴. Однако мы предполагаем не таинственность или неполную явленность вообще, не образную или мотивную полифонию, но возможность и необходимость восстановления вполне конкретного образа, мотива, впечатления, состояния, действия, переживания героев или лириче-

ского «я». Для осуществления этого необходима способность к сочувствию. Рассмотренное нами бессловесное легко восстанавливается при таком общении с произведением, которое охарактеризовал И.-В. Гете в своем рассказе о путешествии по Италии: «Убедившись, что лучшего комментария к “Одиссее”, чем все это живое окружение, и быть не может, я разыскал книгу и прочитал ее на свой манер, с живейшим проникновением в судьбы героев»⁵.

Сходна с уже представленным повествованием и повесть о станционном смотрителе. В ней важнейшее впечатление, испытанное рассказчиком, выражено не во всем объеме. Приехав вновь на место, где была станция, рассказчик узнает о смерти Вырина и о посещении дочерью могилы отца. Неприглядное место упокоения смотрителя становится освящено образом простившейся с ним Дуни, осознавшей свою вину и скорбящей о нем. Повествующий не жалеет о том, что заехал сюда, ведь его знанию о прелестной девушке не доставало уверенности в ее высоких духовных свойствах. И устами ребенка звучащая оценка («прекрасная барыня», «такая добрая барыня», «славная барыня») дополнена словесно не выраженным мнением о героине рассказчика, ощутившего ее присутствие на посещенном им кладбище. Она покинула отца, нарушив его покой и счастье, но обретя гармонию собственного существования, в котором проявилось, дополняя ее, и чувство дочерней любви.

Близко к приведенным нами сюжетам, но в отличие от них не требует восстановления, напротив, сакрально утаено бессловесное стихотворения «К***» («Я помню чудное мгновенье»). Оно сходно в этом со стихотворением М.Ю. Лермонтова «Три пальмы». Прежде не раз названные пальмы не именуются тогда, когда, по воле Бога, они выполнили свое предназначение. Косвенное упоминание о них звучит в описании картины, где чередуются двойные эпитеты, действия, предметные названия, удвоенные определением или определениями, данными то в пост-, то в препозиции. И лишь пророк и тень, которую давали неназываемые пальмы, предстают однократно и без дополнительных определений:

*Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной*

*Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.*

*И ныне все дико и пусто кругом –
Не шепчутся листья с гремячим ключом;
Напрасно пророка о тени он просит, –
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним⁶.*

К этому виду бессловесного относится и ощущаемое наименование в стихотворном послании «К***». Здесь композиционные повторы шести строф⁷ и пяти слов, дважды повторенных («Без божества, без вдохновенья, Без слез, без жизни, без любви»: «И божество, и вдохновенье, И жизнь, и слезы, и любовь»), как повторены и два явления прекрасной, делают сакральным и утаенным, но предполагаемым определение «любимая». Вместо него даны сравнения высокого звучания, усиленные некоторой конкретизацией, вновь возвышающей образ: «Как мимолетное виденье, Как гений чистой красоты», «...голос нежный... милые черты». «...твой голос нежный, Твои небесные черты»⁸. Здесь, как у Лермонтова, в двойных номинациях спрятано единственное слово, не восстанавливаемое, но узнаваемое, предполагаемое тем, что в неоднократном перечне ценностей последним и наиболее значимым является любовь.

Подтверждением нашего предположения могут быть и воспоминания А.П. Керн, писавшей, что эти стихи поэта выразили «впечатление его встречи со мною». Рассказывая о поездке ночью в Михайловское, Керн вспоминала, как Пушкин «говорил, что он торжествует, воображая в эту минуту, будто А. Полторацкий остался на крыльце у Олениных, а он уехал со мною; это был намек на то, как он завидовал при нашей первой встрече Александру Полторацкому, когда тот уехал со мною». Вслед за этим Керн рассказала о том, что случилось на следующий день, когда среди листов экземпляра 2-й главы Онегина она нашла лист со стихами «Я помню чудное мгновенье». Мемуаристка писала: «Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилиу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в го-

лове, не знаю»⁹. Возможно, поэт ожидал от Керн понимания неназванного в стихотворении обращения к ней как адресату послания и выражения чувства по поводу его намека.

В стихотворении «Пророк» такими же сакральными и утаенными являются определения «смертный» и «страстотерпец». Проявление лирического героя, не произнесшего слово «любимая» в послании, а здесь явившегося смертным, готовым к страданиям, которые необходимы для преобразований его плоти и обретения духовности, это проявление в притче также скрыто сравнением: «Как труп в пустыне я лежал». И одновременно оно приоткрыто градацией, достигающей крещендо в словах: «И он мне грудь рассек мечом, И сердце трепетное вынул, И уголь, пылающий огнем, Во грудь отверстую водвинул»¹⁰. В притче у поэта слово равно себе самому и одновременно вбирает «бездну пространства» – также и тем, что обнаруживает бессловесное, являющееся его ореолом. Предшествовавший стихотворению цикл «Подражания Корану» тоже содержал невысказанность сакрального слова. В девятом стихотворении описание горести состарившегося человека сменяется рассказом о чуде преображения и возвращения к прошлому:

*И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось...*¹¹

Чудо произошло потому, что роптавший на Бога путник раскаялся. И это-то раскаяние не названо у Пушкина, а его отсутствие обозначено многоточием после слова «поник». Это указание, на первый взгляд, выявляет риторический прием умолчания. Однако здесь отсутствует та экспрессивность, которая сопровождает обрыв высказывания при умолчании как сознательном авторском выражении мысли не до конца и которая стимулирует читательское сознание на домысливание. Пушкинское опускание гораздо более тихое, можно сказать, молитвенно тихое, и оно совсем не рационально, оно предполагает не домысливание, но сочувствование. И это пробуждаемое чувство религиозного характера, оно сосредоточивает на единственном состоянии, не названном и, вероятно, не требующем названия. Это состояние в его свойстве

личностно-всеобщей глубины и силы ожидает именно прочувствования.

Третий вид бессловесного произведений поэта – невосстанавливаемое в беловом варианте. Так, стихотворение «Ты и вы» являет сиюминутный разговор, и в черновике читаем: «Пустое вы на нежный ты Ошибкой вы переменили И все (влюбленного) счастливые мечты В (моей) душе влюбленной разбудили». Вторая строфа, над которой поэт работал дольше, содержала слово «восторг», записанное среди поисков определения его состояния. Это слово «восторг» или родственное ему самым непосредственным образом передавало миг воодушевления, испытанного влюбленным поэтом и его лирическим героем. В завершенном произведении появилось иное определение: «Пред ней задумчиво стою», и переживаемое счастье, отличное от мига восторга, оказалось соотносено с обобщением, возникшим при переводе диалога из прямого («вы переменили») в осмысливаемый («Она обмолвясь заменила»). Здесь обобщение, типологизация, характерные и для лирики, перевели состояние лирического взрыва, восторга, испытанного, когда герой слышал «ты», в выражение счастья от возможности, сказав, «как *вы* милы», помыслить: «как *тебя* люблю!»¹². И состояние восторга, лирически выразительное в гораздо большей степени, чем окончательное обобщение, стало невосстанавливаемым бессловесным пушкинского стихотворения¹³.

Таким же важным для обнаружения не выраженного словом, но присутствующего в произведении и ощущаемого в нем содержания, является рисунок в черновой рукописи драмы «Каменный гость» вблизи строки «Войдем в Мадрит». Здесь зарисован Дон Гуан, высокий и могучий, как тополь рядом с ним, и у ног героя пьесы город, в который он входит с надеждой на новые победы¹⁴. В тексте пушкинской драмы высокий рост и мужественное сложение героя не описаны как таковые, и лишь реплика Лепорелло в ответ на намерение героя укрыться плащом: «Да! Дон Гуана мудрено узнать!», как и удивление Дон Гуана обликом статуи, не напоминающей ему Командора («Каким он здесь представлен исполином! Какие плечи! что за Геркулес!.. А сам покойник мал был и тщедушен. Здесь, став на цыпочки, не мог бы руку До своего он носу дотянуть...») и заставляющей его с презрением победителя вспомнить фигуру, проткнутого шпагой («Наткнулся мне на шпагу

он и замер, Как на булавке стрекоза...»¹⁵), косвенно сообщают о превосходстве ловеласа, данном ему природой.

Внешний вид и связанная с ним уверенность Дон Гуана входят к произведению Гофмана, который был поражен обликом певца, исполнявшего партию главного героя оперы Моцарта. Идеализируя образ Дон Жуана, Гофман писал о своих театральных впечатлениях: «...Дон-Жуан и Лепорелло, речитативно беседуя между собой, выходят на авансцену. Дон-Жуан откидывает плащ и предстает во всем блеске затканного серебром наряда из красного бархата с разрезами. Великолепная, исполненная мощи фигура, мужественная красота черт... <...> Вокруг него суетится Лепорелло, долговязый и тощий...»¹⁶.

Большая определенность образа Дон Гуана как высокого человека, показанного таким на пушкинском рисунке, имеет биографическую основу. Поэт был человеком небольшого роста, о чем вспоминали многие современники как об отличительном признаке внешности Пушкина¹⁷. О конфликтах, связанных с малым ростом, сведений не сохранилось, очевидно, поэт воспринимал это обстоятельство спокойно. Он не избегал друзей, отличавшихся высоким ростом, как Вяземский, с которым Пушкин в обществе еще одного высокого знакомого являлся на балах¹⁸, а также Пущин, Раевские. Описывая невесту поэта, Д.И. Фикельмон отметила: «...высокая...». Впрочем, Вяземские вспоминали: «Пушкин не любил стоять рядом с своею женой и шутя говаривал, что ему подле нее быть унижительно: так мал был он в сравнении с нею ростом»¹⁹. Ф.И. Тимирязев сохранил в памяти и другую остроту поэта: «Пушкин долго и молча следил за ее (матери Ф.И. Тимирязева) высокой и стройной фигурой и, наконец, воскликнул: “Ах, Софья Федоровна, как посмотрю я на вас и на ваш рост, так мне все кажется, что судьба меня, как лавочника, обделила”»²⁰.

Пушкин восхищался обликом Петра I, говоря В.И. Далю о творческих трудностях: «Я стою вплоть перед изваянием исполинским, которого не могу обнять глазом – могу ли я списывать его? Что я вижу? Оно только застит мне исполинским ростом своим, и я вижу ясно только две-три пядени, которые у меня под глазами»²¹. А в использованной с учебными целями на занятиях немецким языком брошюре студенты Ростовского университета прочли такой анекдот. Однажды на балу поэт подошел к высокой даме,

приглашая ее на танец. «Я с детьми не танцую», – ответила она. Пушкин отступил на шаг и произнес с учтивым поклоном: «Ах, простите, я не знал, что вы беременны».

Вместе с тем поэту была предсказана смерть от высокого человека, и он помнил об этом предсказании²². По свидетельству К.К. Данзаса, Дантес был высокого роста²³.

При учете также и биографических реалий рисунок Пушкина в черновой рукописи драмы выявляет оставшуюся невыраженной словесно особую пространственную доминанту конфликта. Суть ее в том, что перед статуей супруга соблазненной женщины Гуан становится мал также и физически, а исполинская, по определению Дон Гуана, Статуя командора говорит, утверждая: «Дрожишь ты, Дон Гуан»²⁴. Все это делает оценку поэтом главного героя недекламативной, но она достаточно определена.

В заключение отметим, что присутствие бессловесного как эстетической данности и как дополнения словесно выраженного объясняется особыми свойствами пушкинских произведений, предполагающих сотворчество и сопереживание читателя.

Примечания

¹ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 19. Дневники 1847–1893 гг. – М., 1965. – С. 117; Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. – М., 1994. – С. 264.

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6. – Л., 1978. – С. 65, 66. Интересно, что при описании места встречи героев писатель обращается к впечатлениям раннего детства, когда в дворянских домах кабинеты совмещались с парадными библиотеками. Такие были на первом (Нижняя иностранная, с камином) и втором (Верхняя русская библиотека) этажах дворца Голицыных в Вязьмах. – Новиков. В.И. Усадьба Вязёмы и окрестности. – М., 2008. – С. 20, 24, 26.

³ Рассказы А.С. Пушкина в записи Я.П. Полонского // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. – СПб., 1998. – С. 54.

⁴ Грехнев В.А. Мир пушкинской лирики. – Н. Новгород, 1994. – С. 118, 96; Бройтман С.Н. «Я помню чудное мгновенье (К вопросу о вероятностно-множественной модели в лирике Пушкина)» // Болдинские чтения. – Горький, 1987. – С. 72; Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. – М., 1986. – С. 132; Бройтман С.Н. Тайная поэтика Пушкина. – Тверь, 2002. – С. 4, 5.

⁵ Гете. И.-В. Собр. соч.: В Т. Т. 9. М., 1980. С. 143–144.

- ⁶ Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М., 1988. – С. 179.
- ⁷ О вариантах связей строф и их повторной возвратности см.: Чумаков Ю.Н. Стихотворение Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье»): Форма как содержание // Чумаков Ю.Н. Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассмотрений. – М. 2008. – С. 284–299.
- ⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 2. – Л., 1977. – С. 238.
- ⁹ Керн А.П. Воспоминания о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. – С. 380, 385.
- ¹⁰ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 2. – С. 304.
- ¹¹ Там же. – С. 193.
- ¹² ПД 838 л 15 об. // Пушкин А.С. Рабочие тетради. Т. 5. – СПб.; Л. 1996; Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 3. – Л., 1978. – С. 58.
- ¹³ Характерны записи в дневнике В.П. Горчакова, который видел разговор поэта «с какой-то дамою»: «...мрачность его исчезла, ее сменил звонкий смех, соединенный с непрерывною речью, оживляемой всею пышностью восторженных». – Горчаков В.П. Выдержки из дневника об А.С. Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. – С. 230–231.
- ¹⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 18 (дополнит). Рисунки. – М., 1996. – С. 231.
- ¹⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. – Л., 1978. – С. 316, 332.
- ¹⁶ Гофман Э.-Т.А. Дон Жуан // Гофман Э.-Т.А. Избранные произведения: В 3 т. Т. 1. – М., 1962. – С. 65, 73.
- ¹⁷ М.Н. Макаров писал: «В детских годах, сколько я помню Пушкина, он был не из рослых детей...»; брат поэта вспоминал: «...ростом он был мал (в нем было с небольшим 5 вершков)...», а П.А. Вяземский сравнивал братьев: «Тот и другой были малого роста, в отца». Но и И.И. Лажечников писал о знакомстве с Пушкиным: «Один был очень молодой человек, худенький, небольшого роста. Курчавый, с *арабским профилем*, во фраке». П.А. Катенину слуга докладывал о Пушкине: «...молоденькой, небольшой ростом...» В.П. Горчаков записал в дневнике: «В числе многих особенно обратил мое внимание вошедший молодой человек небольшого роста, но довольно плечистый и сильный...» – Макаров М.Н. Александр Сергеевич Пушкин в детстве (из записок о моем знакомстве); Пушкин Л.С. биографическое известие об А.С. Пушкине до 1826 г.; Вяземский П.А. Из «Старой записной книжки»; Лажечников И.И. Знакомство мое с Пушкиным (из моих памятных записок) (Курсив автора записок); Катенин П.А. Воспоминания о Пушкине; Горчаков В.П. Выдержка из дневника об А.С. Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. – С. 46, 51, 139, 169, 180, 230.

О контрасте ожидаемого и реального писал М.П. Погодин: «Ожидаемый нами величавый жрец высокого искусства – это был среднего роста, почти низенький человечек...». Ему вторил К.А. Полевой: «Перед конторкою (на которой обыкновенно писал Н.А.) стоял человек, немного превышающий эту конторку, худощавый...» В числе недостатков внешности Пушкина А.А. Оленина назвала его «маленький рост». – Погодин М.П. Из «Воспоми-

наний о Степане Петровиче Шевыреве»; Полевой К.А. Из «Записок»; Оленина А.А. Из «Дневника» // Там же. Т. 2. – СПб., 1998. – С. 34, 59, 76.

Жена друга Пушкина В.А. Нащокина писала: «Пушкин был невысок ростом...» – Нащокина В.А. Рассказы о Пушкине // Там же. – Т. 2. – С. 235. На эскизе портрета «Парад на Марсовом поле» Г.Г. Чернецов записал рост поэта: «2 арш. 5 верш. с половиной» // Там же. – Т. 1. – С.449.

18 *Вяземский П.А.* Заметка из воспоминаний // Там же. – Т. 1. – С. 122, 123.

19 *Фикельмон Д.И.* Из дневника; Вяземские П.А. и В.Ф. Рассказы о Пушкине, записанные П.И. Бартеневым // Там же. – Т. 2. – С. 142, 171. Высокий рост Н.Н. Пушкиной отметила и В.А. Нащокина. – Нащокина В.А. Рассказы о Пушкине // Там же. – С. 245.

20 Разговоры Пушкина. Репринт. воспр. изд. 1829. – М., 1991. – С. 160.

21 Там же. – С. 203.

22 По воспоминаниям брата поэта, гадалка предсказала ему преждевременную смерть «от руки высокого белокурого человека». – Пушкин Л.С. Биографическое известие об А.С. Пушкине до 1826 г. С. 49. Рост в этом предсказании отметил и А.Н. Муравьев. – Муравьев А.Н. Из книги «Знакомство с русскими поэтами» // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т 2. С. 50.

Пушкин помнил об этом случае, и А.Н. Вульф свидетельствовал, что поэт поведал ему о предсказании, услышанном в молодости. – Вульф А.Н. Рассказы о Пушкине, записанные М.И. Семевским // Там же. – Т. 1. – С. 419, 421. О том же вспоминала, например, и А.А. Фукс. – Фукс А.А. А.С. Пушкин в Казани // Там же. – Т. 2. – С. 256.

23 *Данзас К.К.* Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина в записи А. Аммосова // Там же. – Т. 2. – С. 395.

24 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. – С. 350.

О.А. Богданова

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НАРОД В РОМАНИСТИКЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

В известной своей статье 1890 г. Мережковский выделил Достоевского из числа других «корифеев русского романа» (Тургенева, Л. Толстого) как «товарища в болезни», который всех «роднее, ближе нам»¹. В чем же видел Мережковский-романист свою близость к Достоевскому? Насколько оправдан его тезис? Для исследования одной из сторон этого вопроса, указанной в заглавии статьи, обратимся к последнему роману трилогии Мережковского «Христос и Антихрист» – «Петр и Алексей» (1905), который осмысляет с «высшей», религиозно-мистической точки зрения основные тенденции «петербургского периода» русской истории, еще длящегося, хотя и завершающегося в начале XX в. Смысл его конца яснее при обращении к истокам.

Именно тогда зародились главные противоречия русской жизни, в том числе проблема «народ и интеллигенция», основополагающая для романа Достоевского. Вспомним, что героем-идеологом у писателя-классика был именно оторвавшийся от народной «почвы» интеллигент, воспринявший «человекобожеские» западные идеи и стремящийся провести их в действительность. Также и центральные герои романов Мережковского – это интеллигенты, чья жизнь – *практическое* «служение одной, заветной идее»².

Сам писатель назвал Петра I «первым русским интеллигентом»³. Важно, что, в отличие от Достоевского, Мережковский не проводил различия между дворянством («нашим высшим культурным слоем»⁴) и интеллигенцией («случайным племенем»⁵) как особыми социокультурными образованиями. Под словом «интел-

лигенция» он подразумевал *все* европеизированное сословие России «петербургского периода», ретроспективно экстраполируя на предыдущие столетия социокультурную ситуацию Серебряного века.

Поэтому неудивительно, что интеллигентами, не связанными по-дворянски ни с землей, ни с народным преданием, являются также царевич Алексей и Тихон Запольский. В этом своем качестве они порождены Петром, введшим в России западноевропейскую образованность.

На связь трилогии с романом Достоевского именно в персонажно-идеологической его сфере указывает З.Г. Минц: «герои Мережковского <...> ради истины... живут, страдают и погибают, напоминая “русских мальчиков”... Достоевского»⁶. И так как в «Петре и Алексее» под видом исторических лиц Мережковский, по сути дела, изобразил своих современников, то его дворяне начала XVIII в. такие же интеллигенты, как и сам автор. Они только *ищут* «почвы», но не столько в родной земле, сколько – в мета-истории.

Так что не случайно Петр у Мережковского «дальше от простого народа, в мнимой простоте своей, чем старые московские цари, жившие в роскоши»⁷. Будучи сам средоточием верховной власти, он по-интеллигентски оппозиционен ей – противопоставляет московскому царству, из которого вышел, петербургскую империю, при этом безжалостно разрушая первое ради второй.

Как настоящий интеллигент Достоевского (Раскольников, Кириллов, Подросток и др.), Петр жертвует реально существующей «живой жизнью» ради головной «мечты» – механистического «парадиза» в духе западноевропейского Просвещения, апогея рационально-гуманистической культуры Нового времени. И эту идею он энергично воплощает в жизнь, перешагивая через преступления, самое тяжкое из которых – сыноубийство. Народ уходит от царя-Антихриста в Керженские и Ветлужские леса на самосожжение. Сын проклинает «злодея, убийцу, зверя» (с. 707). Хотя и понимая свою вину, Петр не раскаивается в сыноубийстве, считая оправданными любые человеческие жертвы ради торжества своей государственно-утопической идеи. На следующий день после смерти Алексея он весело празднует Полтавскую годовщину, государственное событие.

Итак, подобно Раскольникову, Петр допускает «кровь по совести». Эта персонажная (но не авторская!) идея Достоевского, по сути дела, была принята в учении Мережковского о «религиозной общественности». Недаром еще в «Л. Толстом и Достоевском» автор писал о том, что преступление Петра «страшно... не несомненною преступностью, а сомнительною, и все-таки возможною *правотою, невинностью* <здесь и далее в цитатах курсив мой. – О.Б.> сыноубийцы»⁸. Поэтому неудивительно, что Петр Великий (в таком названии одной из книг произведения, безусловно, проявляется авторская оценка) во многих своих чертах (бытовой скромности, страсти к созиданию, тяге к знаниям и труду) дан с несомненной симпатией. «Ибо я все-таки чувствую страшное величие Петра! Я и его тоже люблю»⁹, – писал романист А.С. Суворину по окончании своей трилогии. Действительно, у Петра, по Мережковскому, есть своя безусловная «правда». Он воплощение одного из важнейших этапов становления русской интеллигенции, пусть уже и исчерпавшего себя. Забегая вперед, скажем: Петр – это интеллигентская «правда» в России XVIII в. («свет вселенской культуры»¹⁰), Алексей – XIX («народопоклонство»), а Тихон – начала XX («новое религиозное сознание»).

По наблюдению З.Г. Минц, царевич Алексей напоминает «народолюбивого» интеллигента, а его роман с Афроськой – отношения народа и интеллигенции¹¹. В нем выражена другая грань русского интеллигентского сознания – тяга к народу при невозможности с ним соединиться. Эта черта дана в романе Мережковского как слабость героя. И вот почему.

В отличие от «почвенника» Достоевского Мережковский уже не видит в народе идеальной нравственно-религиозной субстанции, с которой интеллигенции необходимо «слиться» для собственного спасения. Царевич Алексей взаимодействует с народом в лице дворовой девки Афроськи, чей образ, безусловно, символичен. Не вдаваясь в метаисторический его смысл, возникающий из трилогии в целом, скажем только о русской национальной его составляющей.

Подобно тому как «образованное сословие» насильно заставляло народ материально обеспечивать для него («образованного сословия») по-европейски культурное существование, непонятное и чуждое народу, Алексей насильно заставил Афроську

стать его любовницей, чем вызвал ее ненависть к себе: «А ты думал, люблю? Когда над глупой девкой ругался, насильничал, ножом грозил, – тогда б и спрашивал, люблю аль нет!» (с. 579).

Подобно тому как «образованное сословие», под влиянием романтизма, а также ряда идей Шеллинга и Гегеля, в XIX в. вдруг прониклось любовью к самобытному, хоть и униженному народу, Алексей всей душой предается поруганной им же простолюдинке. Афроська становится главным в судьбе царевича, и дело здесь совсем не в чувственности. Его ходатайство к Петру о смягчении народных бедствий, из-за которого он и впал в немилость (с. 435), его признание на последнем суде: «Я народ пожалел» (с. 706), наряду с любовью к Афроське, – проявления заветной идеи царевича о народно-христианском царстве. Именно с Алексея, по мысли Мережковского, «началась великая миссия русской интеллигенции по спасению народа»¹², даже вопреки воле последнего. Царевич воплощает собой ранний этап развития идеи «религиозной общественности» у Мережковского: государство, по мнению романиста, еще способно «перерасти» в Церковь (правда, понимаемую в духе «нового религиозного сознания», т.е. не «историческую», «Петрову», по завету Христа, а новую, грядущую, «Иоаннову»¹³). После 1907 г. писатель, как известно, связывал возможность теократии с принципиальным анархизмом.

Алексей не был противником европеизации России, но эта европеизация должна была быть не разрушением национального, а привитием к общему для России и Европы христианскому корню: «та Европа, которую вводил Петр в Россию – цифирь, навигация, фортификация – еще не вся Европа и даже не самое главное в ней; ...у настоящей Европы есть высшая правда, которой царь не знает. А без этой правды <«вольности благой». – *О.Б.*> ... – вместо старого московского варварства, будет лишь новое петербургское хамство» (с. 548). «В бегах», в Италии, царевич, прямо как Версильов из романа Достоевского «Подросток», проникается «всемирной» любовью к России и Европе одновременно. В его сознании нет антагонизма между христианской Европой и христианской Россией, главное различие в том, что в России у народа нет европейской «вольности». Ее-то и желает ввести Алексей.

Однако сам русский народ в лице Афроськи заявляет, обращаясь к «рабу» Петрову Езопке: «Что же здешнюю вольность хва-

лишь, так не вороньему клюву рябину клевать. Дай вам волю – совсем измотаетесь. Как же вас, дураков, не учить палкою, коли добром не хотите? Спасибо царю-батюшке. Так вас и надо!» (с. 549). И благие идеи Алексея повисают в воздухе, они так же оказываются оторванными от «почвы» (народного самосознания), как идеи Петра. Показательно в этом смысле предательство Афроськи: именно она заставила царевича вернуться из Европы в Россию на верную гибель, а затем, на допросе в Монплезире, окончательно губит его, выдавая утаенные царевичем замыслы против отца. Она не жалеет ни себя, ни своего ребенка от Алексея – все ради безудержной ненависти к насильнику, чьи «высшие» идеалы ей чужды. Она убивает «надежду Российскую», как называли царевича противники Петра, то есть, по сути дела, возможность для народа лучшей жизни.

Интересно, что отношение самого царевича к Афроське прямо противоположное: даже при последнем свидании в Монплезире, когда она сделала все от нее зависящее, чтобы Петр казнил сына, тот самоотверженно оберегает ее от возможной пытки, подтверждая роковые для себя признания Афроськи о злоумышлениях на отца, чем подписывает себе смертный приговор.

Ей (народу) можно все: ненавидеть, предавать, извести царского ребенка, как «щенка», быть глупой и косной – любовь Алексея (интеллигенции) безмерна, его единственное желание – жениться на ней и сделать ее царицей. Но народ отвергает «брак» с интеллигенцией. Таким образом, в символическом противостоянии Алексея и Афроськи народ отнюдь не является носителем высокой нравственной мудрости и добродетели. Симпатии скорее на стороне Алексея.

Самоотверженная ненависть и самоотверженная любовь – вот, по романной логике Мережковского, схема взаимоотношений народа и интеллигенции в «петербургский период» русской истории. «Слияние» с народом, каков он есть, губительно для интеллигенции. В отношении к народу Петр и Алексей как бы олицетворяют различные стадии существования интеллигенции: от презрения до превознесения (при одинаковом непонимании сути национальной самобытности).

Тихон Запольский на протяжении романа находится в поисках своей идеи. Воспитанный старообрядцами, он с детства слы-

шал речи об Антихристе-Петре, о конце света. Это вылилось в постоянно преследующее его апокалипсическое «чувство конца». Автор подчеркивает, что Тихон чувствовал, «как они» (люди из народа), но думал по-другому (как интеллигент). Это совпадает с высказываниями Мережковского-публициста о глубинной, внутренней общности народа и интеллигенции (статья «Две тайны русской поэзии» и др.). Однако его авторская художественная позиция в трилогии «Христос и Антихрист» нередко противоречит публицистическим высказываниям, что было замечено еще А.А. Блоком¹⁴. Так, мы видели гибельность соединения с народом для Алексея, то же относится и к Тихону в его опытах «красной» и «белой» смертей.

Перед европейски образованным юношей встает выбор: жить по законам петровской империи или стать странником из народа. Презирая житейские выгоды, он бежит со старцем Корнилием за Волгу, в леса, искать истину. Имперская церковь, с Петром вместо Христа, его, как и царевича Алексея, отвращает. Может быть, Христос – в старообрядческих скитах? Герой становится свидетелем ожесточенных богословских споров между «единосущниками» и «трисущниками», драки на мужицьем соборе в Ветлужских лесах, видит гордыню и злобу главы и учителя одного из старообрядческих толков о. Иерофея. Главное же – Тихон убеждается в жестокости и себялюбии проповедника самосожжения старца Корнилия, который, сжигая других, сам вместе с избранными учениками, в том числе с Тихоном, спасается из огня по заранее заготовленному ходу.

Перед сожжением Тихон соединяется чувственными любовными узами с девушкой из народа Софьей, которую умоляет уйти от Корнилия. Однако, подобно Афроське по отношению к Алексею, Софья с помощью чувственности убеждает Тихона отдаться «красной смерти», угашивает его волю к жизни.

Тихон, как Алеша Карамазов, целует землю, чтобы обрести Бога, силу жить и действовать. Но, в отличие от героя Достоевского, не находит искомого. Каждый раз после «кошунственной», по авторской оценке, молитвы «сырой Земле Матери» Тихон встречает Софью как олицетворение этой земли, как «наваждение бесовское» (с. 654). Уже накануне самосожжения Софья и земля, укрывающая их чету высокими травами, – сливаются для него воедино:

«лес и трава, и земля, и воздух, и небо – все горит огнем последнего пожара, которым должен *истребиться мир* – огнем красной смерти. Но он уже не боялся и верил, что краше солнца Красная Смерть» (с. 672).

Если у Достоевского народ и земля были воплощением настоящей, полной, реально существующей правды о жизни («Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы»), то у Мережковского, как видим, совсем не так.

Не найдя Христа у поклонников «красной смерти», старообрядцев, Тихон ищет его у хлыстов, также огромной части русского народа. Он по-своему увлечен экстатическими кружением и пением, самобичеванием, «свальным грехом». Очнулся Тихон от «белой смерти» только тогда, когда хлыстовский «Христос» Аверьянка Беспалый чуть не зарезал младенца, собственного сына от одной из «сестер». Аверьянка – «зверь, дьявол, Антихрист» (с. 740), по словам Тихона, как и Петр для Алексея и старообрядцев. А у хлыстовской богородицы Акулины Мокеевны перед жертвоприношением младенца голос «глухой и таинственный, как будто говорила сама “Земля-Земля, Мати сырая”» (с. 739).

Как интеллигент, Тихон не может принять апокалипсической безнадежности народной веры в ее старообрядческом и хлыстовском вариантах. Он продолжает искать истину в народной среде, теперь на Валааме среди отшельников, приобщаясь к лучшему, что дала православная духовность, – исихазму в лице о. Сергия. При всех своих достоинствах, тот проповедует неприемлемое для Тихона – «Бога без мира» (с. 754). Тихон уходит и от него, отчаявшись найти истину в том, что существует *на земле*. В этот момент св. Иоанн Богослов возвещает ему новую церковь и Третий Завет. Истина найдена, но она – только в «*грядущем* воскресении», в явленном герою мире ее следов нет. Недаром, причастившись истине, в понимании автора романа, Тихон теряет дар речи, как бы выпадая из наличного миропорядка.

Итак, в судьбе Запольского воспроизведен путь исканий русского интеллигента рубежа XIX–XX вв., отчасти самого Мережковского. Как и царевич Алексей, Тихон приобщается к авторской идее: ни в государстве, ни в земле, ни в народе нет полной правды, «историческое христианство» себя исчерпало, националь-

но-религиозное предание перестало плодоносить, истина – в будущем апокалипсическом взрыве, который сметет старую Россию.

Если интеллигенты Достоевского были «беспочвенными», то интеллигентов-идеологов Мережковского можно назвать «сверхпочвенными», потому что они, пытаясь с ней слиться, обнаруживают «почву» истощенной, бесплодной. Место «почвы», предания у них занимает авторская идея, подсвеченная мифологией Трех Заветов.

В отличие от Достоевского с его надеждами на плавное, некатастрофическое преобразование наличной русской земли в хилиастическое царство Христа¹⁵, для Мережковского-романиста мирное исправление русской жизни невозможно. Бог может войти в мир, только уничтожив все «ветхое» в апокалипсическом огне. Третий Завет может воцариться только в результате катастрофы: личной (Алексей, Тихон), социальной (революция), стихийно-природной (наводнение, во время которого Петербург превращается в озеро). Как видим, тезис Мережковского о близости к авторской позиции Достоевского подтверждается слабо. На деле писатель-символист воспринимает *персонажные* идеи классика, переводя их в собственный авторский план.

¹ Мережковский Д.С. Достоевский // Мережковский Д.С. Вечные спутники. – М.: Школа-пресс, 1996. – С. 509–511.

² Барковская Н.В. Поэтика символистского романа. – Екатеринбург: Изд. Урал. гос. пед. ун-та, 1996. – С. 31.

³ Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. Собрание сочинений. Грядущий Хам. – М.: Республика, 2004. – С. 19.

⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 13. – С. 453.

⁵ См.: Энгельгардт Б.М. Идеологический роман Достоевского // Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. 2. – Л.–М.: Мысль, 1924. – С. 71–109.

⁶ Минц З.Г. О трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Мережковский Д.С. Христос и Антихрист: Трилогия. В 4 т. Т. 1. М.: Книга, 1989. – С. 10.

⁷ Мережковский Д.С. Антихрист. Петр и Алексей: Роман // Мережковский Д.С. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – С. 421. Далее в тексте статьи даются страницы этого издания.

- ⁸ Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский: Жизнь, творчество и религия. Ч. 1 и 2 // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 7. – СПб.–М., 1912. – С. 113.
- ⁹ РГАЛИ. Ф. 459 (Суворин А.С.). Оп. 1. Ед. хр. 2630.
- ¹⁰ Мережковский Д.С. Теперь или никогда // Мережковский Д.С. Собрание сочинений. Грядущий Хам. – М.: Респуоика, 2004. – С. 81.
- ¹¹ Минц З.Г. О трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист»... – С. 24.
- ¹² Ваховская А.М. Исторический роман Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей»: субъективное толкование или прозрение? // Российский литературоведческий журнал. – 1994. – № 5–6. – С. 101.
- ¹³ Поэтому «идея» царевича, при внешнем сходстве формулировок с «идеями» о Церкви и государстве, высказанной в келье старца Зосимы Иваном Карамазовым, практически не имеет с ней ничего общего.
- ¹⁴ Блок А.А. «Религиозные искания» и народ // Блок А.А. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: ГИХЛ, 1955. – С. 59.
- ¹⁵ См. об этом: Гачева А.Г. Царствие Божие на земле в понимании Ф.М. Достоевского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. научн. трудов. Вып. 4. – Петрозаводск: Изд. Петроз. ун-та, 2005. – С. 319.

Е.А. Тахо-Годи

ТВОРЧЕСТВО А.Ф. ЛОСЕВА И ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ В.Ф. ОДОЕВСКОГО

Язык и стиль сочинений А.Ф. Лосева (1893–1988) – философских и беллетристических – заставляет вспомнить о традициях русского Серебряного века, в атмосфере которого формировалась личность будущего философа. Однако лосевское восприятие русского символизма насыщено внутренним драматизмом. Лосев ценит творения Вяч. Иванова, Федора Сологуба, З. Гиппиус и др., но как православный мыслитель понимает «соблазн» символизма, шаткость религиозно-философских построений его вождей. Такое отношение к символизму позволяет классифицировать лосевское творчество как постсимволистское, основываясь не только на хронологии, но и исходя из внутренних, мировоззренческих посылок, а также предположить, что для Лосева существовали и иные, несимволистские литературно-философские ориентиры. В первую очередь здесь надо назвать романы Ф.М. Достоевского¹. Есть и менее очевидные. Одним из них является творчество русского романтика-любомудра кн. В.Ф. Одоевского.

Материалов, дающих возможность правильно судить о лосевском отношении к творчеству Одоевского, крайне мало. Имя Одоевского не фигурирует в юношеских дневниках и письмах Лосева. Это дает основание выдвинуть гипотезу, что знакомство с творчеством писателя произошло не раньше переиздания «Русских ночей» Одоевского в 1913 г.². Именно это издание с лосевской росписью на обложке представлено в книжном собрании философа, хранящемся ныне в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева». Этот факт дает нам право предположить, что именно этот философский ро-

ман мог оказать явное воздействие на лосевское творчество – и философское, и литературное.

Подтверждение этому тезису мы находим в словах самого Лосева. В интервью 1983 г. Лосев говорит, что Одоевского он «всегда любил за его роскошный романтизм, изысканную фантастику, проникновенную философию музыки и здоровые национальные чувства, доходившие у него до признания величайшей исторической роли России»³. В этой фразе возникает прямая отсылка к финалу «Русских ночей». Именно в Эпiloге «Русских ночей» (задолго до трудов славянофилов и тем более «Заката Европы» О. Шпенглера) Одоевским был создан историософский образ гибнущего Запада и восходящего солнца России, которой принадлежит историческое будущее. Это «здоровое национальное чувство» могло особо импонировать молодому Лосеву, пережившему в начале творческого пути свой «славянофильский период» (отсюда его попытки издать в 1918 г. серию «Духовную Русь»⁴). Несмотря на весь лаконизм, это автопризнание позволяет нам вычленить сразу четыре ключевых момента, привлекавших мыслителя: помимо национальных воззрений, это еще и роскошный романтизм, фантастика, философия музыки. Сразу скажем, что данный перечень может быть и пояснен, и расширен.

Действительно, в 1920-е годы в философской ассоциации Государственного института музыки Лосев выступил со специальным докладом «Философия музыки В.Ф. Одоевского как образец учения о музыке в эпоху романтизма»⁵. Однако текст этого доклада, к сожалению, не сохранился или до сих пор не найден. Упомянут Одоевский и в рецензиях, которые были помещены под криптонимом «А.Л.» в журнале «Музыкальное образование» (1926, № 5–6; и 1928, № 1) и которые, судя по сделанной Д.О. Чеховичем атрибуции, принадлежат перу Лосева⁶.

До сих пор не было замечено появление обширной реминисценции из «Русских ночей» в датированном 31 декабря 1926 г. Предисловии к «Философии имени» (1927), где без упоминания имени писателя давался пересказ анекдота о враче, лечившем ветчиной портного и сапожника, взятый из Эпiloга «Русских ночей» (РН, 144)⁷. Для стиля лосевских философских работ 1920-х годов весьма характерны подобные вставные рассказы-анекдоты, имеющие аллегорический смысл и свидетельствующие о позиции са-

мого автора. Не случайно Лосев не столько цитирует, сколько пересказывает текст, сокращая длинноты и придавая этим тексту большую ударную силу, отчего забавный анекдот приобретает характер явного сатирического выпада. Недаром завершается он авторским восклицанием: «Хотите ли вы быть таким “эмпириком”, как этот врач? По-вашему, он – эмпирик. А по-моему – просто дурак, и критиковать подобный эмпиризм недостойно людей, имеющих себя философами»⁸.

Введение реминисценции из Одоевского в Предисловии к «Философии имени» не только литературно-художественный прием. Ее появление, во-первых, заставляет задуматься о возможных схождениях между философией языка Одоевского, зафиксированной в романе (например, чрезвычайно важная для автора проблема коммуникации), и лингвофилософскими воззрениями самого Лосева. Во-вторых, выявление этой реминисценции дает право говорить о том, что Лосев сознательно опирался на опыт Одоевского, видел в нем единомышленника в борьбе против голого эмпиризма и чистой фактографии в науке, боящихся всякой «идеи». Подобный ракурс позволяет заметить скрытый параллелизм между возникающим в лосевской «Диалектике мифа» образом «Некоего» (ДМ, 144)⁹, самого сатану, принявшего «формы философские, художественные, научные и т.д.» (ДМ, 197), в том числе и «научного» материализма, этой «обезьяны христианства» (ДМ, 147), и рассуждениями Фауста из «Русских ночей» о Люцифере как родоначальнике и вдохновителе материализма и эмпиризма (РН, 144).

В таком контексте уже становится закономерным использование автором «Диалектики мифа» мотива «танца скелетов» (Д, 76–78), восходящего к новелле Одоевского «Бал», фрагмент которой Лосев цитирует в работе «Музыка как предмет логики» (1927). Этот мотив есть и в новелле «Музыкальный миф» из книги «Музыка как предмет логики», и в повести «Метеор» (1933) при описании «Мефистовальса» Листа как танца сатаны, «вальса обнаженных скелетов», которые «стучат друг о друга костями и закидывают ноги выше головы»¹⁰. В «Диалектике мифа» пляска скелетов становится своеобразным романтическим фоном для исторического, с элементами гротеска, обобщенного портрета эпохи с ее главным героем – «призраком коммунизма» (Д, 125).

Борьба с метафизическим злом эмпиризма, материализма, атеизма не единственное звено, связующее Лосева и Одоевского. Объединяет их и отстаивание необходимости *цельного знания*, синтетической науки, основанной не только на рациональных, но и на интуитивных основаниях. Отсюда характерный для обоих мыслителей «энциклопедизм» (обращение к разным областям знания – математике, естествознанию, астрономии и т.д.), их общее стремление к познанию бытия как «живой жизни»¹¹. Недаром в «Заметках о книгах» в журнале «Музыкальное обозрение» Лосев пишет, что «“мистический идеализм” для Одоевского, конечно, есть “реализм” и при том совершенно “опытный”, “эмпирический”»¹².

Однако говорить о том, что Лосев непосредственно продолжает религиозно-философские искания Одоевского будет не совсем верно. Характерные для Одоевского, женатого на сестре известного масона С.С. Ланского, увлечения мистическими учениями, в том числе трудами Сен-Мартена или Джона Пордеча, последователя Якова Бёме, Лосеву, несомненно, чужды. Если уж Лосева и привлекает мистика, то эта мистика православного Востока, ведущая свою историю от святого Григория Паламы. Лосева и Одоевского сближают не столько религиозные, сколько философские и музыкальные интересы: стремление к цельному знанию, чтение Шеллинга и Платона, высокая оценка Вагнера.

Хотя Лосев, задумывая свою прозу, ссылаясь на новеллы Гофмана, Э. По и романы Уэллса, небезынтересно обратить внимание и на их возможную связь с антиутопическими опытами Одоевского (новелла «Город без имени»). Именно у Одоевского, «очень тонко чувствовавшего Гофмана, мы уже видим стремление освоить принцип завуалированной фантастики в более широком философском объеме», причем, как пишет Ю.В. Манн, у него намечен «путь снятия параллелизма – в пользу реального плана»¹³. Познание действительности через изображение безумия персонажа (Ванька в рассказе «Театрал», безымянные герои рассказов «Мне было 19 лет...», «Епишка») в лосевской прозе заставляет вспомнить и об изначальном замысле Одоевского показать «психологические явления, необъяснимые в человеке»¹⁴, и назвать свой роман «Дом сумасшедших». Воздействием романтической традиции, в том числе «Русских ночей» Одоевского, можно объяснить тягу Лосева к изображению героя-артиста(артистки), героя-

«мечтателя», и противостоящего ему человека-филистера. Уже первая из лосевских новелл – «Музыкальный миф», вошедшая в книгу «Музыка как предмет логики» (1927), явно возвращает читателя к опыту романтической философско-музыкальной прозы, ведущей историю в отечественной литературе от «Русских ночей» Одоевского. Сближает с «Русскими ночами» и сам нетрадиционный принцип сопряжения новеллы и философского трактата, дающий о себе знать не только в книге «Музыка как предмет логики», но затем и в большинстве лосевских беллетристических вещей 1930–1940-х годов. Правда, в отличие от Одоевского, в лосевской прозе не новелла как иллюстрация инкорпорируется в канву философских рассуждений, а, напротив, отдельные философские пассажи вклиниваются в повествование, как в повестях «Встреча», «Трио Чайковского» или в романе «Женщина-мыслитель».

Однако не только Гофман с его фантастикой и героями музыкантами, вроде Крейсера, становится тем магнитом, который предопределяет схожесть исканий писателей, отделенных друг от друга целым столетием. В гораздо большей степени тут «повинен» не немецкий романтизм, а, как это не покажется неожиданным, древнегреческие источники.

В «Примечании к Русским ночам», написанном в 1860-е годы и опубликованном впервые в издании романа 1913 г., Одоевский, коснувшись вопроса об отношении к гофмановской традиции, отрицал ее серьезное воздействие на роман, зато подробнейшим образом разъяснял его связь с античной трагедией и, еще в большей степени, с платоновскими диалогами. В этих разъяснениях для нас главными являются два пункта: необходимость введения в произведение современной литературы 1) подлинного *диалогизм*, дающего возможность; 2) изобразить *судьбу идеи* не только объективно, но и субъективно. Одоевский понимал, что «перенести целиком древнюю форму хора», которая могла бы препятствовать нынешней «замкнутой объективности» и отражать мнение зрителя (читателя), «в нашу новую драму есть дело невозможное», но считал необходимым, как минимум, ввести «хоть какого-нибудь адвоката со стороны зрителей, или, лучше сказать, адвоката господствующих в тот момент времени понятий» (РН, 190). Надеясь, что «когда-либо желаемая цель достигнется»

(РН, 190), сам писатель пытался решить эту задачу иным путем, опираясь при создании романа на «драму идей», нашедшую наиболее совершенное воплощение в платоновских диалогах.

В этом плане Одоевский в истории русской мысли – прямой предшественник и «Трех разговоров» Вл. Соловьёва, и лосевской прозы, в которой процесс «убывания» повествовательного элемента – лишь «обнажение приема», изначальной установки на диалогическую форму. При этом надо сказать, что и идея «хора» вполне «своя» для лосевской прозы. Недаром в рассказе «Из разговоров на Беломорстрое» один из персонажей – марксист Абрамов – говорит своим собеседникам прямо и недвусмысленно: «<...> все вы, разноголосый хор действительности, втянуты, стихийно вовлечены в смерч бытия, в ураган истории» (Я, I, с. 481). Я уже пыталась показать связь этого хорового начала у Лосева с античной трагедией, с «романами-трагедиями» Достоевского, с философской прозой Вл. Соловьёва, с теорией символического реализма Вяч. Иванова¹⁵. В этой цепи традиций свое место должен занять и роман «Русские ночи» Одоевского.

«В Платоне, – писал Одоевский, – я находил не один философский интерес; в его разговорах судьба той или другой *идеи* возбуждала во мне почти то же участие, что судьба того или другого человека в драме или в поэме » (РН, 191). Избранная писателем форма диалога позволяла осуществить введение «адвоката господствующих в тот момент времени понятий», причем «предмет этой новой, – если угодно, – драмы остался тот же: задача жизни, разумеется, не разрешенная» (РН, 192). Так, в романе Одоевского «вместо Фалеса, Платона и проч. на сцену явились современные тогда типы: кондиллькист [материалист – Т.-Г.], шеллингианец и, наконец, мистик (Фауст), все трое – *в струе русского духа*» (РН, 191–192).

Принципиально важно обратить внимание на то, что у Одоевского главный герой, его alter ego, Фауст, оказывается не только мистиком, но и символистом: не имея, как и прочие его собеседники-оппоненты, однозначного ответа на загадку жизни, он, в отличие от них, как замечает автор, «удовлетворяется символизмом» (РН, 192). Что это за символизм и в чем его суть? Ответ на этот вопрос находим во «Введении» романа: «Во все эпохи душа человека стремлением необоримой силы, невольно, как магнит к севе-

ру, обращается к задачам, коих разрешение скрывается во глубине таинственных стихий, образующих и связующих жизнь духовную и жизнь вещественную <...>. Для объяснения великого смысла сих великих деятелей естествоиспытатель вопрошает произведения вещественного мира, эти символы вещественной жизни, историк – живые символы, внесенные в летописи народов, поэт – живые символы души своей. <...> В истории встречаются лица вполне символические, которых жизнь есть внутренняя история данной эпохи всего человечества. <...> В глубине внутренней жизни поэту встречаются свои символические лица и происшествия; иногда сими символами, при магическом свете вдохновения, дополняются исторические символы, иногда первые совершенно совпадают со вторыми; тогда обыкновенно думают, что поэт возлагает на исторические лица, как на очистительную жертву, свои собственные прозрения, свои надежды, свои страдания; напрасно! <...> Таким образом, могут существовать отдельно и слитно исторические и поэтические символы; те и другие истекают из одного источника, но живут разною жизнью: одни – жизнью неполною, в тесном мире планеты, другие – жизнью безграничною, в бесконечном царстве поэта; но – увы! и те и другие хранят внутри себя под несколькими покровами заветную тайну, может быть недостижимую для человека в сей жизни, но к которой ему позволено приближаться» (РН, 7–8).

В сущности, на таком символическом отношении к миру базируется и весь замысел романа, и его художественное воплощение, в том числе отбор действующих лиц. Когда Одоевский в «Примечании к Русским ночам» признавался, что для того, «чтоб свести эти три направления к определенным точкам», он избрал «разные лица, которые целою своею жизнью выражали то, что у философов выражалось сжатыми формулами, – так что не словами только, но целою жизнью один отвечал на жизнь другого» (РН, 192), он повторял идею, нашедшую выражение уже во «Введении», открывавшем роман в 1844 г.: «Еще несколько слов о форме того сочинения, которое называется “Русскими ночами” и которое, вероятно, наиболее подвергнется критике: автор почитал возможным существование такой драмы, которой предметом была бы не участь одного человека, но участь общего всему человечеству ощущения, проявляющегося разнообразно в [историко]-

символических лицах; словом, такой драмы, где бы не речь, подчиненная минутным впечатлениям, но целая жизнь одного лица служила бы вопросом или ответом на жизнь другого» (РН, 8).

Такая концепция историко-символического бытия всего человечества, позволяющая видеть и в конкретных проявлениях человеческой жизни, и в круге господствующих в определенную эпоху идей символическое проявление общемировой драмы – «общего всему человечеству ощущения», как представляется, должна была показаться весьма привлекательной для Лосева в 1920–1930-е годы, когда философ наиболее напряженно размышлял над проблемами символа и мифа не отрешенно-абстрактно, но сквозь призму социально-исторических катаклизмов XX столетия, пытаясь сконструировать собственную историософскую модель развития человечества. Концепция символизма Одоевского могла привлечь Лосева в 1920-е годы еще и потому, что оказывалась внутренне созвучна собственному лосевскому пониманию символа. В сделанном 1 декабря 1925 г. в ГАХН докладе «Диалектическая структура символа» Лосев определит символ как «алогическую выраженность логического»¹⁶. Но ведь иными словами можно сказать, что все перипетии реальной человеческой жизни с ее, казалось бы, необъяснимы коллизиями, есть не что иное как символ – алогическая выраженность логически-безупречного изначального Божественного замысла, высшего Промысла о конкретном человеке и о человечестве в целом. Недаром в лосевской прозе, особенно в таких произведениях, как «Трио Чайковского», «Женщина-мыслитель», «Из разговоров на Беломорстрое», «Встреча», «Жизнь», возникают герои, выполняющие функции «адвокатов» тех или иных господствующих понятий. Они, как и герои Одоевского, призваны всей своей жизнью служить «вопросом или ответом на жизнь другого», а вместе с тем и ответом на вопрос, как в конкретно-исторических условиях «сбывается» или «не сбывается» человек, а вернее – сам замысел о человеке¹⁷.

¹ Об отношении к Достоевскому см.: *Тахо-Годи Е.А.* Художественный мир прозы А.Ф. Лосева. – М., 2007 (им. указ.).

² *Одоевский В.Ф., кн.* Русские ночи // Под ред. С.А. Цветкова. – М.: Путь, 1913.

³ Альманах библиофила. – М., 1983. – Вып. 14. – С. 29.

- ⁴ См.: *Тахо-Годи Е.А.* Великие и безвестные. – СПб., 2008. – С. 425–442.
- ⁵ Апокриф. Культурологический журнал. 1992. – № 1. – С. 110–118.
- ⁶ Там же. – С. 116.
- ⁷ Здесь и далее в скобках «Русские ночи» цит. по: *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. – Л., 1975. – Сер. «Литературные памятники».
- ⁸ *Лосев А.Ф.* Бытие. Имя. Космос. – М., 1993. – С. 625.
- ⁹ Здесь и далее в скобках «Диалектика мифа» цит. по: *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». – М., 2001. Сер. «Философское наследие». – Т. 130.
- ¹⁰ *Лосев А.Ф.* «Я сослан в XX век...». Т. 1. – М., 2002. – С. 258.
- ¹¹ РН, 103. Словосочетание «живая жизнь» едва ли не первым употреблено Одоевским. Затем оно появляется у Тютчева и Достоевского.
- ¹² Апокриф... – С. 116.
- ¹³ *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. – М., 1996. – С. 66.
- ¹⁴ *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14-ти тт. – М.-Л., 1937–1952. – Т. 10. – С. 248.
- ¹⁵ См.: *Тахо-Годи Е.А.* Художественный мир прозы А.Ф. Лосева... (им. указ.).
- ¹⁶ Лосев и культура XX в. – М.: Наука, 1991. – С. 216.
- ¹⁷ Ср.: *Тахо-Годи Е.А.* Художественный мир прозы А.Ф. Лосева... – С. 243.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.Г. БЕЛИНСКОГО

В.В. Розанов

В.Г. БЕЛИНСКИЙ: (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

1 июня (30 мая) 1811–1911 года*

В 1911 году писатель В.В. Розанов написал статью к 100-летию со дня рождения В.Г. Белинского. Он начал ее с представления о том, как через столетие будет отмечаться 200-летний юбилей. Предлагаем читателю эту статью, появившуюся в газете «Новое Время» 28 мая 1911 г. Она не лишена интереса и для сегодняшнего читателя.

Двухсотлетие рождения Белинского если и будет когда-нибудь праздноваться, то уже с таким ощущением археологичности, старины, чего-то «быльем поросшего» и всеми забытого, что жутко и представить себе; итак наступает *последний день*, когда Россия даст Белинскому *живую* оценку, *живое* воспоминание...

Он был друг, великий и прекрасный, наших гимназических дней; у других – студенческих; но вообще – друг поры учения, *самого впечатлительного возраста*, первых убеждений. Со всем этим он неразделимо, кровно *сросся*. Нет ни одного теперь из образованных русских людей, в крови и мозгу которого не было бы частицы «Белинского», как чего-то пережитого горячо и страстно, благоговейно и восторженно. Да извинит читатель примеры: мне сейчас 55 лет, но хранится у меня, и по временам я взглядываю на нее, тетрабочка гимназиста 3-го класса, где я, без буквы «ъ», пере-

* До сих пор трудно вполне точно установить день рождения Белинского. В метрике его – фотографический снимок с этого документа помещен в «Новом Времени» 2 января – значится 1 июня, между тем как сам В.Г. Белинский упоминал и 30 мая.

писал его «Литературные мечтания»: слог его, мысли, пафос, этот летучий язык, обернувшийся около стойких предметов и поваливший их, очаровал, обворожил меня, «начинающего читать *серьезно*» мальчика. И как книга была «чья-то» или «откуда-то взята», расстаться же с этим сокровищем мне не казалось возможным, то я все и переписал себе в тетрадочку, на эти дни забыв латиниста Кильдюшевского и математика Степанова (учителя) и конечно получив за эти дни списывания несколько двоек и единиц. С Белинского начиналось наше *серьезное чтение*: это безусловно *всех!!!* Нельзя, почти без слез благодарности, не вспомнить, что, лишь прочитав Белинского или вообще «вступив в сферу Белинского», мы произносили торжественно и сладко: «я человек»; то есть уже не мальчик, странствующий по степям Америки с Майн-Ридом, а Русский сознательный человек, волнующийся всеми волнениями России, ее будущего, ее прошлого, ее литературы, ее гражданского и политического бытия.

Да, да: во *все* это «вводил» Белинский; буквально как катехизис Филарета «вводит» в православие. Пишу конкретное, что знаю, что видел, как было дело у всех моих сверстников. В 14–15–16 лет, мы как бы вкладывали руку свою в руку уже могильного, уже усопшего Белинского, и говорили мысленно: «веди нас, куда знаешь; мы верим тебе, и только, тебе одному. Веди нас к гражданству, к зрелости, познанию литературы, к познанию всей жизни, вообще человеческой и в частности русской».

Сладко вспомнить. Все это было буквально так; и Может быть не бесполезно это запомнить будущему историку. Белинский был для нас не только критиком, но каким-то «духовником», к суду которого мы относили свои поступки, к суждению которого относили свои зарождавшиеся мысли; что мы «по заветам Белинского» прокладывали мысленно путь жизни, свое будущее – это само собою разумеется. Даже и в голову не приходило, что эта жизнь может сложиться, может пойти вне путей Белинского. Об этом никаких споров, никаких разговоров: это было «решено», и крепко. Говорю опять не лично только, а и обо всех своих милых товарищах, – о поре учения, и говорю в пределах всего, что тогда охватывал глаз, докуда дохватывал глаз. Все «зачитывались Белинским»: мы – в 3 классе, но хорошо было известно, что им же зачитывались и семиклассники, и восьмиклассники. У них-то по-

тихоньку мы и таскали с полок «Белинского», а они брали «его» из благотельной Карамзинской библиотеки (бесплатной, в Симбирске).

Это было влияние всеобъемлющее, всемогущее. Не продолжительное, но однако охватывающее приблизительно десять лет. Как оно кончилось — скажу (если скажу) в конце, а теперь предлагаю читателям вдуматься в него.

«России» и ее грамотности, ее «просвещению» Белинский дал столько же, сколько все министерство просвещения: а сколько оно миллионов стоит ежегодно!!! Белинский же все «даром» дал: поил всех, прямо заменяя гимназические и университетские, науки: законоведение и юридические науки, русский язык и историю литературы, начала нравственности, и уж конечно катехизис. «Критик» в нем для нас был не главный: главное «учитель жизни» и, в сущности, «учитель *всего*»... Так как он касался «всего» в своих критиках, то он был для нас первую «энциклопедиею». Но не фактической, а идейной; хотя, отчасти и побочно; и фактически. Для молодой Росси, для всей Восточной Европы он сыграл в XIX в. ту же роль; какую в XVIII в. для Франции и всей Западной Европы сыграла знаменитая «Энциклопедия» Дидро и д'Аламбера, но только в других тонах, «в нашем русском духе». Его роль, будучи «энциклопедическою», была во многих отношениях лучше, чище, нравственнее, воспитательнее; она была как-то свежее и моложе; в ней не было старческого цинизма, чего было довольно в знаменитой «Энциклопедии».

Но побочные действия были не те, а центр — был тот же. «Всему учились у него»; всем руководились «по нему».

Это — необъятно. И все даром. И все дал сухопарый, не окончивший университета студент...

Вот этим духом студенчества, юным-юным, он и охватил нашу молодость; а, отдаленнее, им же он охватил и всю русскую литературу; через литературу же охватил и целое общество. Все «по Белинскому»... Хорошо ли это? Есть худое и хорошее. Конечно, быть вечно «молодым» недостойно и наконец смешно быть обществу; *всему* обществу, уже довольно старенькому. А, с другой стороны, что же все-таки лучше молодости? Вспомните-ка, оглянемся; поплачем.

Эти черты, и смешные, и счастливые, привил Белинский. «Все от него»... И юные студенты, делающие «политику», и довольно старенький Милуков, тоже «делающий политику» – пошли, отдаленно и косвенно, от ветерана русской критики. Не стой его там, в николаевские времена, вся политика наша конечно сложилась бы серьезнее, фундаментальнее; но, с другой стороны, если поверить Кальдерону, что «жизнь есть сон», то отчего не предпочесть очень серьезной политике, которая напоминает скуку мелочной лавочки и бухгалтерского чистописания, политику нашу «русскую», вот со студентами и барышнями, которая прекрасна, как «Сон в Иванову ночь» Шекспира. Пусть 95 человек хвалят одну: позвольте мне «помолодиться» и с другими четырьмя человеками заявить, что я предпочитаю Шекспира – Милукову, Белинского – бухгалтерии, и не хочу политики без «барышень», забастовок и вообще «несбыточной как сон» ерунды... Даже «историограф» Карамзин говаривал, что «без чародейства сладких вымыслов» невозможно прожить: а уж нам и тем паче позволено жить, двигаться и мыслить в этом направлении.

Суть Белинского, историческую суть, мне кажется, можно выразить одной строкой: личным своим волнением он взволновал всю Россию. Сравните *до* него *и после* него: как было все тихо раньше, и как все шумно пошло потом. Пушкин писал поэмы: да, зачитывались; знали наизусть. Но эстетическое наслаждение имеет свойство спокойно ложиться на душу; и воспитывает оно тихим воспитанием. С Пушкиным зрела Россия; становилась лучше, совершеннее, делалась умнее. Да, но это – все *другое*, чем волнение. Волнения не принес ни Лермонтов, ни даже Гоголь, ни Грибоедов: волнение *и мог* принести только сам недоучившийся студент, но с *пламенной жаждой учения* и с *тучею сомнений, вопросов*, которые прежде всего ему самому были не ясны. Вот этой «вопросностью» своею, и вечным недоумением; и тоскою в недоумении, он и «поднял на дыбы» все, что было грамотно; поднял как «свой своих», как «брат братьев», как «вечный ученик» тех «вечных учеников», какими приличествует быть вообще людям, которые и не «боги», и не «мудрецы». Тут сыграло положительную и прекрасную роль даже то, что он не был так учен и даже так всесторонне образован, как его старшие сверстники; именно это-то и, нужно было молодому *растущему* обществу. Он поднялся и начал учиться, так пла-

менно, как немногие во всемирной истории: и все за ним вскочили и бросились к книгам, журналам, своим, переводным, учась и учась с его же пламенностью. И это продолжалось вплоть до пресловутых изданий Павленкова, – все на «серьезные» темы, все – учебного характера, с наивностью и «горячей» начинкой. «Все от Белинского»...

Вот это гораздо важнее того, что он был собственно «критиком»: и, как таковой, критически осветил всю русскую литературу до него и ему современную, и верно, чутко, гениально отгадал только что начавших при нем выступать новых писателей... Все это *и помимо* его могло бы сделаться; а «новых писателей» оценили бы со временем, потом. Да и оценили Тургенева, Гончарова, Достоевского, конечно, *независимо* от «предсказаний» Белинского. Но *волнующего и возбуждательного* его значения никто не мог заменить: и не будь его, все развитие общества совершалось бы потом гораздо медленнее, более «сквозь сон» (без сновидений, тупой), более апатично и вяло. Он внес *живость*: вот это – то, за что теперь вся Россия должна положить ему земный поклон. И когда мы праздновали недавно реформы: 60-х годов, мы должны были вспоминать не только Тургенева или Григоровича и их рассказы из крестьянской жизни: нужно было вспомнить *именно Белинского*.

Его лихорадкой даже и до сих пор продолжает лихорадить общество. Косвенно, побочно, но все пошло «от него»...

Собственно для настоящей критики он не был достаточно спокоен. Рассуждение Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» до сих пор остается лучшей критической статьей во всей русской литературе. Рассуждение Гончарова о «Горе от ума» («Милльон терзаний») несравненно зреее, серьезнее, интереснее критических импровизаций Белинского. Краткие критические афоризмы Пушкина ценнее целых статей Белинского. И вообще, для *настоящего времени* Белинский так явно *устарел как критик*, что об этом нечего распространяться. «Натуральная школа» русской литературы принесла в себе так много новой зрелости, что Белинский из «вечно молодого» стал невольно и неодолимо превращаться в «наивного». Нам передается его температура – и это слава Богу; но лишь в молодости мы у него *учимся*, не имея сил «учиться», «следовать» в годы более зрелые; в годы, когда просто прочитаны и продуманы Островский, Гончаров, Писемский, Толстой, Достоевский.

Граница и «окончание» Белинского может быть выражена тоже одной строкою: мы учились жизни (значение Белинского) у того, кто сам жизни не знал.

Отсюда естественное равнодушие к нему всякого человека в зрелом возрасте, и всего общества в более зрелую пору; естественное отодвигание его уже сейчас в «археологическую даль»... То, что было его преимуществом (молодость), есть вместе и его недостаток. Он потому и мог заразить и взволновать все общество, что «еще сам учился»: но от этого же он и не может быть «учителем» до седых волос своих сотоварищей и сограждан. «Не знал жизни»: можно понимать это, как факт, но следует усилиться понять это, как *метод*. Некрасов был еще моложе Белинского: но Белинский с первого же прикосновения к поэту «мести и печали» почувствовал, что в этом совсем юноше есть что-то *более зрелое*, чем в нем, маститом критике. Известно также большое, подавляющее впечатление, какое произвел на него Лермонтов. «Песня о купце Калашникове» Лермонтова *психологически зреее* всех критических статей Белинского. Лермонтов, громадою ума своего и какою-то тайной души, был *опытнее, старше, зреее* Белинского; хотя фактически и практически знал жизнь, вероятно, еще менее его. Тут вовсе дело не в фактическом знании; а в какой-то способности *посмотреть на жизнь, взглянуть на людей*: и в момент понять в них то, что Белинский до гроба так и не понял, и не мог бы понять, проживи он хоть и до семидесяти лет. С оговорками и извиняясь, но нужно все-таки сказать, что Белинский был вечный младенец, и именно – *врожденно*, нося это в себе и как талант, и как страдание. У него была какая-то странная *развязанность, разъединенность* с жизнью, будто он был какой выброшенный на необитаемый остров человек или вечный затворник-монах... Во всяком случае нельзя даже представить себе, чтобы он кого-нибудь из близких, из друзей, «порасспросил о его жизни» и вошел с интересом *во все ее перипетии*, в ее канву, ход, *fatum*. «Жизнь» была просто не нужна ему, не интересна; интересны были только «книги, которые читал и любил ближний», и те «идеи, на которые навели его эти книги». Этим заканчивался круг того, к чему влекся Белинский. Именно от этой *ужасной в сущности односторонности* он и сделался *великим критиком*; но от этой же односторонности происходит то, что в высшей степени плодо-

творно только одно его волнующее значение: *а учиться у него нечему*.

«Сам не знал жизни»: нет, хуже и печальнее – Белинский был глубоко антинатуральный человек, *без-натуральный* человек. Одни идеи. Одни книги. Правда, все о «жизни»: и идеи, и книги, и беседы, «разговоры» с друзьями, «за полночь», «до утра». Но в «разговорах» этих вращались все одни *схемы*, одни «понятия» о жизни. Белинского нельзя представить себе, чтобы он выслушал «со вкусом» какой-нибудь анекдот; о том, чтобы он сам его рассказал – и думать нечего. «Анекдот» оскорбил бы его душу, ухо: между тем ведь это только «цветная полоска» из жизни. Но вот именно «цветного»-то чего-нибудь, колоритного, «под чем кровь течет» – Белинский органически не выносил. И это-то и лежало таинственным корнем под тем явлением, что он до самой смерти остался каким-то в сущности неразвитым ребенком, неразвитым почти физиологически; не то – монахом, не то – на пустынном острове, не то – пансионером всеобщего российского пансиона. Еще маленькое указание: известно, как в 60-е и 70-е годы всех бесило, что «мы в опеке»; Белинский тоже, косвенно и осторожно, мог бы пожаловаться на «опеку», «опекание», ну хоть моральную, ну – хоть в воспитании, в семье, а косвенно – и в «гражданстве», в «быте», в «государстве». Но тайна в том, что ни малейше его «опека» не тяготила, и «опекание» – житейское, гражданское, всяческое, опекание редакционное – просто им не замечалось, судьбе и существу его не противоречило; а, напротив, лишь при опекании и под опекою он и мог жить, существовать, действовать, *по младенчеству и неопытности всей натуры*. Поразительно, что даже Пушкин столкновения с цензурою имел: но Белинский не имел никакого столкновения с цензурою, никогда из-за его статей «историй» не выходило. Он просил «пеленок», как «дитя», хотя и очень пылкое; огненное, гениальное. Но «через свой возраст не перескочишь»: пеленки были в сущности «по нем», – редактора и политического строя. Отсюда те жесткости и обиды, которые он переносил и на которые жаловался, но с которыми не умел бороться, – что все происходило не столько, например, от «эксплуататорских способностей» Некрасова, сколько именно от «безнатуральности» субъекта, от его вечной «пансионерности».

«Вечный нахлебник»... «Пьет и кушает мало»... «Очень удобен, потому что не требователен и неустанно работает». «Мечтатель, горячая голова». Все относились к нему немножко как *не к своему*. «Вечный учитель и всех учит. Нам, людям жизни, не товарищ».

И он «учил»... И все, даже этот недостаток, сослужил великолепную службу, тоже легли подножием судьбе и значению *великого критика*. «Человек не от мира сего»... Так *и должно быть*.

Можно сказать, что каждая капелька крови из-под житейского тернового венца, облежавшего его голову, вырастала в пышную розу в сознании общества, в судьбе общества, в этом самонужнейшем его «волнении»... Он и без того-то волновался; волновался без причин, одной мыслью. Всякий же укол, трение, боль у этого схематического мыслителя, с трагическим пафосом, без анекдота, вызывал пламенные статьи: на мировые темы, о мировых муках и сомнениях, которые гнали сон от Карповки до Урала, от Холмогор до Киева.

– «Еще Белинский написал статью»... «Читали?..» «Что думаете?»

И все читали, читали; учились, учились.

* * *

«Не житейский человек» имеет два смысла: практический и теоретический. Не жалко и не печально, что после Белинского мы долго не могли приучиться к бухгалтерии; но печально и трагично, что с ним мы разучились несколько постигать суть реальных вещей, потеряли несколько вкус к ним; потеряли их осязание, потеряли их обонянием. Здесь уже начинается *задерживающая* для «просвещения» роль Белинского. Возьмем пример – Потебню; возьмем великие труды – Даля. Оба «разворочали» русский язык; «разнюхали» словесное, звуковое, фонетическое народное творчество. Без объяснения всякий поймет, что оба были «*не школы Белинского*»; трудились, жили, думали, и даже волновались прекрасными и великими волнениями, вне «*метода Белинского*». Печально все-таки было, что то великое волнение, которое поднял Белинский, было разговорное волнение, пусть и лучших людей страны, пусть и в лучшие, патетические годы их жизни. В противоположность «Горю от ума», которое решительно начало эпоху

«разговоров в салонах», Белинский начал эпоху разговоров по *комнаткам-кейкам*, – разговоров *вдвоем*, а не в *обществе*: и все-таки это были «разговоры», и нечто худое было в том. Ах, правы были египтяне что они поклонялись «как *святым*», вечно молчащим животным, должно быть пораженные таинственным их *вечным молчанием*. «Разумны, прекрасны: и никогда не разговаривают»... Как не поклониться. Потебня верно до самой профессуры не умел говорить. Вообще в людях, которые неуклюжи в разговорах, бестактны в разговорах, и «не берутся за это трудное мастерство» – есть особая, исключительная ценность, между прочим именно для культуры, именно для исторического движения общества, страны. Конечно, с ними «не начнешь газеты»: но ведь есть особенное благо в том, что «никак нельзя начать газеты». Доведем мысль до предела, и она сейчас станет убедительна: то общество духовно погибло бы, нравственно погибло бы, для будущего погибло бы, в котором вдруг все члены обратились бы в «газетный народ», с этим талантом «говорить сколько угодно». Задохлись бы, передрались бы и друг друга убили, притом не родив ни одной мысли. Явно, что Потебня, явно, что Пастер или Ньютон выходят не «из этой среды», и сами не «этого духа», не этого «метода» люди... Вот тут мы и уловляем, что линия влияния и благородного действия Белинского, с его гениальным и страшным журнализмом (журналист-монах, журналист-solo), имела в себе внутреннюю *границу*, имела для себя внутреннее *окончание*. Дух его, ум его, деятельность его не имела «трех измерений»: она вся лилась в плоскости и была *плоска* сама по себе! неодолимо!! фатально!!! *Гениальна*, – и все-таки *плоска*... Какого-то «корешка» в нем не было, – «уходящего в землю». И это передалось обществу. «Все» учились у него; но, увы, это не было бы углубленное учение; точнее: это не было учение, с каждою минутою *углубляющееся*, идущее *дальше*. В этом отношении он в высшей степени не прогрессивный, а задерживающий писатель: и очень долго «толочься на Белинском» решительно вредно, и не показало бы большого ума, *большой души* в «толкущемся». Здесь он может быть даже «измерителем душ», «водомерным снарядом»... Белинский *переживает*: и каждый должен пройти эту стадию горячо и страстно, «клянясь именем учителя», «клянясь сохранить ему верность *до гроба*». Но именно – «переживается»: то есть оставляется гораздо

ранее «гроба». В чтении, в умственных увлечениях – то же, что в любви: «клятва верности» здесь может превратиться в черствую, лицемерную, притворную, похолодевшую связь «двух в одно»... С Белинским мы пережили чудный роман. Никогда не будем жалеть о нем: это первая любовь. История этой «любви общества и писателя» прекрасна и трогательна, как история Манон Леско и кавалера де-Гриэ... И все-таки «роман гимназиста» не заканчивает жизнь, не исчерпывает жизни. За маем идет знойный июнь, ароматный август... Идут «труды и дни» долгого года... Беллинский – только сеял: прямо – *апрельский человек*. Кроме Манон, есть *иные типы чувства и отношений*; Пенелопа тоже чего-нибудь стоит, наша русская Татьяна тоже стоит чего-нибудь. Вспомянем Манон, но не забудем ни Пенелопы, ни Татьяны.

А.С. Курилов

В.Г. БЕЛИНСКИЙ И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

К началу 30-х годов XIX в., когда В.Г. Белинский выходит на свое поприще, уже появилось немало работ по литературе допетровского времени, в том числе и такие основательные, как «Опыт краткой истории русской литературы» (1822) Н.И. Греча и «Руководство к познанию истории литературы» (1833) В.Т. Плаксына, где говорилось и о литературе Древней Руси, истоки которой восходили к эпохе язычества. Казалось, что вопрос о существовании у нас литературы и в самые древние времена окончательно решен и никаких других мнений на этот счет ни у кого просто не могло быть. Тем не менее они были.

1

«Литература наша, без всякого сомнения, началась у нас в 1739 г., — заявляет в “Литературных мечтаниях” Белинский, — когда Ломоносов прислал из-за границы свою первую оду “На взятие Хотина”. Нужно ли повторять, что не с Кантемира и не с Тредиаковского, а тем более не с Симеона Полоцкого, началась наша литература? Нужно ли доказывать, что “Слово о полку Игореве”, “Сказание о донском побоище”, красноречивое “Послание Васиана к Иоанну III” и другие исторические памятники, народные песни и схоластическое духовное красноречие имеют точно такое же отношение к нашей словесности, как и памятники допотопной литературы, если бы они были открыты, к *санскритской, греческой* или *латинской*? Такие истины надобно доказывать только гг. Гречу и Плаксыну, с коими я не намерен вступать в ученые состязания»¹.

Из сказанного следует, что под «словесностью» Белинский в данном случае понимает собственно «художественную литературу», а «Слово о полку Игореве» и «Сказание о донском (Мамаевом. – А.К.) побоище» относит к памятникам отечественной исторической письменности («историческим памятникам»), к тому же созданным на Руси в ее, своего рода «допотопный», т.е. дохудожественный период, до появления в ней произведений художественной литературы. И простирался этот период до 1739 г., когда написанная за границей Ломоносовым и тогда же присланная им в Россию ода «На взятие Хотина» положила начало нашей литературе.

Таким образом, будучи памятниками нашей исторической письменности, подобно «“Истории” Карамзина и “Историй” гг. Эмина и С.Н. Глинки, исторических разысканий Шлёцера, Эверса, Каченовского» (I, 24), ни «Слово о полку Игореве», ни «Сказание о донском побоище» уже в силу одного этого, полагает Белинский, не являются памятниками нашей художественной литературы, а потому и не имеют никакого отношения к ее истории. К тому же они не отвечали выработанному им на то время представлению о сущности и назначении художественной литературы, а также ее творцах.

«...Литературою, – считал тогда Белинский, – называется собрание такого рода художественно-словесных произведений, которые суть плод свободного вдохновения и дружных (хотя и безусловных) усилий людей, созданных для искусства, дышащих для одного его и уничтожающихся вне его, вполне выражающих и воспроизводящих в своих изящных созданиях дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны, жизнь которого они живут и духом которого дышат, выражающих в своих творческих произведениях его внутреннюю жизнь до сокровеннейших глубин и биений» (I, 24).

Осознавая себя критиком, литературным судьей, Белинский к восприятию и оценке литературных произведений, независимо от времени и условий их создания, подходит не как историк литературы, а как литературный критик. Критика же по своей природе, что было известно и Белинскому, вообще «есть приложение теории к практике» (II, 124, 139), а в литературном деле – «приложе-

ние теории литературы к произведению литературному»². Так он и поступает, обратившись к сочинениям древнерусских авторов.

Из того, что было известно Белинскому, а также из работ Греча, Плаксина и других историков нашей древней литературы, было видно, что Древняя Русь не знала ни «людей, созданных для искусства, дышащих для одного его», ни произведений («изящных созданий»), «вполне выражающих и воспроизводящих» дух нашего народа, «его внутреннюю жизнь до сокровеннейших глубин и биений» (I, 24). О чем, о какой литературе с «высоты» предложенного Белинским критерия при этом вообще можно вести речь? Ее просто не могло быть.

Однако еще в 1823 г. А.А. Бестужев-Марлинский в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России», с которой был знаком и на которую ссылался в «Литературных мечтаниях» Белинский (см.: I, 42, 519), обратил внимание на «непреклонный, славлюбивый дух народа», что «дышит в каждой строке» «поэмы о походе Игоря, князя Северского, на половцев»³. А упоминание при этом о Бояне – предшественнике «безымянного певца» «Слова о полку Игореве», показывало, что и в те времена была у нас литература, выдерживая проверку означенным Белинским критерием, отвечая двум его составляющим: и «соловей Боян», и «безымянный певец» несомненно принадлежали к «людям, созданным для искусства», творцам «изящных созданий» – «возвышенных песнопений», а автор «Слова о полку Игореве» «вполне выразил и воспроизвел» в своем произведении «дух того народа», среди которого был «рожден и воспитан», жизнью которого «жил и духом которого дышал».

Исходя из этого, казалось бы, что вопрос о существовании литературы в Древней Руси должен быть все-таки решен в ее пользу. Если бы не третья составляющая сформулированного Белинским критерия, которая гласила: «В истории... литературы нет и не может быть скачков: напротив, в ней все последовательно, все естественно, нет никаких насильственных или принужденных переломов, происшедших от какого-нибудь чуждого влияния» (I, 24). Известные на то время факты истории нашей литературы, дошедшие до нас произведения допетровской эпохи не давали возможности говорить о какой-либо последовательности и естественности

в ее развитии, а вот «насильственных переломов» и «принуждений» в силу «чуждых влияний» было немало.

Была в его критерии еще одна составляющая, которую, как и другие, Белинский вывел из опыта исторического развития западно-европейских литератур, на который он и опирался, вырабатывая критерий художественной литературы и ее создателей.

Считая универсальным, «необходимейшим условием» существования национальных литератур то, что каждая из них «непременно должна быть выражением-символом внутренней жизни народа», он делает «единственное исключение» для литературы Франции, которая, в отличие от литератур других стран, являлась «выражением общества», а не «выражением духа народного» (I, 29). Именно эта составляющая становится важнейшей определяющей при вынесении Белинским «приговора» существованию у нас литературы как в допетровское, начиная с Древней Руси, так и в послепетровское время по первую треть XIX в. включительно.

«Итак, – скажет он, переходя от теоретических рассуждений о сущности литературы к художественной практике отечественных писателей, – теперь должно решить следующий вопрос: что такое наша литература: выражение общества или выражение духа народного? Решение этого вопроса, – отмечает Белинский, – будет историею нашей литературы и вместе историею постепенного хода нашего общества со времени Петра Великого» (I, 34). При этом он отказывается говорить о том, «с чего начинались литературы всех народов и как они развивались, ибо это должно быть общим местом для всякого читающего человека» (I, 34–35), тем самым как бы сразу закрывая вопрос: а с чего же конкретно начиналась у нас литература и как она развивалась в допетровское время. А затем дает понять, что и наша литература XVIII в. не была «выражением духа народного», т.е. не была в полном смысле литературой по одной причине: реформы Петра Первого привели к тому, что «народ или, лучше сказать, масса народа и общество пошли у нас врозь». В результате народ «остался при своей прежней, грубой и полудикой жизни и при своих заунывных песнях, в коих изливалась его душа в горе и в радости», а общество «забыло все русское, забыло даже *говорить русский язык*, забыло поэтические предания и вымыслы своей родины, эти прекрасные песни, полные глубокой

грусти, сладкой тоски и разгулья молодецкого, и создало себе литературу, которая была верным его зеркалом» (I, 40).

Отсюда следовало, что наша литература, созданная в послепетровское время, явилась не «выражением» общества, как во Франции, а только его «отражением» – «зеркалом», и так как «высшее сословие общества из всех сил ударилось в подражание или, лучше сказать, передразнивание иностранцев» (I, 41), то литература тоже становится подражательной, оторванной от жизни народа. Проблески «народного духа», считает Белинский, встречаются только у четырех наших писателей: Державина, Пушкина, Крылова и Грибоедова. «...Вот все ее (русской литературы. – *А.К.*) представители, – скажет Белинский и подчеркнет, – других покуда нет и не ищите их». И в подтверждение своего тезиса: «У нас нет литературы», – доказательству чего и были посвящены его «Литературные мечтания», задается риторическими вопросами, в самой постановке и содержании которых уже был заложен однозначный ответ относительно существования у нас подлинно художественной литературы, в том числе и древней, допетровской: «Но могут ли составить целую литературу четыре человека, явившиеся не в одно время? И притом, разве они были не случайными явлениями?» (I, 101).

Если писателей, «созданных для искусства», чьи произведения представляли собою «плод свободного вдохновения», а не подражания, в XVIII в. у нас не было ни одного, кроме Державина, а в первой трети XIX в. никого, кроме Пушкина, Крылова и Грибоедова, то, что говорить о литературе допетровского времени? И Белинский окончательно утверждает в справедливости своего отношения к памятникам письменности Древней Руси как явлениям, не относящимся к художественной литературе.

2

Проблема «В.Г. Белинский и старая допетровская письменность (т.е. древнерусская литература. – *А.К.*)» обозначилась еще в XIX в. Однако дальше замечаний, что он всю эту письменность «оставил без внимания»⁴, что только собирался написать ее историю, да так и не собрался⁵, наши литературоведы тогда не шли, не зная, как объяснить данный «печальный», как им казалось, факт из жизни Белинского-критика.

В XX в., в советское время, к этой проблеме обратились лишь в 50-е годы. Сначала затронули вопрос об отношении Белинского к «Слову о полку Игореве»⁶. Затем, отметив, что он «не дал даже общего очерка древней русской литературы», стараются понять и объяснить, почему. «Отсутствие этого очерка, – говорится в статье И.Г. Пехтелева «Белинский и некоторые вопросы древней русской литературы», пока единственной, посвященной напрямую данной проблеме, – было обусловлено не тем, что он игнорировал древнюю русскую литературу, а тем, что он считал известные факты далеко не достаточными для серьезного исследования. Кроме того, Белинский еще не выяснил для себя место древних произведений в процессе развития всей русской литературы, еще не решил вопроса о связи литературы до Ломоносова с литературой, которая началась с Ломоносова: уж слишком велика была разница не только в содержании, но и в формах выражения, в языке между тем, что было до Ломоносова, и тем, что стало после него»⁷.

В дальнейшем наших литературоведов интересовал лишь взгляд Белинского на «Слово о полку Игореве»⁸, его рассуждения о содержании этого памятника, «представляющимися современному читателю ошибочными» и «объяснимы не столько заблуждениями самого Белинского, сколько недостаточной изученностью во времена Белинского древнерусской литературы, ее идейной направленности и художественных особенностей»⁹, а также тем, что он «еще не смог постичь во всей глубине патристическую идею, организующую повествовательный материал “Слова”: необходимость единения удельных князей и их дружин, для успешной борьбы с кочевниками»¹⁰, на что в свое время «указал» сам К. Маркс и что почиталось истиной в последней инстанции¹¹.

Однако, как мы уже видели и что получит подтверждение в дальнейшем, отношение Белинского к тому, что тогда буквально все называли памятниками древней русской литературы – «изящной словесности», а он с этим ну никак, настойчиво и последовательно, не соглашался, имело достаточно выверенное теоретическое, а значит вполне научное (по тому времени) обоснование. И было продиктовано не тем, что он не находил среди известных ему фактов материал «для серьезного исследования», и не «недостаточной изученностью» в те годы древнерусской литературы, и не неспособностью «постичь во всей глубине патристическую

идею» «Слова о полку Игореве» (что стало возможным лишь после «постижения» этой идеи основоположником марксизма), а исключительно его, Белинского, представлением о сущности художественной литературы, ее назначении и ее творцах. При анализе «Слова о полку Игореве» он исходил из его реального содержания, а не интерпретаций, последовавших после «указания» Маркса на «подлинный» смысл произведения, ставшего в нашей науке о «Слове» общепринятым. А потому разговоры об «ошибках» и «заблуждениях» Белинского при рассмотрении им этого произведения по меньшей мере некорректны...

То, что он поначалу относил «Слово о полку Игореве» к памятникам исторической, а не художественной литературы, понятно. Еще со времен Аристотеля произведения, где говорится о делах и поступках реальных людей, современников авторам произведений, к тому же выступавших там под своими собственными именами, относились не к поэзии – не к художественной, по нашим понятиям, литературе, а к истории – литературе исторического содержания. Историк, писал Аристотель, различается с поэтом «тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй – о том, что могло бы случиться», «задача поэта говорить не о действительно случившемся, но о том, что могло бы случиться, следовательно, о возможном по вероятности или по необходимости»¹². И с этой точки зрения Белинский-критик был прав, имея все основания, приложив теорию литературы (поэзии) к произведению литературному – «Слову о полке Игореве», отнести его к «историческим памятникам», произведениям, где говорится о «действительно случившемся», реальных событиях, имевших место в Древней Руси, реальных их участниках, а не вымышленных персонажах. Именно так, прилагая теорию к практике, он будет поступать и в дальнейшем, выводя «Слово о полку Игореве» за пределы отечественной художественной литературы.

Вместе с тем Белинский проявлял и известную непоследовательность при отнесении к литературе тех или иных памятников древнерусской письменности.

Так, «Сказание о Мамаевом <донском> побоище» в декабре 1834 г. он относит к «историческим памятникам» (I, 65), в марте следующего года называет его «литературным памятником XV столетия» (I, 154), тем самым косвенно признавая, что у нас

была литература задолго до Ломоносова. А затем отнесет это «Сказание» вообще к «народной поэзии» (V, 349).

Видя в летописях исключительно «исторические памятники», вдруг, в конце 1840 г., скажет, что они «уже представляют как бы начало литературы», и тут же заявит: «Только с Пушкина начинается русская литература, ибо в его поэзии бьется пульс русской жизни» (IV, 417, 424).

3

Историки литературы, в том числе и упомянутые Белинским Греч и Пласин, никак не отреагировали на его утверждение, прозвучавшее в «Литературных мечтаниях» (да к тому же сказанное как бы между прочим, в сноске), что у нас до Ломоносова вообще не было никакой художественной литературы, посчитав это по-видимому лишь «мальчишеской выходкой» начинающего литератора. Только один человек – собрат Белинского по критическому цеху Н.А. Полевой, разделял тогда схожую с его точку зрения. «Русская литература до Петра Великого, до составления нынешнего Русского языка, до начала гражданского учения и гражданской азбуки... – писал он, – была только подготовительным действием, а не настоящею Русскою литературою». И подчеркивал: «В этом, кажется, спору быть не может»¹³.

Для Белинского это было бесспорным уже с первых его шагов на литературном поприще. Как вывел он в «Литературных мечтаниях» за границы нашей художественной литературы Симеона Полоцкого – крупнейшего поэта допетровского времени, так и оставил его там, даже не упомянув его имени в своем итоговом обозрении отечественного историко-литературного процесса (X, 289). Он будет говорить о «варварских виршах» Симеона Полцкого (I, 44), написанных «силлабическим стихом» – «размером, который совершенно не свойственен русскому языку» (VIII, 614), иронически включать поэта в число наших «классиков», наряду с Кантемиром, Тредиаковским, Сумароковым, Херасковым и др. (I, 379), отмечать его «допотопный, ископаемый» слог и язык, родственные языку Тредиаковского и Сумарокова (II, 90), и причислять его к «старинным» нашим писателям в компании с Нестором, Никоном, Артамоном Матвеевым, царевной Софьей и др. (IX, 145). А один раз, упомянув переложения Симеоном Полоцким псалмов,

даже отнесет его к писателям, «игравшим сколько-нибудь значительную роль в нашей литературе» (II, 536). Но не более. Да, Белинский ставит постоянно его в определенные ряды отечественных писателей, но... решительно вне истории нашей литературы.

И хотя «литературное начало», как считал Н. Полевой, проявляется уже «в прежних духовных сочинениях и переводах, и в училищных одах, комедиях, сатирах, поэмах, песнях и псалмах, которые породила Киевско-Польская ученость духовных заведений Малороссийских»¹⁴, тем самым как бы «приготавливая» появление «настоящей Русской литературы», Белинский упорно стоял на своем: до Ломоносова (и отчасти Кантемира) у нас художественной литературы не было. Она явилась в XVIII в. «пересаженным цветком», а потому ни о каких «приготовительных действиях» к ее появлению, якобы имевших место в допетровское время, и речи быть не может.

Убежденный – непреклонно – в том, что литература возникла у нас не ранее XVIII в., Белинский проявляет полное равнодушие к вопросу о существовании литературы в Древней Руси. Решив однажды для себя – раз и навсегда, – что такой литературы, согласно выработанному им критерию художественной литературы, у нас тогда просто не могло быть, он к этому вопросу, после «Литературных мечтаний», уже никогда не возвращался. Однако оставить без внимания ставшие известными на то время памятники нашей «старой», допетровской письменной словесности он не мог.

Вопрос о том, как быть со «Словом о полку Игореве», «Сказанием о Мамаевом побоище» и другими памятниками, доставшимися нам о Древней, задолго допетровской Руси, остается для Белинского открытым вплоть до начала 1841 г. Он уже понимает, что их нельзя проводить по ведомству «исторической письменности», слишком заметно в одних поэтическое, а в других – риторическое начало. Но это, в чем он не сомневается, и не памятники художественной литературы – они не выдерживают поверку ни одним из критериев, определяющих принадлежность произведений к такой литературе, в чем он окончательно убеждается в дальнейшем при анализе их формы и содержания. Вместе с тем и нельзя оставлять их вне явлений отечественной словесности, не включать их ни в

один из корпусов ее поэтических памятников, тем самым как бы выводя их вообще за рамки ее истории.

Летом 1839 г. рецензируя «Очерки русской литературы» Н.А. Полевого, Белинский читает: «Период младенчества, когда гений народа создает свою народную песню, свои безотчетные песнопения, свои сказки: это время кончилось для России до Петра Великого»¹⁵, — принимает и разделяет такую точку зрения. «Собственно народная поэзия, — вторит он Полевому, — кончилась во времена Петра Великого» (IV, 422). Антропологическая хронология понятна и близка Белинскому: «младенчество» — до Ломоносова, «юность» — до Пушкина, «зрелость» — начиная с Пушкина. Внутренне он согласен с тем, что и «Слово о полку Игореве», и «Сказание о Мамаевом побоище», и другие памятники задолго допетровской Руси, созданы именно в период ее «младенчества», но пока он не относит их непосредственно к произведениям, созданным народом, к «народной поэзии».

Это он сделает в начале 1841 г., когда в «Отечественных записках» появится объявление И.П. Сахарова об издании им «Сказаний русского народа о семейной жизни предков», четвертую книгу первого тома которых должны были составить «Памятники древней русской литературы». Туда, наряду с «Былинами русских людей», должны были войти «Слово о полку Игореве», «Слово Даниила Заточника», «Сказание о нашествии Батыя на русскую землю» и «Сказание о Мамаевом побоище». «Здесь, — скажет Сахаров, — вмещается вся наша древняя литература, сохраненная в письменных памятниках. Самобытность ее уже более не подлежит сомнению: одна только наша мифическая историческая школа сомневается в ней»¹⁶.

Картина исторического развития русской литературы послепетровского времени сложилась у Белинского еще в период «Литературных мечтаний», а что было до того ему было не очень-то ясно. Н.А. Полевой навел его на мысль, что до Петра Великого у нас создавались лишь «народные песни» и «сказки», а вот место, которое занимала у нас тогда, в эпоху исключительно «устного» народного творчества, «письменная» словесность Белинский еще не видит и не находит. И тут появляется объявление И.П. Сахарова, где все эпические произведения — устные и письменные, — созданные и бытовавшие у нас в допетровской Руси, были

представлены в одном корпусе «памятников древней русской литературы», тем самым одновременно давая достаточно определенный ответ и на вопрос о месте всех известных в то время «Слов» и «Сказаний».

Белинский с таким ответом не только безоговорочно согласился, у него сразу же возникает замысел «критического курса русской литературы», его состава, хронологии и композиции, потому что теперь знает и ясно видит, как надо и как он будет излагать историю отечественной словесности, предшествовавшей появлению у нас собственно художественной литературы в XVIII в. И спешит известить о том своих читателей в обширном примечании, предварявшем публикацию его статьи «Разделение поэзии на роды и виды», которая была рекомендована им как часть «Эстетики», что будет входить в его же «теоретический курс», «тесно связанный... единством основной мысли» с его «критическим курсом русской литературы» (V, 7–8).

По плану, изложенному Белинским, заявленный им «курс русской литературы» открывало «Критическое рассмотрение памятников русской народной поэзии», где в скобках имелось прямое указание на объект «рассмотрения»: «“Слово о полку Игоревом” и русские песни эпического и лирического содержания». Далее предполагалось «Историческое обозрение памятников письменности от начала до времен Петра Великого» (но уже без расшифровки, какие именно памятники будут объектом «обозрения») и «История книжной русской литературы от Кантемира и Ломоносова до Карамзина, от Карамзина до Пушкина и от Пушкина до 1841 г. включительно» (V, 8).

Приобщая «Слово о полку Игореве», а затем и другие «Слова» и «Сказания», к «памятникам русской народной поэзии» Белинский полагал, что здесь он идет за авторитетным исследователем народного творчества — И.П. Сахаровом. Но он даже не подозревал, что Сахаров не был оригинален в этом вопросе, а шел при его решении прямо за В.Т. Плаксиным, еще в 1832 г. включившим «Слово о полку Игореве» и «Сказание о Мамаевом побоище» в корпус произведений «народной поэзии»¹⁷.

Не желая, ни тогда ни после, вступать с Плаксиным «в ученые состязания», Белинский, даже не подозревая о том, охотно пользуется понятием «народные эпические поэмы», которое ввел

Плаксин по отношению к нашим «двум историческим поэмам: *Слову о полку Игоря* и *Повести о нашествии Мама* («Сказания о Мамаевом побоище». – А.К.)»¹⁸, при этом ничуть не сомневающийся в том, что они являются значительными вехами в историческом развитии древнерусской литературы (словесности). Белинский же, заявив: «Древнейший памятник русской народной поэзии в эпическом роде есть, без сомнения, “Слово о полку Игоревом”» (V, 332), – рассматривает и его, и другие «Слова» и «Сказания» в статье, посвященной исключительно народному поэтическому творчеству.

4

«Слово о полку Игореве», «Сказание о Мамаевом побоище» и другие произведения писателей Древней Руси Белинский выводит за рамки художественной литературы исходя из соответствующих положений теории поэтических родов и видов, обобщавшей многовековой, начиная с Античности, опыт европейских писателей. При этом он опять поступает не как историк литературы, а как литературный критик, прилагая общепризнанную на то время теорию эпической поэмы к произведениям древнерусских писателей, которые, естественно, не выдерживали проверки критериями, далекими от их творческой практики.

Иронизируя над критиками, что судили о достоинствах литературных произведений на основе теоретико-литературных понятий, получивших отражение в «Словаре древней и новой поэзии» (1821) Н.Ф. Остолопова, и в «Учебной книге Российской словесности» Н.И. Греча, которая была «сборником пошлых и обветшавших правил, взятых из пресловутого “Словаря...” г. Остолопова» (I, 71, 116. Хотя в действительности было, скорее, наоборот: «Учебная книга» Греча вышла годом раньше), Белинский тем не менее, сознавая то или не сознавая, сам поступает как высмеянные им критики. При выявлении жанрового своеобразия «Слова о полку Игореве» он опирается на эти же самые «пошлые и обветшавшие правила», которыми тогда только и можно было определить принадлежность произведений к тому или иному виду поэзии. Другого выхода у Белинского не было, и иначе поступить он не мог: более авторитетных трудом по теории литературы, кроме «Словаря» Остолопова и «Учебной книги» Греча, где освеща-

лись основные понятия теории поэтических родов и видов, у нас тогда не было.

Правда, Белинский полагает, что по отношению к народной поэзии должна применяться иная, чем общепризнанная система эпических произведений, и предлагает ее вниманию читателей.

«Эпические поэмы, – пишет он, – бывают трех родов, *космогонические* и *мифические*, в которых выражается непосредственное воззрение народа на происхождение мира, религиозные и философические созерцания; *сказочные*, в которых видна особенность народной фантазии и которые суть эхо баснословно-героического быта младенчеству народа, и *исторические*, в которых хранятся поэтические предания исторической жизни народа, уже ставшего государством. Первых, – замечает он, – т.е. космогонических и мифических у нас нет...» (V, 331). Остаются «сказочные» и «исторические».

Но как только Белинский обращается к «древнейшему памятнику русской народной поэзии в эпическом роде» – «Слову о полку Игореве», то забывает о предложенной им системе «эпических поэм», рассматривая и оценивая его содержание не в соответствии с изложенными им понятиями о «родах» таких поэм, а согласно «правилам» давно устаревшей, как он считал, теории эпической поэзии.

«Под именем *Поэмы эпической* или *Эпопеи* разумею мы, – писал Греч, – пиитическое изображение одного деяния или происшествия из жизни героя, т.е. главного оной лица. – Поэма эпическая разделяется на

- 1) Героическую,
- 2) Романическую, и
- 3) Комическую.

...*Героическая поэма* есть изображение важного, великого происшествия; в котором свобода человеческая является в борении с враждебною судьбою...

...*Предметом* героической Поэмы должно быть важное, обильное последствиями происшествие из отдельной эпохи (в коей История сливается с баснословием), требовавшее содействие всей Природы...

...В Поэме должен быть *один Герой* (главное лицо), при котором все прочие лица занимают второстепенные места и на кото-

рого действуют все изображаемые происшествия. Он должен отличаться если не добродетелью и благородством, то силою характера, который должен быть выдержан с начала до конца Поэмы»¹⁹.

Ничего этого в «Слове о полку Игореве» Белинский не находит. Там, пишет он, изображено «событие совершенно ничтожное само по себе. Это не борьба двух народов, но набег племени на соседнее племя... В «Слове о полку Игоревом» нет никакой глубокой идеи. Это больше ничего, как простое и наивное повествование о том, как князь Игорь с удалым братом Всеволодом пошел со своею дружиною подраться с половцами, сперва разбил их, а потом сам был разбит наголову, попался в плен, из которого, наконец, ему удалось ускользнуть. Беспрестанные обращения к междоусобиям князей, или намеки на них, также составляют содержание и, сверх того, исторический фон поэмы». И тут же апеллирует к теории поэмы: «Источником исторического произведения поэзии может быть только история народа, и произведение потолику может отличаться глубокою идеею, поколику полна “общим содержанием” жизнь народа» (V, 348, 344–345).

В XII же веке в жизни нашего народа, считает Белинский, не было никакого сколько-нибудь позитивного, не говоря уже «глубокого идейного» содержания. Вся жизнь его протекала в условиях удельной системы, которая, «по-видимому, – полагает Белинский, – была случайностью, порождением естественных, патриархальных понятий о праве наследства... В междоусобиях князей нет никакой идеи, потому что их причина – не племенные различия, не борьба разнородных элементов, а просто личные несогласия князей». Роль народа в этих разногласиях была нулевая, он в них «не играл никакой роли... Черниговцы дрались с киевлянами не по племенной ненависти, а по приказанию князей своих», точно так же, как в «Дубровском» Пушкина: «...бары поссорились, а слуги начали драться, вытапывать поля, бить скот и поджигать избы» (V, 345, 347). Жизнь народа в условиях междоусобия без идеи, без содержания просто в силу своей бессмысленности не могла стать «источником исторического произведения поэзии».

Нет в «Слове о полку Игореве» и тени баснословия, к тому же «предметом» его не является «происшествие из отдаленной эпохи»: «это произведение явно современное воспетому в нем событию и носит на себе отпечаток поэтического и человеческого

духа Южной Руси, еще не знавшей варварского ярма татарщины, чуждой грубости и дикости Северной Руси» (V, 332–333).

«“Слово”, – пишет Белинский, – и не может называться героической поэмой. Действие героической поэмы должно быть сосредоточено на одном лице, которое должно осуществлять собою все, или, по крайней мере, хотя одну из субстанциональнейших сторон духа своего народа. Игорь же только внешним образом является героем “Слова”: это какой-то образ без лица; в нем нет ничего индивидуального; он лишен всякого характера; личности его нисколько не видно, нет никаких данных считать его представителем своего народа. Сверх того, – продолжает Белинский, – он заслоняется то удалым братом своим, *буйтуром* Всеволодом, то отцом своим Святославом, то, наконец, своею храброю дружиною» (V, 347).

В результате Белинский окончательно укрепился в непогрешимости своего восприятия «Слова о полку Игореве» как произведения, которое не относится к художественной литературе – оно создано не по «правилам» эпической (героической) поэмы. И хотя изложение в нем событий «историческо-поэтическое», говорить о нем можно только как о «примечательном произведении народной поэзии древней Руси» (V, 333, 344), поэзии «эпохи естественной непосредственности, или младенчества», «для всякого народа... великой эпохи жизни» (V, 308). Это не «определенное слово мужественного сознания» народа и его поэта-художника, где «форма равновесна заключающейся в ней мысли», а «дикий полевой цветок, благоухающий, свежий и яркий», несомненно «достойный внимания, памяти и уважения» (V, 308, 333).

5

Аналогичным образом Белинский поступает и при определении жанра и принадлежности к художественной литературы «Сказания о Мамаевом побоище» и «Сказания о нашествии Батыя на русскую землю». «Оба эти памятника, – скажет он, – нисколько не относятся к поэзии, потому что в них нет ни тени, ни признака поэзии» – т.е. они написаны простым неукрашенным словом. И заметит, что «это скорее памятники даже не красноречия, а простодушной риторики того времени, которой вся хитрость состояла в беспрестанных применениях к Библии и выписок текстов

из нее» (V, 349). Однако «применения» и «выписки» из Библии не заслоняли реального содержания памятников и пафоса сказанного. Дело не в «применениях» и «выписках», а в том, что по своему характеру и композиции эти «Сказания» также были созданы не по «правилам» эпической поэмы – ни рыцарские, ни героические, ни исторические: там нет главного показателя-критерия художественности – вымысла, они написаны современниками по горячим следам действительных, а не выдуманных событий, содержание их ни баснословное, ни взятое из «отдаленной эпохи».

С несравненно большей симпатией Белинский отзывается о «Слове Даниила Заточника», которое, как он считает, «также не относится к поэзии (т.е. не отвечает ни одному из известных критериев художественной литературы и поэтических видов. – А.К.), но может служить образцом практической философии и ученого красноречия XIV в. (на самом деле XII в. – А.К.). Даниил Заточник был муж глубокой учености в духе своего времени; “Слово” отличается умом, ловкостью, а местами и чем-то похожим на красноречие. Главнейшее его достоинство состоит в том, что оно так и дышит духом своего времени» (V, 349), но не «духом народа» того времени.

Убеденный в том, что «Слово о полку Игореве» нельзя считать ни героической, ни какой другой, по европейским меркам поэмой, относя его к собственно «народным произведениям» (V, 354), Белинский, тем не менее, постоянно называет его поэмой. И это естественно: на то время существовала устойчивая традиция, начало которой было положено статьей Н.М. Карамзина «Несколько слов о русской литературе», опубликованной в 1797 г., где только-только открытое «Слово о полку Игореве» было представлено как поэма²⁰.

С другой стороны, поэмами тогда называли вообще любое эпическое (сюжетное) произведение. Так, Н.А. Полевой, говоря о «Житии Александра Невского», замечает: оно «есть явная поэма, только в прозе», – и относит к прозаическим поэмам «Поход Мстислава Удалого на Суздаль» и целый ряд повествований – исторических «сказаний», включенных в наши летописи²¹.

Точно так же поступает и Белинский, называя «сказочными поэмами» и «поэмами в сказочном роде» «Древнейшие российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (V, 351, 355), и

выделяя в отдельную разновидность «народных поэм» – «Новгородские поэмы»: «поэмы Великого Новгорода» о Василии Буслаеве и Садко, называя их также и «новгородскими сказаниями» (V, 401, 420).

Белинский был вынужден пользоваться понятиями европейской жанровой системы, потому что тогда у нас ни он, ни кто другой даже не пытался определить национальную специфику и своеобразие жанров и разновидностей произведений как народной, так и нашей древней эпической поэзии. Поверка Белинским жанра и содержания «Слова о полку Игореве» критериями существовавшей в то время теории поэтических родов и видов показала, что оценивать ими не только это «Слово», но и другие «Слова» и «Сказания», бессмысленно и бесперспективно, возвращая нашу литературоведческую мысль к началу XIX в., когда было отмечено, что автор «Слова о полку Игореве» был «ученик простой природы, с которой картины свои он списывал верно и удачно», а потому «не надобно разбирать ее (поэму о походе Игоря. – А.К.) по правилам Аристотеля, Горация или Буало»²². На то нужны совершенно иные «правила», «правила», которые бы учитывали художественный опыт писателей Древней Руси.

Оценка Белинского произведений древнерусской литературы была в общем-то неадекватной их содержанию и жанрам. Нашим писателям тогда приходилось решать иные, чем их западноевропейским коллегам, задачи, а потому их создания, естественно, нуждались в оценочных критериях, отвечавших именно этим задачам. Так, Белинский, сам того не подозревая, остро поставил перед отечественной наукой о литературе вопрос о необходимости разработки и формирования теории жанров, видов и разновидностей поэзии (художественной литературы, словесности) уже собственно нашей Древней и не только Древней, а и вообще всей допетровской Руси. К сожалению, вопрос этот до сих пор остается без ответа. И мы продолжаем по традиции «Слово о полку Игореве» считать нашей древней *поэмой*, хотя, как показал своим анализом ее содержания Белинский, это далеко не так...

-
- ¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. – М., 1953. – С. 65. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы.
- ² Майков В.Н. Литературная критика. – Л., 1985. – С. 331.
- ³ Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. – М., 1958. – С. 523.
- ⁴ Пытин А.Н. История русской литературы. Т. 1. Древняя письменность. – СПб., 1898. – С. 15.
- ⁵ См.: Истрин В.М. Опыт методологического введения в историю русской литературы XIX в. – СПб., 1907. – С. 6.
- ⁶ См.: Головенченко Ф.И. «Слово о полку Игореве» // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Т. LXXXII. Вып. 6. – М., 1955; Ольшанский О.Е. В.Г. Белинский и «Слово о полку Игореве» // Наук. зап. Слов'янского держ. пед. Ин-ту. – Слов'янск, 1957. – Т. 2. Сер. Ист-филол. Вып. 2 – С. 118–140.
- ⁷ Пехтелев И.Г. Белинский и некоторые вопросы древней русской литературы // Уч. зап. Казанского гос. пед. ун-та. – Казань, 1958. – Вып. 14. – С. 35–36.
- ⁸ См.: Кусков В.В. Белинский и «Слово о полку Игореве» // Проблемы историко-литературного процесса. – Свердловск, 1985. – С. 140–147; Березина В.Г. В.Г. Белинский и «Слово о полку Игореве» // Русская литература. 1986. – № 3. – С. 147–153.
- ⁹ Творогов О.В. В.Г. Белинский // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. – СПб., 1995. – С. 98–99
- ¹⁰ Березина В.Г. Указ. соч. – С. 148.
- ¹¹ Об «указании» К. Маркса и «идее» произведения см.: Курилов А.С. Нравственные уроки «Слова о полку Игореве» // Русская словесность. 2000. – № 5. – С. 32–37.
- ¹² См.: Аристотель. Об искусстве поэзии. – М., 1957. – С. 67–68.
- ¹³ Полевой Н.А. Очерки русской литературы. Ч. 1. – СПб., 1839. – С. 361.
- ¹⁴ Там же. – С. 362.
- ¹⁵ Там же. – С. 365.
- ¹⁶ Отечественные записки. 1841. Т. XIV. № 2. Отд. VI. Библиогр. хроника. С. 80.
- ¹⁷ См.: Плаксин В.Т. Руководство к познанию истории литературы. – СПб., 1833. – С. 129.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Греч Н.И. Учебная книга Российской словесности... Ч. III. – СПб., 1820. – С. 265–266.
- ²⁰ Карамзин Н.М. Избр. соч. Т. 2. – М.; Л., 1964. – С. 147.
- ²¹ Московский Телеграф. 1833. – № 7. – С. 427–428.
- ²² Грамматин Н.Ф. Рассуждение о древней русской словесности. – М., 1809. – С. 10.

БИБЛИОГРАФИЯ

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШИШКОВ (1754–1841)* : МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

І. Сочинения и переводы А.С. Шишкова

Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ Члена. Ч. 1–17. СПб.: в тип. Императорской Российской академии, 1818–1839.

Ч. 1. 1818. VI, 403 с. (*Содержание*: Предуведомление. – **Собрание детских повестей**: 1. Колыбельная песенка, которую поет Анюта, качая свою куклу; – 2. Брат и сестра [«Мне моя куколка всево на свете дороже!...»]; – 3. Песенка при спелении дитяти; – 4. Две собаки, змейка завистливая и соколка добросердечная; – 5. Песенка к дождику; – 6. Три златоперые рыбки; – 7. Прекрасные платья; – 8. Песенка на купанье; – 9. К Маше, на ея голубку; – 10. Божия любовь; – 11. Злодействующий кот и невинно страдающая Шавка; – 12. Добросердечная Наташа; – 13. Великодушные осмилетнего отрока; – 14. Страх в потемках; – 15. Ягненок; – 16. Верная собака; – 17. Белинкой горностайко; – 18. Набожные дети; – 19. Резвая коза; – 20. К маленькой девушке; – 21. Благотетельный Митюша; – 22. Дитя, рассуждающее здраво; – 23. Не скоро, да здорово; –

* Видный отечественный филолог и лексикограф Александр Семенович Шишков (1754–1841) издавна привлекает внимание специалистов своими литературными трудами. Известен он также и как видный государственный деятель. В последние десятилетия, уже в наше время, его роль в отечественной истории все больше привлекает внимание исследователей русской культуры. Возникла потребность в разработке полной библиографии его сочинений и литературы о нем. Здесь представлена попытка к разработке такого рода справочного пособия.

24. Дитя, добрым наказанием исправленное; – 25. Дерзкая молодая муха; – 26. Желание, чтоб пришла весна; – 27. Маленькой садовник; – 28. Осел и верблюд; – 29. Картошные домики; – 30. Утренняя молитва; – 31. Разговор между Наташи, матери ея и сопровождаельницы Наташиной; – 32. Аннушка и Петруша; – 33. Розовой куст; – 34. Как нужно быть послушным; – 35. Детские забавы; – 36. Плачевная судьба двух мальчиков; – 37. Настюша и Николаша; – 38. Бабочка; – 39. Опамятование; – 40. Петруша, который спать не мог; – 41. Размышление во время зимней стужи; – 42. Щастливой мужик; – 43. Удался от зла и сотвори благо, хотя бы то было в тайне; – 44. Четыре времени года; – 45. Петрушин ответ; – 46. Раскаяние; – 47. Подарок тетке в день ея именин; – 48. Фиалка и терновый куст; – 49. Резвый мальчик, зрелище для детей; – 50. Девушка, любившая тюльпаны; – 51. Николашина похвала зимним утехам; – 52. Софьюшка и мать ея; – 53. Услуги снискивают любовь; – 54. Шут и извошик; – 55. Весна [«Полно, полно прятать нос...»]; – 56. Молодой бык лгун; – 57. Федюша, которой хочет быть князем; – 58. Худые следствия неопрятности; – 59. Можно исправиться, когда твердо того захочешь; – 60. Колыбельная песенка, которую поет мать, качая маленькую свою дочку; – 61. Надлежит быть довольну всем тем, что уставила природа; – 62. Варинька и Николаша; – 63. Кошка, мышь и мышонок; – 64. Дитя и няня; – 65. О тыкве и жолуде; – 66. Именины; – 67. Воздержание; – 68. Федюша, которой спать не мог; – 69. Щастливо преодоленное на злое дело покушение; – 70. Мать и семь дочерей; – 71. О согласии; – 72. Два мальчика; – 73. Болтушка; – 74. Умирающее двенадцатилетнее дитя; – 75. Преодоленное властолюбие; – 76. Петрушины вечерние мысли; – 77. Разговор у Вариньки с Митюшею; – 78. Алексашина молитва; – 79. Пример великодушного благодетельства; – 80. Летняя поутру песенка; – 81. Если хочешь, чтоб игра тебя веселила, так играй умеренно и старайся быть прилежным; – 82. Гусь и утка; – 83. Чистосердечные дети; – 84. Весенняя песенка; – 85. Великодушное дитя; – 86. Худо быть непослушным; – 87. Слова бедного Николки, когда он слышал о болезни богатого Петруши; – 88. Дамет и Дориса; – 89. Лисица и Лев; – 90. Виттингтон; – 91. Истинный брат; – 92. Разговор в саду; – 93. Весна [«Стал воздух синь и тепл, долина зелена...»]; – 94. Наташа; – 95. Детские разговоры, толкующие о вещах, умствованием

постигаемых, и служащие пищею разуму. Разговор I, о том, что такое тело; – 96. Разговор II, о разности между словами *человек* и *существо*; – 97. Разговор III, о том, что такое *часть*; – 98. Разговор IV, о слове *признак*; – 99. Разговор V, о слове *свойство*; – 100. Разговор VI, о *сходстве* и *несходстве* или о *подобии* и *различии*; – 101. Бедный человек и его сын; – 102. Повесть о двух верных друзьях; – 103. Мать и дочь; – 104. Верная служанка; – 105. Сила детской любви; – 106. Утренняя Николашина песенка; – 107. Маленькой птицелов; – 108. Андрюшина похвала зиме; – 109. Лукаша и мать его; – 110. Конь и слепень; – 111. Любовь у брата с сестрою; – 112. Кровопускание, зрелище для детей; – 113. Собака с куском мяса; – 114. Трое молодых путешественников; – 115. Брат и сестра [*«Сестрица, душинька, посмотри...»*]; – 116. Щастие благодетельства; – 117. Молодой осел; – 118. Федюшино утреннее размышление и молитва; – 119. Великодушие и благодарность; – 120. Осел и лошадь; – 121. Молодой путешественник; – 122. Нетерпеливый мужик; – 123. Власть над самим собою; – 124. У доброго господина и слуги добрые; – 125. Голубь и пчела; – 126. Повесть о трех добрых мужах. 1 Вольтемад, 2 Бутард, 3 безыменной; – 127. Науки; – 128. Невинность; – 129. Бог; – 130. Нечаянное свидание; – 131. Солнце; – 132. Птичка и птицелов; – 133. Шерстобой Андрей; – 134. Гнев; – 135. Утренняя песня; – 136. Самое тяжелое и самое легкое; – 137. Езоп; – 138. Лучший подарок; – 139. Лисица и орел; – 140. К увядшей розе; – 141. Странная благодарность; – 142. Роса на розовом листке; – 143. Деяние справедливости; – 144. Песня юного мореплавателя по утишении бури; – 145. Смешной лов обезьян; – 146. Награжденное сострадание; – 147. Угрь и змея; – 148. Буря).

Ч. 2. 1824. 466 с. (*Содержание*: 1. Рассуждение о старом и новом слоге русского языка. – 2. Прибавление к сему сочинению, или Собрание критик, изданных на сию книгу, с примечаниями на оные: а) Примечания на письмо деревенского жителя в «Северном вестнике»; б) Примечания на критику, изданную в «Московском Меркурии», на книгу «Рассуждение о старом и новом слоге»).

Ч. 3. 1824. 388 с. (*Содержание*: 1. Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки: а) Разговор I. О правописании; б) Разго-

вор II. О русском стихотворении. – 2. Прибавление к Разговорам о словесности, или Возражения против возражений, сделанных на сию книгу. – 3. Перевод двух статей из Лагарпа, с примечаниями переводчика: а) Статья первая. Сравнение французского языка с древними языками; б) Статья вторая. О красноречии).

Ч. 4. 1825. 394 с. (*Содержание*: 1. Речь об искусстве мореплавания, читанная в первое заседание по учреждении Адмиралтейского департамента 1805 года, августа 18 дня. – 2. Рассуждение о красноречии Священного Писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила российского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно, читанное в годичное Императорской Российской академии собрание, бывшее в 3-й день декабря 1810 года. – 3. Речь при открытии Беседы любителей русского слова. – 4. Рассуждение о любви к отечеству, читанное в 1812 году в Беседе любителей русского слова. – 5. Опыт о российских писателях для чтения в Беседе: а) Феофан; б) Кантемир. – 6. Похвальная речь Петру Великому. – 7. Рассмотрение речи синодального члена преосвященного Георгия, архиепископа Могилевского, Мстиславского и Оршанского. – 8. Разговор между двумя приятелями о переводе слов с одного языка на другой. – 9. О сословах. – 10. О звукоподражании. – 11. О переводе классических стихотворцев).

Ч. 5. 1825. 418 с. (*Содержание*: 1. Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского словаря. – 2. Опыт Славенского словаря, или Объяснение силы и знаменования коренных и производных русских слов, по недовольному истолкованию оных мало известных и потому мало употребительных. – 3. Нечто о предлогах. – 4. Общие свойства предлогов. – 5. О силе и значении предлогов. – 6. Опыт рассуждения о первоначалии, единстве и разности языков, основанный на исследовании оных).

Ч. 6. 1826. 340 с. (*Содержание*: 1. Продолжение исследования корней. – 2. О словопроизводстве. – 3. Рукопись Кралодворская. Собрание лирико-эпических народных песнопений. Изд. В. Ганкою).

Ч. 7. 1826. 386 с. (*Содержание*: 1. Слово о походе Игоря, сына Святослава, внука Олегова. – 2. Дафнис. Сочинение Геснера. Перевод с немецкого. – 3. Картина из потопа, или Семира и Семин. – 4. Евандр или Алцимна, пастушья комедия в трех действиях. Сочинение г. Геснера. – 5. Гомеровою Илиады песнь XVI. – 6. Гомеровою Илиады песнь I-я).

Ч. 8. 1826. 290 с. (*Содержание*: Предуведомление. – Освобожденный Иерусалим, Тассова поэма. [Песни I–X]).

Ч. 9. 1827. 388 с. (*Содержание*: [1.] Освобожденный Иерусалим. Песни XI–XX. – [2.] Ломоносов. Чтение в Беседе любителей русского слова. – [2.а.] Присовокупление. – [3.] Нечто о сокращении слов).

Ч. 10. 1827. IV, 344 с. (*Содержание*: 1. Тассовы бдения, перевод с италиянского подлинника. – 2. Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах, о войне его с Гишпаниею и Россиею, о истреблении войск его и о важности нынешней Немецкой войны. Книжка, в утешение и наставление немецкому народу сочиненная. Перевод с немецкого. – 3. Описание резных изображений с медалей, представляющих знаменитейшие воинские действия, происходившие в 1812, 1813 и 1814 гг.).

Ч. 11. 1827. II, 401 с., табл. (*Содержание*: 1. Выписка из книги «Tableau de la Pologne par Malt Brun» о языке литовском, а особливо о наречии самогитском. Перевод с французского. – [1.а.] Речь, произнесенная г-ном президентом Академии Российской в торжественном годичном ея собрании, бывшем февраля 5-го дня 1821 г. – 2. Опыт рассуждения о первоначалии, единстве и разности языков, основанный на исследовании оных. (Продолжение). – 3. Продолжение исследования корней. – 4. Некоторые выписки из сочинений графа Мейстера, с примечаниями на оные. – 5. Замечания на статью, напечатанную в журнале, называющемся «Сын отечества» (часть 58, год 1819), под заглавием: «Мои сомнения при чтении шестой книжки Академических известий». – 6. Рассмотрение книжки, напечатанной в том же «Сыне отечества» (No XVIII, 1820 г.), под заглавием: «Первое письмо о двух прозаических пе-

реводах, г. А.Ш. и С. Москотильникова, героической Тассовой поэмы “Освобожденный Иерусалим”». – 7. Некоторые примечания на книгу, вновь изданную под названием: «Слово о полку Игоря Святославича, вновь переложенное Я.П. с присовокуплением примечаний»).

Ч. 12. 1828. II, IV, 361 с. (*Содержание*: 1. Невольничество. Драма в одном действии. – 2. Филипп, трагедия в пяти действиях, знаменитого Альфьери. – 3. Сравнение Сумарокова с Лафонтеном, в тех притчах, которые они заимствовали у древних и пересказали оные каждым своим образом. – 4. Примечания на примечания на лирическую поэму «Пожарский, Минин, Гермоген», сочиненную кн. С. Шихматовым. – 5. Ответ на письмо господина Луки Говорова, напечатанное в «Вестнике Европы» апреля 1807, No 8, под заглавием «Письмо из города N.N. в столицу». – 6. Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 г. – 7. Переписка. Замечания на 10-ю статью, помещенную в 4-й части (с прибавлениями) «Описания достопримечательных кораблекрушений»).

Ч. 13. 1829. II, 378 с. (*Содержание*: 1. Нечто о единстве происхождения или сходстве языков. – 2. Продолжение рассуждения о предлогах. – 3. Повествование о богемском языке и словесности. Из сочинения Иосифа Шаффарика. Перевод с немецкого. – 4. Краткое начертание о письменах словенских. Статья, взятая из сочинения Павла Соларича. Перевод с итальянского. С примечаниями как самого сочинителя, так и переводчика. – 5. Объяснение первоначального дерева для Словопроизводственного словаря, или Словаря по корням. – 6. О сходстве языка древних народов Малой Азии с языком древних и новых народов фракийских и иллирийских. Сочинение Франциска Марии Апендини. Перевод с итальянского. – 7. Опыт Всеобщего словаря, или Собрание на разных языках, имеющих одинакий корень и одинакое значение, из чего явствуется, что все языки происходят от первобытного языка и не что иное суть, как отдаленные наречия оногo).

Ч. 14. 1831. 332 с. (*Содержание*: 1. Собрания языков и наречий, с примечаниями на оные. – 2. Словопроизводство. – 3. **Собрание разных сочинений и переводов в стихах и прозе, расположен-**

ных по времени, когда оные сочинены или переведены были: Песня. Старое и новое время. (Перевод с французского); – Морская песня (в которой мореплаватель изъясняет любовную страсть свою морским языком); – Ода на покорение Польши; – Ода на победу, одержанную над шведским флотом под Ревелем, мая 2 числа 1790 года; – Стихи для начертания на гробнице Суворова [«Остановись, прохожий!...»]; – Надписи к монументу князя Итальянского графа Суворова-Рымникского: [I. «Для обращения вся Европы взоров...»; II. «Суворов здесь в меди стоит изображен...»]; – Стихи для подписания внизу картинки, известной под названием: «La charité Romaine», которую срисовала гр. Л.И. Куш. с тем намерением, чтоб в Новый год подарить ее отцу своему; – Мадригал. (Перевод с французского) [«Я клялся дорогой своей...»]; – Стишки. (Перевод с французского) [«Ты мне казалась прекрасна...»]; – Из Горация [«Когда бы небо за лукавства...»]; – Стихи на смерть Козловского, изваявшего памятник Суворова; – Стихи к Катерине Ильинишне Голенищевой-Кутузовой на смерть брата ея Гаврилы Ильича Бибикова; – Краткий разговор между двумя приятелями о смерти троих добрых людей, не в старых еще летах один после другого умерших; – Дуэт, который поют жених и невеста; – Стихи, сочиненные при восшествии на престол императора Александра Первого; – Надпись к ветхому Петра Великого ботику, сочиненная в день празднования столетия Петербургу; – Стихи к Петербургу; – Басня. (Подражательный перевод с немецкого) [«Такие ходят вести...»]; – Стишки для списания в альбоум госпожи NN. [«Красно солнышко, по небу...»]; – Стихи на смерть графа Валерияна Александровича Зубова; – Некоторые рассуждения: [О разуме; О почтении; О самолюбии; О власти]; – Двусмыслие, могущее при тех же самых словах происходить от разной расстановки строчных знаков: [Уверение в любви; Уверение в ненависти]; – Две надписи, сочиненные для выбора из них любой, по просьбе В.И.Б., которая нарисовала картину, изображающую двух страстно любящихся, с тем, чтоб подарить ее мужу своему; – К нарисованному в альбоуме цветку; – Нине, просившей меня написать что-нибудь в ея альбоуме [«В альбоумах вздыхать...»]; – Стихи к Н.Н.К., пенявшей мне, что будто я не имею к ней той привязанности, какую имел прежде; – Песня, которую поет нищая сиротинка. (Перевод с французского) [«Я нищая, везде брожу...»]; –

Пословица [«В красавицу влюбиться...»]; – Чудеса, видимые в операх. (Вольной перевод с французского); – Перевод из Метастазиевой оперы [«Без надежды утешаться...»]; – Перевод Петрарковых сонетов [прозою]: [I. «Уединен и задумчив по самым пустейшим полям...»; II. «Иные на свете твари столь острое имеют зрение...»]; – Сонет. (Перевод из Ариоста) [«Благополучная, приятная темница...»]; – Перевод из *Pastor fido* [«Блаженные поля...»]; – Другой перевод из *Pastor fido*, сочинения Гварини. (Действие IV, явление III); – Убиение Полифонта. (Рассказ о смерти его из трагедии «Меропа», сочинение Маффей. Перевод прозою с итальянских вольных стихов); – Сон. Осада крепости. (Перевод с итальянского); – Поцалуй. (Перевод с итальянского) [«Дитя, божок любви...»]; – Отрывок пролога из «Аминты», сельской повести Торквато Тасса. (Вольной перевод с итальянского) [«Кто может угадать...»]; – Басня. Езоп под судом. (Перевод с итальянского); – Часы. (Подражание итаиянским стихам) [«Плутисько Лель мне подарил часы...»]; – Отрывок из Метастазиевой оперы «Аттилий Регул» (*Attilio Regolo*). Действие I, явление VII; – Речь, говоренная государыне императрице Марии Федоровне, по случаю торжественного дня (ноября 18-го 1821 года), в который совершилось двадцатипятилетнее пребывание Общества благородных девиц под начальством и покровительством ея императорского величества; – Молитва девиц [«Внемли, Господь! мольбе прилежной...»]; – Письмо к издателю «Русского вестника»; – Примечания достойное начало проповеди. [Перевод с французского]; – Рассмотрение псалмов, преложенных Ломоносовым: [Псалом I; Псалом XIV; Псалом XXVI]; – Девицы, веселая и умная. (Перевод с итальянских стихов, из сочинений Бонди, [прозою]); – Стихи на смерть государя императора Александра Первого; – Стихи на смерть императрицы Елисаветы Алексеевны; – Стихи на смерть государыни императрицы Марии Феодоровны; – Перевод с приношения, из итальянской книги, поднесенной императрице Екатерине Второй. – [4.] Нечто о сословах. – [5.] Продолжение сравнения славенских слов с словами других языков).

Ч. 15. 1832. 390 с. (Содержание: **Собрания языков и наречий, с примечаниями на оные:** 1) Бог; – 2) Небо; – 3) Отец; – 4) Мать; – 5) Сын; – 6) Дочь; – 7) Брат; – 8) Сестра; – 9) Муж; – 10) Человек; –

11) Жена; – 12) Дева; – 13) Мальчик; – 14) Дитя; – 15) Люди; – 16) Голова; – 17) Лице; – 18) Нос; – 19) Ноздри; – 20) Глаз или око; – 21) Брови; – 22) Ресницы или вежди; – 23) Ухо; – 24) Лоб; – 25) Волос; – 26) Щеки; – 27) Рот; – 28) Горло; – 29) Зуб; – 30) Язык; – 31) Брада; – 32) Шея; – 33) Плечо; – 34) Локоть; – 35) Рука; – 36) Персты; – 37) Ногти; – 38) Брюхо; – 39) Спина; – 40) Нога; – 41) Колено; – 42) Кожа; – 43) Мясо; – 44) Кость; – 45) Кровь; – 46) Сердце; – 47) Молоко; – 48) Слух; – 49) Зрение; – 50) Вкус; – 51) Обоняние; – 52) Осязание; – 53) Голос; – 54) Имя; – 55) Крик; – 56) Шум; – 57) Вопль; – 58) Слово; – 59) Сон; – 60) Любовь; – 61) Болезнь; – 62) Труд; – 63) Работа; – 64) Сила; – 65) Мочь; – 66) Власть; – 67) Брак; – 68) Жизнь; – 69) Рост; – 70) Дух; – 71) Смерть; – 72) Стужа; – 73) Круг; – 74) Шар; – 75) Солнце; – 76) Месяц; – 77) Звезда; – 78) Луч; – 79) Ветр; – 80) Вихрь; – 81) Буря; – 82) Дождь; – 83) Град; – 84) Молния; – 85) Снег; – 86) Лед; – 87) День; – 88) Ночь; – 89) Утро; – 90) Вечер; – 91) Лето; – 92) Весна; – 93) Осень; – 94) Зима; – 95) Год; – 96) Время; – 97) Земля; – 98) Вода; – 99) Море; – 100) Река).

Ч. 16. 1834. VI, 352 с. (*Содержание*: [Посвящение государю императору Николаю Павловичу] – Предупреждение. – 1. Краткие записки, веденные в бывшую с французами в 1812-м и последующих годах войну. – 2. **Продолжение сравнительного словаря с примечаниями на оный**: [101) Волны; – 102) Песок; – 103) Глина; – 104) Пыль; – 105) Грязь; – 106) Гора; – 107) Берег; – 108) Холм; – 109) Долина; – 110) Воздух; 111) Пар; – 112) Огонь; – 113) Жар; – 114) Глубина; – 115) Высота; – 116) Ширина; – 117) Длина; – 118) Дира [дыра]; – 119) Яма; – 120) Ров; – 121) Камень; 122) Золото; – 123) Серебро; – 124) Соль; – 125) Чудо; – 126) Лес; – 127) Трава; – 128) Дерево; – 129) Кол; – 130) Зеленъ]).

Ч. 17. 1839. 328 с. (*Содержание*: – Предупреждение. – 1. О неверующих вольнодумцах. – 2. О книгах, противоборствующих вероисповеданию. – 3. О бессмертии души. – 4. Разговоры старца с юною девицею. – 5. Записки, веденные во время путешеавания из Кронштадта в Константинополь. – 6. О романе «Les Intimes». – 7. Разговор Стафорда, жителя Швейцарии, с живущим у него в гостях Флорианом. – 8. Перевод из французской книги, называ-

емой «La peau de chagrin», сочинения г. Бальзака. – 9. Светляк. – 10. Мнение русского переводчика).

1780

Невольничество. Драма в одном действии. Александра Шишкова. [СПб.: тип. Морск. кадет. корпуса, 1780]. 55 с.
То же в кн.: СС. Ч. 12.

1783–1785

Детская библиотека, изданная на немецком языке г. Кампе, а с одного переведена г.*** [А.С. Шишковым]. Ч. 1–2. СПб.: Имп. Акад. наук, 1783–1785. 93, 116 с.

То же. 2-м тиснением. Ч. 1–2. СПб.: Имп. Акад. наук, 1793. 100, 119 с.; 3-м тиснением. Ч. 1–2. СПб.: Имп. Акад. наук, 1799. 100, 117 с.; 5-м тиснением. Ч. 1–2. СПб.: Имп. Акад. наук, б.г. [не ранее 1804]; 6-м тиснением. Ч. 1–2. СПб.: Имп. Акад. наук, 1817.

То же [«...а с одного переведена А.С. Ш.»]. Ч. 1–2. СПб.: тип. Карла Крайя, 1820; [2-е изд.]. Ч. 1–2. СПб.: тип. Карла Крайя, 1846.

То же, доп. и перераб., см. под загл. «Собрание детских повестей...» (1806–1807).

1784

Старое и новое время: стихотворение // Собеседник любителей русского слова. 1784. Ч. 13. С. 42–43 (две строфы).

То же (полностью, восемь строф) в кн.: Беседующий гражданин. 1789. Ч. 3. № 11. С. 297–301; ДП. 1804. Ч. 4. № 12. С. 226–230 («Песня. Старое и новое время, или Кашель, не дающий оканчивать слов. (Перевод с французского)»); СС. Ч. 14 («Песня. Старое и новое время. Перевод с французского»).

1785

Песня некоторого мореходца, изъясняющего любовь свою теми словами и мыслями, какими по привычке к мореплаванию во-

ображение его наполнено. [СПб.: тип. Морск. кадет. корпуса, 1785]. 3 с.

То же в кн.: Зритель. 1792. Ч. 2. Июль. С. 226–230; ДП. 1805. Ч. 1. № 3. С. 164–171; Памятник отечественных муз. СПб., 1827 («Песня мореплавателя»); СС. Ч. 14 («Морская песня»); РС. 1883. № 10 («Объяснение в любви моряка»); РС. 1890. № 8. С. 445–447.

Дафнис, сочинения г. Геснера. Перевел с немецкого А.Ш. СПб.: тип. Морск. шляхет. кадет. корпуса, 1785. [8], 168 с.

То же в кн.: СС. Ч. 7.

1788

Стихи на взятие Очакова. [СПб.: тип. Морск. шляхет. кадет. корпуса, 1788]. 2 с.

То же в кн.: Новые ежемесячные сочинения. 1789. Ч. 31. Январь. С. 87–89.

1793–1795

Морское искусство, или Главные начала и правила, научающие искусству строения, вооружения, правления и вождения кораблей, сочиненные г. Роммом, корреспондентом Парижской Академии наук и профессором навигации Морского училища. Перевел с французского флота капитан Александр Шишков. Ч. 1–2. [СПб.]: тип. Морск. шляхет. кадет. корпуса, 1793–1795.

Ч. 1. 1793. [16], XXVIII, 543 с.; 7 л. илл. (*Содержание*: Посвящение великой государыне Екатерине Алексеевне, императрице и самодержице всероссийской. – Предисловие от трудившегося в переводе. – Вступление. – О действии воды на плавающие тела. – О качествах, необходимо нужных мореходным судам. – О чертежах кораблей. – О строении кораблей).

Ч. 2. 1795. [4], 355 с. (*Содержание*: О нагрузке и установке трюма в кораблях. – О силах, удобных двигать корабли. – О мачтах, реях и их установке на кораблях. – О парусах и их оснащении. – О искусстве вождения и правления корабля. – О морских эволюциях).

1795

Трехязычный морской словарь на английском, французском и русском языках: В 3 ч. / Собрал и объяснил флота капитан Александр Шишков. 1795. 305 с., разд. паг. (*Содержание*: Ч. 1. Перевод английских морских слов и речей на русский язык; Ч. 2. Перевод французских морских слов и речей на русский язык; Ч. 3. Перевод русских морских слов и речей на английский и французский языки).

То же. [2-е изд.]. СПб.: тип. Морск. шляхет. кадет. корпуса, 1797. VIII, 84, 169, 41 с.

1797

Журнал кампании 1797 г., во время высочайшего присутствия и командования флотом государя императора и самодержца все-русского Павла Петровича, веденный на фрегате «Еммануиле» его императорского величества эскадр-майором и потом генералом-адъютантом Александром Шишковым. СПб.: Имп. тип., 1797. 71 с., 6 л. илл.

1799

Список кораблям и прочим судам всего русского флота от начала заведения оного до нынешних времен с историческими вообще о действии флотов и о каждом судне примечаниями. Собрал из достоверных записок и журналов контр-адмирал Александр Шишков. Ч. 1. Содержащая в себе царствование государя Петра Великого. СПб.: тип. Морск. шляхет. кадет. корпуса, 1799. 323 с.

1800–1801

Собрание морских журналов, или ежедневных записок, содержащих в себе плаванья флотов, эскадр и судов русских, начиная с 1797 г., т.е. со времени вступления на престол императора Павла Петровича, издаваемое по высочайшему повелению, попечением и трудами вице-адмирала, Государственной Адмиралтейской коллегии члена, историографа по флоту и начальствующего в учрежденном при сей коллегии Комитете

Александра Шишкова. Ч. 1–2. СПб.: тип. СПб.: тип. Морск. шляхет. кадет. корпуса, 1800–1801.

Ч. 1. 1800. V, 186 с.

Ч. 2. 1801. 276 с., 1 л. схем.

1800

Предуведомление об учреждении Комитета // Морские записки, или Собрание всякого рода касающихся вообще до мореплавания сочинений и переводов, издаваемых учрежденным при Государственной Адмиралтейской коллегии Комитетом. Ч. 1. СПб.: Имп. тип., 1800.

Мнение о средствах к распространению морских наук в российском флоте // Там же.

1801

Стихи на всерадостное восшествие на престол его императорского величества государя императора Александра Павловича. СПб.: Имп. тип., 1801. 3 с.

То же в кн.: СС. Ч. 14.

1803

Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб.: Имп. тип., 1803. [6], 455 с., илл.

То же. СПб.: Мед. тип., 1813. [6], 436 с., илл.; Изд. 2-е. СПб.: тип. В. Плавильщикова, 1818. [6], 438 с., илл.

То же в кн.: СС. Ч. 2.

1804

Прибавление к сочинению, называемому «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», или Собрание критик, изданных на сию книгу, с примечаниями на оные. СПб.: Морск. тип., 1804. [4], 173 с.

То же в кн.: СС. Ч. 2.

Надпись к изваянному князя Италийского, графа Суворова-Рымнического образу, воздвигнутому в Санкт-Петербурге на Цари-

цынском лугу [«Для обращения вся Европа взоров...»] // ДП. 1804. Ч. 4. № 12. С. 240.

То же в кн.: СС. Ч. 14 («Надписи к монументу князя Итальянского, графа Суворова-Рымнического»: I).

Речь об искусстве мореплавания, сочиненная и читанная вице-адмиралом Шишковым в первое по ученой части заседание Адмиралтейского департамента 1805 г., августа 18 дня. [СПб., 1805]. 24 с.

То же в кн.: Записки Адмиралтейского департамента. 1807. Ч. 1. С. 1–24; СС. Ч. 4.

1805

Примечания на древнее сочинение, называемое «Ироическая песнь о походе на половцов, или Слово о полку Игореве» // СиП. 1805. Ч. 1. С. 23–234.

О звукоподражании // СиП. 1805. Ч. 1. С. 524–525.

То же в кн.: СС. Ч. 4.

Рассмотрение речи архиепископа Георгия (Конисского) «Оставим астрономам доказывать...» // СиП. 1805. Ч. 1.

То же в кн.: СС. Ч. 4 («Рассмотрение речи синодального члена преосвященного Георгия...»); Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1836. Т. 2. № 7. С. 323–328 («Рассмотрение речи, говоренной Георгием, архиепископом Смоленским»).

Разговор между двум приятелями о переводе слов с одного языка на другой... // СиП. 1805. Ч. 1

То же в кн.: СС. Ч. 4.

Стихи на праздники Александра Львовича Нарышкина, которые он по вторникам давал на даче своей в 1803 г. [«Какой волшебный жезл, коснувшись чувств моих...»] // ДП. 1805. Ч. 1. № 1. С. 15–16.

Мадригал. (Перевод с французского) [«Я клялся дорогой своей...»] // ДП. 1805. Ч. 1. № 1. С. 21.

То же в кн.: СС. Ч. 14.

Надгробная надпись князю Италианскому графу Суворову Рымническому [«Остановись, прохожий!...»] // ДП. 1805. Ч. 1. № 2. С. 85–89.

То же в кн.: СС. Ч. 14 («Стихи для начертания на гробнице Суворова»).

Надпись [«Суворова в меди сей вид изображен...»] // ДП. 1805. Ч. 1. № 2. С. 90.

То же в кн.: Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Изд. 2-е. СПб., 1824. Ч. 5 («К монументу князя Суворова»); СС. Ч. 14 («Надписи к монументу князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского»: II).

Купидоново мщение. (Перевод с немецкого) [«Эрот, божок любви...»] // ДП. 1805. Ч. 2. № 4. С. 27.

То же в кн.: Памятник отечественных муз. СПб., 1827 («Поцалуй. (Перевод с итальянского)» [«Дитя, божок любви...»]); СС. Ч. 14.

Стихи для подписания внизу картинки, известной под названием: «La charite romaine», которую срисовала г. Л.И.К. с тем, чтобы в Новый год подарить ее отцу своему, и просила о сделании к ней приличной надписи // ДП. 1805. Ч. 2. № 4. С. 28.

То же в кн.: СС. Ч. 14.

Нечто из празднования столетия Петербурга 1803 года мая 12: [Стихи к ботику; Стихи к Петербургу, в тот же день сочиненные] // ДП. 1805. Ч. 2. № 5. С. 105–107.

То же в кн.: СС. Ч. 14 («Надпись к ветхому Петра Великого ботику, сочиненная в день празднования столетия Петербургу»; «Стихи к Петербургу»).

Стихи к В.И.Б., которая требовала, чтобы автор сделал стихами надпись к ея картине // ДП. 1805. Ч. 4. № 12. С. 239.

То же в кн.: СС. Ч. 14 («Две надписи, сочиненные для выбора из них любой, по просьбе В.И.Б...»).

1806–1807

Собрание детских повестей. А.Ш. Ч. 1–2. СПб.: Морск. тип., 1806–1807. 232, 268 с., илл.

То же. [Ч. 1–2]. СПб.: Морск. тип., 1816. XI, 495 с.; СС. Ч. 1.

[Ранняя ред. под загл. «Детские повести...» (1783–1785)].

1806

О сословах // СиП. 1806. Ч. 2. С. 427–458.

То же в кн.: СС. Ч. 4.

1807

Предупреждение от издателя сей книги // [Волкова А.А.] Стихотворения девицы Волковой. СПб., 1807. С 3–5.

Ответ на письмо господина Луки Говорова, напечатанное в «Вестнике Европы» апреля 1807 года № 8 под заглавием: «Письмо из города N.N. в столицу» // ВЕ. 1807. Ч. 36. № 24. С. 241–267.

То же в кн.: СС. Ч. 13.

1808

Перевод двух статей из Лагарпа, с примечаниями переводчика. СПб.: Морск. тип., 1808. XVIII, 162 с. (Содержание: Статья первая. Сравнение французского языка с древними языками. – Статья вторая. О красноречии).

То же в кн.: Записки Адмиралтейского департамента. 1809. Ч. 2. С. 1–18; СС. Ч. 3.

Тассовы бдения, перевод с итальянского подлинника А.Ш. СПб.: Имп. тип. 1808. [2], XI, [I], 182 с.

То же в кн.: СС. Ч. 10.

Сравнение Сумарокова с Лафонтенем, в тех притчах, которые они заимствовали у древних и пересказали оные каждым своим образом // Драматический вестник. 1808. Ч. 5. С. 81–108. (Содержание: [Вступление]. – [Феб и Борея]. – [Волк и Ягненок]. – [Яицо]. – [Пир у Льва]. – [Заяц]).

То же в кн.: СС. Ч. 12.

Примечания на примечания // Драматический вестник. 1808. Ч. 5. С. 113–138. – [Возражения на статью С.Н. Глинки (Русский вестник. 1808. Ч. 1. № 1. С. 94–111) о поэме С.А. Ширинского-Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген»].

То же в кн.: СС. Ч. 12 («Примечания на примечания на лирическую поэму «Пожарский, Минин, Гермоген», сочиненную кн. С. Шихматовым»).

1810

Предупреждение от вице-адмирала Шишкова // [Давыдов Г.И.] Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб., 1810. Ч. 1. С. I–XLV.

[Стихотворения] // Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским. М., 1810. Ч. 2. С. 218–246. (*Содержание*: Умиряющее дитя. – Фиалка и терновник. – Сладость благотворительности. – Похвала зиме: детская песня).

1811

Разговоры о словесности. Сочинение Александра Шишкова. СПб.: тип. И. Глазунова, 1811. [2], 159 с.

То же в кн.: СС. Ч. 3.

Рассуждение о красноречии Священного писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила русского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно, читанное в годичное Императорской Российской академии собрание, бывшее в 3 день декабря 1810 года. СПб.: Имп. тип., 1811. [2], 113 с.

То же. 2-е изд. СПб.: тип. Академии наук, 1825. 97 с.

То же в кн.: СиП. 1811. Ч. 5; СС. Ч. 4.

Рассуждение о любви к Отечеству. СПб.: Мед. тип., 1811. 54 с.

То же в кн.: ЧБЛРС. 1812. Кн. 5. С. 3–54; СС. Ч. 4.

Предупреждение // ЧБЛРС. 1811. Кн. 1. С. –XIV.

Речь при открытии Беседы [любителей русского слова] // ЧБЛРС. 1811. Кн. 1. С. 1–45.

То же в кн.: СС. Ч. 4.

Сон. Осада крепости. (Подражание итальянскому) // ЧБЛРС. 1811. Кн. 1. С. 85–89.

То же в кн.: СС. Ч. 14.

Разговор о русских песнях: (Выписка из «Разговоров о словесности», соч. А.С. Шишкова) // Русский вестник. 1811. Т. 14. № 5. С. 80–130.

О русских пословицах: (Выписка из «Разговоров о словесности», соч. А.С. Шишкова, с некоторыми прибавлениями) // Русский вестник. 1811. Т. 15. № 7. С. 8–43.

1812

Прибавление к «Разговорам о словесности», или Возражения против возражений, сделанных на сию книгу. СПб.: тип. И. Глазунова, 1812. [2], 73 с.

То же в кн.: СС. Ч. 3.

[Отрывки из сочинений в прозе] // *Греч Н.И.* Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. С прибавлением известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании. СПб., 1812. С. 38–49, 222–224, 315–318. (*Содержание*: Сражение россиян с половцами. – Великодушие и благодарность. – Дамет и Дориса. – Рассмотрение речи, говоренной Георгием, архиепископом смоленским).

1813

Опыт о российских писателях: [Феофан; Кантемир] // ЧБЛРС. 1813. Кн. 8. С. 3–64; Кн. 9. С. 1–55.

То же в кн.: СС. Ч. 4.

Весенняя песнь [«Светлой ризой облеченна...»] // Журнал для детей. 1813. Ч. 2. Кн. 5. С. 127–131.

То же в кн.: СС. Ч. 1 («Весенняя песенка»).

1814

Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах, о войне его с Гишпаниею и Россиею, о истреблении войск его и о важности нынешней Немецкой войны. Книжка, в утешение и наставление немецкому народу сочиненная. Перевел с немецкого языка Александр Шишков. СПб.: тип. В. Плавильщикова, 1814. [4], 117, [1] с.

То же в кн.: СС. Ч. 10.

[Отрывки см.: ЧБЛРС. 1815. Кн. 19. С. 1–52 («Выписки из книги, называемой краткая и справедливая повесть...»)].

1815

Примечания на первую главу Гражданского уложения. [СПб., 1815]. 48 с.

Выписка из Наказа. СПб., 1815. 49 с.

Некоторые примечания на предполагаемое вновь сочинение Российского словаря // ИРА. 1815. Кн. 1. С. 8–35.

То же в кн.: СС. Ч. 5.

Опыт Славенского словаря, или Объяснение силы и знаменования коренных и производных русских слов, по недовольному истолкованию оных мало известных и потому мало употребительных // ИРА. 1815. Кн. 1. С. 37–92.

[«Продолжение...» см. в кн.: ИРА. 1816. Кн. 2. С. 33–87; 1817. Кн. 3. С. 62–88; Кн. 4. С. 66–112; 1819. Кн. 7. С. 51–112].

То же (полностью) в кн.: СС. Ч. 5.

Выписки из разных мест Священного Писания, выбранные А. Шишковым // ЧБЛРС. 1815. Кн. 15. С. 44–58.

Стихи: [Фрагменты]; Проза: [Афоризмы] // Кабинет Аспазии. 1815. Кн. 2. С. 86–101.

1816

Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. Издал А.С. Шишков. СПб.: Морск. тип., 1816. [14], 212 с.

О предлогах: Задание I; Общие свойства предлогов: [Задание II]; О силе и значении предлогов: [Задание III] // ИРА. 1816. Кн. 2. С. 2–29.

То же в кн.: СС. Ч. 5.

Продолжение Опыта Славенского словаря, или Объяснение силы и знаменования коренных и производных русских слов, по недовольному истолкованию оных мало известных и потому мало употребительных // ИРА. 1816. Кн. 2. С. 33–87; 1817. Кн. 3. С. 62–88; Кн. 4. С. 66–112.

[Начало см. в кн.: ИРА. 1815. Кн. 1. С. 37–92].

1817

Продолжение Опыта Славенского словаря, или Объяснение силы и знаменования коренных и производных русских слов, по недовольному истолкованию оных мало известных и потому мало употребительных // ИРА. 1817. Кн. 3. С. 62–88; Кн. 4. С. 66–112.

[Начало см. в кн.: ИРА. 1815. Кн. 1. С. 37–92].

Примечания на «Песнь Сотворившему вся» [С.А. Ширинского-Шихматова] // ИРА. 1817. Кн. 4. С. 35–45.

Предложение в Российскую Императорскую академию от президента и члена оныя вице-адмирала Шишкова [о награждении С.А. Ширинского-Шихматова золотой медалью за «Песнь Сотворившему вся»] // ИРА. 1817. Кн. 4. С. 47–65.

Опыт рассуждения о первоначалии, единстве и разности языков, основанный на исследовании оных: Статья 1; Сравнение украинского наречия с российским, взятым собственно за славенский язык: Статья 2; Рассмотрение корня в произведенных от него ветвях: Статья 3 // ИРА. 1817. Кн. 5. С. 1–154.

[Продолжение см. в кн.: ИРА. 1818. Кн. 6. С. 1–170; 1821. Кн. 9. С. 83–176; 1822. Кн. 10. С. 72–230].

То же (полностью) в кн.: СС. Ч. 5 и 6 («Опыт рассуждения о первоначалии...») и «Продолжение исследования о корнях»).

1818–1819

Освобожденный Иерусалим, поэма Торквата Тасса. Перевод с итальянского подлинника А.Ш. Ч. 1–2. СПб.: тип. Н. Греча, 1818–1819.

То же в кн.: СС. Ч. 8–9.

1818

Собрание резных изображений с медалей, представляющих знаменитейшие воинские действия, происходившие в 1812, 1813 и 1814 гг., изображены графом Ф. Толстым, описаны А.С. Шишковым. СПб.: тип. В. Плавильщикова, 1818. [4], IV, 46 с., 20 л. илл.

То же в кн.: СС. Ч. 10 («Описание резных изображений...»).

Продолжение исследования корней: Корень МАЛ; Корень ПИН // ИРА. 1818. Кн. 6. С. 1–170.

[Начало см. в кн.: ИРА. 1817. Кн. 5. С. 1–170 («Опыт рассуждения о первоначалии...»)].

О словопроизводстве. [Перевод из сочинений аббата Мореллета, члена Французской академии] // ИРА. 1818. Кн. 7. С. 1–50.

То же в кн.: СС. Ч. 6.

Отрывок: Из рассуждения о писателях // Журнал древней и новой словесности. 1818. Ч. 2. № 8. С. 199–208.

1819

Продолжение опыта Славенского словаря, или Объяснение силы и знаменования коренных и производных русских слов, по недовольному истолкованию оных мало известных и потому мало употребительных // ИРА. 1819. Кн. 7. С. 51–112.

[Начало см. в кн.: ИРА. 1815. Кн. 1. С. 37–92].

О чрезвычайном собрании Российской академии, 10-го июля 1818 г. [речь А.С. Шишкова] // ИРА. 1819. Кн. 7. С. 114–116.

О учреждении при Академии Рассматривательного комитета [предложение А.С. Шишкова] // ИРА. 1819. Кн. 7. С. 141–145.

Устав и штат Российской Императорской академии // Журнал законодательства на 1818 г. СПб., 1819. Кн. 2. С. 221–270.

Некоторые замечания на книгу, вновь изданную под названием «Слово о полку Игоря Святославича, вновь переложенное Я.П., с присовокуплением примечаний» // Русский инвалид. 1819. № 157–161.

То же в кн.: СС. Ч. 11.

1820

Рукопись Краловдорская. Собрание лирико-эпических народных песен. Перевод с древне-богемского подлинника, изданного в 1819 году в Праге [В. Ганкою] под названием: *Rucopis Kralodworaku, sebranj Lirico-Epickyeh narodnjch zpewu*. [Перевод, предисл. и примеч. А.С. Шишкова]. СПб.: Имп. Росс. акад., 1820. [2], 169, [3] с.

То же в кн.: ИРА. 1820. Кн. 8. С. 47–215 («*Rucopis Kralodworaku, sebranj lirico-epickyeh narodnjch zpewu. Wydan od Wak-*

lawa [!] Hanky. Wpraze [!], u Bohumila Hase a Joz, Krauze. 1819. То есть: Рукопись Кралодворская. Собрание лирико-эпических народных песенок. Издана Вацлавом Ганкою. В Праге. У Богумила Гаса и Иоз. Крауса 1819»); СС. Ч. 6.

К издателю «Отечественных записок» // ОЗ. 1820. Ч. 4. № 7. С. 67–68.

В Российскую Императорскую академию предложение... об особых мерах для рассмотрения присылаемых ей сочинений // Сын отечества. 1820. № 39. С. 278–280; № 40. С. 317–323.

1821–1822

Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 году. (Отрывок из жизни N...) // ОЗ. 1821. № 12. С. 289–323; 1822. № 1. С. 35–70; № 2. С. 174–208.

То же в кн.: *Дункен А.* Описание примечательных кораблекрушений, в разные времена случившиеся: В 4 ч. СПб., 1822. Ч. 4; СС. Ч. 12.

1821

[Примечания] // *Бросс Ш., де.* Рассуждение о механическом составе языков и физических началах этимологии. Перевод А. Никольского. СПб., 1821.

[Письмо Л.И. Голенищеву-Кутузову о передаче в Российскую академию портрета И.Л. Голенищева-Кутузова, Мая 29-го] // ИРА. 1821. Кн. 9. С. 7–9.

[Предложение об учреждении попечительского комитета, Сентября 18-го 1820 г.] // ИРА. 1821. Кн. 9. С. 15–26.

Речь, произнесенная г-ном президентом Академии Российской [О торжественном годичном собрании Академии Российской, бывшем февраля 5-го дня 1821 года] // ИРА. 1821. Кн. 9. С. 27–37.

То же в кн.: СС. Ч. 11.

Суд Любуши, [сочинение В. Ганки]. С примечаниями, переводом и введением «О некоторой другой рукописи» А. Шишкова // ИРА. 1821. Кн. 9. С. 47–63.

Продолжение исследования корней // ИРА. 1821. Кн. 9. С. 83–176.

[Начало см. в кн.: ИРА. 1817. Кн. 5. С. 1–170 («Опыт рассуждения о первоначалии...»)].

1822

Деревья слов, или Корни языка с извлеченными из них коленами и ветвями. СПб.: тип. Имп. Росс. акад., 1822. 22 с.

Июля 9 и 16-го // ИРА. 1822. Кн. 10. С. 6–17 (*Содержание*: Письмо к графу Ливену [2 сент. 1821 г.]. – Письмо от Российской Императорской академии в Лондонское ученое общество, называемое Royal Society [1 сент. 1821 г.]. – Письмо от Российской Императорской академии в Эдинбургский университет [2 сент. 1821 г.]. – Письмо к г. Смирнову, священнику при посольстве нашем в Лондоне. – [Сопроводительное письмо к «Известиям Российской академии», посланным в Королевскую академию словесности, 6 августа 1821 г., на франц. яз.]. – [О записках Екатерины II, переданных Российской академии И.А. Каподистрием]).

То же в кн.: Записки. Т. 2 (письма графу Ливену, в Лондонское ученое общество, в Эдинбургский университет, Я.И. Смирнову).

[Письма о кончине И.А. Дмитриевского и о назначении бенефиса для сооружения ему памятника – в Театральную дирекцию А.А. Майкову и Петербургскому военному губернатору М.А. Милорадовичу] // ИРА. 1822. Кн. 10. С. 21–28 (двусторонняя переписка).

То же в кн.: Записки. Т. 2.

[Письмо Д.П. Татищеву по поводу ветхости памятника над гробом Ломоносова] // ИРА. 1822. Кн. 10. С. 28–38 (двусторонняя переписка).

То же в кн.: Записки. Т. 2.

[Предложение о необходимости издания некоторых сочинений 21-го января 1822 г.] // ИРА. 1822. Кн. 10. С. 38–51.

Выписка из книги «Tableau de la Pologne par Malt Brun [К. Мальт-Брена]» о языке литовском, а особливо о наречии самогитском: (Перевод с французского) // ИРА. 1822. Кн. 10. С. 52–72.

То же в кн.: СС. Ч. 11.

Опыт рассуждения о первоначалии, единстве и разности языков, основанный на исследовании оных // ИРА. 1822. Кн. 10. С. 72–230, табл.

[Начало см. в кн.: ИРА. 1817. Кн. 5. С. 1–170 («Опыт рассуждения о первоначалии...»)].

Надписи: 1. К статуе князя Якова Федоровича Долгорукого. 2. К монументу князя Суворова // Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. 1822. Ч. 5. С. 144.

1823

Некоторые выписки из сочинений графа Меистера [Ж. де Местра], с примечаниями на оные: [Из «Les soires de Saint-Petersbourg» (Paris, 1821)] // ИРА. 1823. Кн. 11. С. 46–76.

То же в кн.: СС. Ч. 11.

Замечания на статью, напечатанную в журнале, называющемся «Сын отечества» (часть 58, год 1819), под заглавием: «Мои сомнения при чтении шестой книжки Академических известий» // ИРА. 1823. Кн. 11. С. 77–121.

То же в кн.: СС. Ч. 12.

Рассмотрение критики, напечатанной в том же «Сыне отечества» (№ XVIII, 1820 года), под заглавием: «Первое письмо к приятелю о двух прозаических переводах, г. А.Ш. и С. Москотильникова, героической Тассовой поэмы «Освобожденный Иерусалим»» // ИРА. 1823. Кн. 11. С. 122–183.

То же в кн.: СС. Ч. 12.

Замечания на 10-ю статью, помещенную в 4-й части (с прибавлениями) «Описания достопримечательных кораблекрушений» // ОЗ. 1823. № 3. С. 414–444.

То же в кн.: СС. Ч. 12.

Благородный вызов героя // ОЗ. 1823. № 4. С. 136–138.

1824–1825

Действия российского корабельного флота во время трех военных кампаний против шведского. С предуведомлением издателя А. Шишкова // ОЗ. 1824. Ч. 17. С. 149–184, 334–386; Ч. 18. С. 87–126, 206–248, 432–456; Ч. 19. С. 175–199; 1825. Ч. 21. С. 49–70; Ч. 22. С. 25–45; Ч. 24. С. 419–441.

То же (отд. изд.): Военные действия российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах, почерпнутые из дневных записок и донесений главноначальствовавшего над оным адмирала Чичагова. Издал с примечаниями своими А.Ш. СПб.: тип. Имп. Росс. акад., 1826. [2], 291 с., 3 л. карт.

1825

Речь, им же, г. министром произнесенная во время заседания Главного правления училищ, 11 сентября 1824 г.; Предложения г. министра народного просвещения от 11 декабря 1824 г., о назначении двух новых комитетов и проч. // Записки, издаваемые Отдельным Департаментом народного просвещения. СПб., 1825. Кн. 1. С. 47–62.

То же (отд. изд.): Речи, произнесенные г. министром народного просвещения, в заседаниях Главного правления училищ, 11 сентября и 11 декабря 1824 года. [Б.м., б.г.]. 8 с.

1826

Письмо А. Шишкова, министра народного просвещения, к Ф. Слепушкину и ответ последнего по поводу получения им медали за свои стихотворения // Северная пчела. 1826. № 20 (16 февраля).

То же в кн.: ОЗ. Ч. 25. № 70. С. 334–335.

1827

Объявление о выходе в свет собрания сочинений и переводов А.С. Шишкова // Московский телеграф. 1827. № 7. С. 237–240.

1828

Нечто о Екатерине II // Санктпетербургский зритель. 1828. Ч. 1. Кн. 1. С. 172–173.

Опыт словаря по корням, иначе называемом словопроизводным // ИРА. 1828. Кн. 12. С. 66–178.

1829

Краткое начертание о письменах словенских. Перевод с итальянского из сочинения Павла Соларича, с примечаниями как само-

го сочинителя, так и переводчика А.Ш. // Повременное издание ИРА. 1829. Ч. 1. С. 1–28.

То же в кн.: СС. Ч. 13.

О сходстве языка древних народов Малой Азии с языком древних и новых народов фракийских и иллирийских. Сочинение Франциска Марии Апендини. Перевод с италиянского // Повременное издание ИРА. 1829. Ч. 1.

То же в кн.: СС. Ч. 13.

1830

Руководство к сочинению Словопроизводного словаря. Составлено из статей, напечатанных в 1 и 2-й книгах «Известий Академии Российской», с некоторыми к тому прибавлениями. СПб., [1830]. 88 с.

Опыт рассуждения о предлогах // Повременное издание ИРА. 1830. Ч. 2. С. 1–36.

То же в кн.: СС. Ч. 13 («Продолжение рассуждения о предлогах»).

Собрания языков и наречий, с примечаниями на оные // Повременное издание ИРА. 1830. Ч. 2. С. 37–92.

[Продолжение см.: Там же. 1831. Ч. 3. С. 1–31; 1832. Ч. 4. С. 1–65].

То же (полностью) в кн.: СС. Ч. 15.

Приношения адмирала А.С. Шишкова // Записки Ученого комитета Морского штаба. СПб., 1830. Ч. 6. С. 168–173.

1831

Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб.: тип. Имп. Росс. акад., 1831. [10], 301 с.

То же. 2-е изд. СПб.: тип. Имп. Росс. акад., 1832. [10], 301 с., 1 л. портр.

То же в кн.: СС. Ч. 16.

Собрания языков и наречий, с примечаниями на оные // Повременное издание ИРА. 1831. Ч. 3. С. 1–31.

[Начало см.: Там же. 1830. Ч. 2. С. 37–92].

Ответное письмо г-на сочинителя к издателю сего журнала // Повременное издание ИРА. СПб., 1831. Ч. 3. С. 120–132 [Ответ на рецензию в «Московском телеграфе»].

[Письмо П.А. Ширинскому-Шихматову. 27 декабря 1831 г.] // Северная пчела. 1831. № 124 (5 июня). С. 2.

1832–1840

Морской словарь, содержащий объяснение всех названий, употребляемых в морском искусстве. Сочинение адмирала А.С. Шишкова. Доп. и изд. Ученым комитетом Главного морского штаба его императорского величества / [Предисл. председателя комитета Голенищева-Кутузова]. Ч. 1–3. СПб.: тип. Имп. Росс. акад., 1832–1840.

[Ч. 1]. Словарь по кораблестроению. 1832. XVI, 182 с., 21 л. чертежей, 1 л. портр.

[Ч. 2]. Словарь по наукам до мореплавания относящимся. 1835. IV, 463 с., 23 л. чертежей.

[Ч. 3]. Словарь по артиллерии. 1840. 281 с.

1832

Собрания языков и наречий, с примечаниями на оные // Повременное издание ИРА. 1832. Ч. 4. С. 1–65.

[Начало см.: Там же. 1830. Ч. 2. С. 37–92].

Асанова супруга. Песня, переведенная с морлахского языка на французский, а с французского на русский прозою // Повременное издание ИРА. 1832. Ч. 4.

То же в кн.: Северная Минерва. 1832. Ч. 2. № 10. Май. С. 241–250.

1833

Опыт словопроизводственного словаря, содержащий в себе дерево, стоящее на корне МР. С означением 24 колен и 920 ветвей. Соч. А.Ш. СПб.: тип. Имп. Росс. акад., 1833. [4], 16, 143 с.

1834

Записки адмирала А.С. Шишкова, веденные им во время путешествия из Кронштадта в Константинополь. СПб.: тип. Имп. Росс. акад., 1834. [2], 117 с.

То же в кн.: СС. Ч. 17.

Предупреждение // Краткие записки РА. 1834. Кн. 1. С. I–IV.

Два письма о романтической словесности. (Перевод с французского языка) // Краткие записки РА. 1834. Кн. 1. С. 1–56.

Вечеринка романтиков. – Возложение венца на Ронсаров бюст. [Перевел с французского А.Ш.] // Краткие записки РА. 1834. Кн. 1. С. 57–90.

Достопамятные сказания об императрице Екатерине Великой // Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. № 3. С. 25–32 (Отд. 1: Проза).

Письмо А.С. Шишкова императору Николаю I от 9 марта 1834 г. // Северная пчела. 1834. № 64 (21 марта). С. 1 (двусторонняя переписка).

То же в кн.: Московские ведомости. 1834. № 26.

1835

Разговоры старца с юною девицею. СПб.: тип. Имп. Росс. акад., 1835. [4], 112 с.

То же в кн.: СС. Ч. 17.

О разности между Академиком и Писателем // Краткие записки РА. 1835. Кн. 2. С. 1–11.

Нечто о пересуде или разборе сочинений, называемом критикою // Краткие записки РА. 1835. Кн. 2. С. 12–19.

Разговоры между стариком и юношею о русском языке, красноречии, стихотворстве и вообще о словесности // Краткие записки РА. 1835. Кн. 2. С. 20–57. (*Содержание*: Разговор первый. О буквах. – Разговор второй. О примечаемом во всех языках единстве или сходстве между собою. – Разговор третий).

Прибавление к рассуждению о предложениях // Краткие записки РА. 1835. Кн. 2. С. 58–69.

Нечто о правописании // Краткие записки РА. 1835. Кн. 2. С. 70–96.

Предупреждение // Краткие записки РА. 1835. Кн. 3. С. I–VII.

Перевод из «Bibliothèque universelle des sciences, belles-lettres et arts, rédigée à Geneve, 1834». Tom LV, page 84, статьи под заглавием «Réaction antiromantique», т.е. Противоположность романтизму // Краткие записки РА. 1835. Кн. 3. С. 1–30.

Перевод двух поименованных в предуведомлении речей. I. О неверующих вольнодумцах. [II]. О книгах, противоборствующих вероисповеданию // Краткие записки РА. 1835. Кн. 3. С. 31–110.
То же в кн.: СС. Ч. 17.

1836

Нечто о Карамзине // Заседание, бывшее в Императорской Российской Академии 18 января 1836 года. СПб., 1836. С. 41–44.

То же в кн.: Труды Императорской Российской академии. 1840. Ч. 3. С. 86–89; Карамзин: pro et contra. СПб., 2006.

[Письмо Д.Н. Блудову. 12 января 1838] // [Онисимова Л.А.] Стихи бедной девицы, слепой дочери деревенского пономаря, сообщенные в Российскую академию и от ней изданные. СПб., 1838. С. 3–4.

1841

Двенадцать собственноручных писем адмирала Александра Семеновича Шишкова, скончавшегося 9-го, а погребенного 15-го прошедшего апреля в кладбищенской церкви Воскресения св. Лазаря, при Александро-Невской лавре. СПб.: тип. Мин-ва внутр. дел, 1841, 86 с. [Письма к Я.И. Бардовскому. 1810–1817].

То же в кн.: Записки. Т. 2. С. 309–330.

Воспоминания о моем приятеле (Сергее Лаврентьевиче Львове) // Сто русских литераторов. СПб., 1841. Т. 2. С. 3–12.

1842

Пояснение на 7-й стих в 9-й строфе гимна «Бог» и письмо А.С. Шишкова // Маяк. 1842. Кн. 5. Отд. «Смесь». С. 10–12.

1846

Анекдоты о Екатерине Великой // Новоселье. СПб., 1845. Кн. 1. С. 342–350; Кн. 2. С. 177–184.

1847

Письма А.С. Шишкова к А.Д. Балашову // Русский инвалид. 1847. № 246. С. 981–983.

1858

Мнение вице-адмирала Шишкова о представленном в Комитете гг. министров проекте и уставе, при коем испрашивается утверждение общества под названием «Соревнователей просвещения и благотворения» // ЧОИДР. 1858. Кн. 2. Отд. 5. С. 180–182.

То же в кн.: Записки. Т. 2.

Мнение вице-адмирала А.С. Шишкова о мельнице, понадобившейся в казну, и за которую владелец просит дорогого [1821] // ЧОИДР. 1858. Кн. 4. Отд. 5. С. 133–136.

То же в кн.: Записки. Т. 2.

1860

Мнение вице-адмирала А.С. Шишкова по делу о князе А.И. Горчакове // ЧОИДР. 1860. Кн. 3. Отд. 5. С. 169–184.

То же (отд. оттиск): По делу о князе А.И. Горчакове.

I. Мнение адмирала Мордвинова. II. Мнение вице-адмирала А.С. Шишкова. [М., 1860]. 16 с.

То же в кн.: Записки. Т. 2.

1863

Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова. [СПб.: изд. «Журнала Министерства народного просвещения», 1863]. 150 с.

1865

Мнения адмирала и президента Российской академии (впоследствии министра народного просвещения) А.С. Шишкова о рассмотрении книг, или о цензуре (1815). При голосе по делу о проф. Германе, Раупахе, К. Арсеньеве и Галиче // РА. 1865. № 10–11. Стлб. 1339–1358.

То же в кн.: Записки. Т. 2.

[Письмо А.С. Шишкова к А.А. Аракчееву. 15 декабря 1824 г.] // Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании Лазаревского института восточных языков по случаю совершившегося 50-летия. М., 1865. С. 9. (Отд. 2).

То же в кн.: Записки. Т. 2.

1866

Мнение А.С. Шишкова об уголовной статистике // Журнал Министерства юстиции. 1866. Т. 30. № 12. С. 664–665.

[Письмо А.С. Шишкова И.И. Дмитриеву. 20 января 1823 г.] // *Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 119.

То же в кн.: Записки. Т. 2.

1868

Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова с мая 1824 г. по декабрь 1826 г. / [Предисл. О. Бодянского] // ЧОИДР. 1868. Кн. 3. Отд. 3. С. 1–142.

То же (отд. оттиск). М., 1868. 142 с.

Записка о крамолах врагов России / С предисл. свящ. М. Морошкина // РА. 1868. № 9. Стлб. 1329–1391.

1869

Письмо А.С. Шишкова Николаю I. 14 ноября 1827 г. // ЖМНП. 1869. Ч. 143. № 6. С. 284–285. (Отд. 1).

1870

Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова / Издание Н. Киселева и Ю. Самарина. Т. 1–2. Берлин; Прага, 1870.

Т. 1. 480 с. (*Содержание: I. Записки (1780–1814). – II. Письма к жене (1813–1814):* [Д.А. Шишковой, 41 письмо] – *III. Приложения:* [Манифесты и рескрипты 1812–1816]).

Т. 2. 468 с. (*Содержание: IV. Домашние записки (1808–1820):* [Завещание; – Быль, достойная некоторого любопытства (Об «Опыте Славянского словаря»); – Мнение о рассматривании книг или цензуре; – Примечания на первую главу Проекта гражданского уложения; – Некоторые происшествия и объяс-

нения по делу князя Горчакова; – Мнение по делу о наследстве тайного советника Рылеева; – Российская академия; – Дело, достойное примечания (О продаже крепостных); – Два мнения по делу о мельнице, понадобившейся в казну; – Мнение по делу о петербургских профессорах; – Примечания на главу шестую Проекта гражданского уложения; – Мнение по делу о крестьянах княгини Трубецкой; – Мнение о проекте и уставе Общества соревнователей просвещения и благотворения]. – **V. Записки (1824–1826).** – **VI. Статьи:** [О Библейских обществах; – Нечто о российской императрице Екатерине II; – Отрывок из статьи «О Библейских обществах»]. – **VII. Письма:** [Александру I (9). 1812–1825; – Анне Павловне, вел. кн. Б.д.; – А.А. Аракчееву (9). 1817–1825 (двусторонняя переписка); – Я.И. Бардовскому (12). 1810–1817; – И.В. Васильчикову. 17 янв. 1819; – Варлааму митрополиту. 15 сент. 1821; – А.А. Волковой. Б.д. (двусторонняя переписка); – В.А. Волковой. 8 июня 1827; – В. Ганке. 28 апр. 1823 (двусторонняя переписка); – Ф.Н. Глинке. 13 янв. 1822; – А.Н. Голицыну. Авг. 1821; – Ю.А. Головкину. 18 марта 1820; – В.М. Головнину (2). 29 янв. – 2 февр. 1823 (двусторонняя переписка); – И.С. Горголи. 22 авг. 1840 (двусторонняя переписка); – Г.Н. Городчанинову. 26 авг. 1838; – Н.И. Гречу. 11 янв. 1820; – И.И. Дмитриеву (4). 1819–1821 (двусторонняя переписка); – И. Добровскому (3). 1819–1821 (двусторонняя переписка); – Евгению (Болховитинову), митрополиту киевскому. 16 дек. 1824; – А.П. Ермолову. Б.д.; – К.Ф. Калайдовичу. 9 янв. 1822 (двусторонняя переписка); – В.С. Караджичу. 5 мая 1823 (двусторонняя переписка); – Кенгелацу, архимандриту. Б.д.; – А.М. Клонгевичу Б.д.; – О.П. Козодавлеву. 17 окт. 1818 (двусторонняя переписка); – А.И. Красовскому. 22 авг. 1840 (двусторонняя переписка); – Х.А. Ливену. 2 сент. 1821; – С.Б. Линде (3). 1818–1821 (двусторонняя переписка); – Лондонскому ученому обществу (Riyale society). 1 сент. 1821; – С.Л. Львову. Б.д.; – А.А. Майкову. 5 дек. 1821; – Марии Павловне, вел. кн. Б.д.; – Марии Федоровне, имп. 23 июня 1821 (двусторонняя переписка); – Л. Милетичу. 5 мая 1823 (двусторонняя переписка); – М.А. Милорадовичу. 5 дек. 1821 (двусторонняя переписка); – Ф.Б. фон Моллеру. 10 авг. 1819; – П.Н. Мысловскому. 22 авг. 1840 (двусторонняя переписка); –

Николаю I (2). 15 янв. – 12 дек. 1826; – В.И. Панаеву. 22 авг. 1840 (двусторонняя переписка); – Я.Ф. Потоцкому. 18 нояб. 1821; – С.Е. Раичу. 23 дек. 1821 (двусторонняя переписка); – И.Б. Раковецкому (2). 1820–1822; – А.И. Рибопьеру. 22 авг. 1840 (двусторонняя переписка); – Российской академии. [1808]; – Серафиму, митрополиту новгородскому и санктпетербургскому (2). 10 авг. – 21 нояб. 1824; – К.С. Сербииновичу. 22 авг. 1840 (двусторонняя переписка); – Я.И. Смирнову. 2 сент. 1821; – А.С. Танееву. 22 авг. 1840 (двусторонняя переписка); – Д.П. Татищеву. 17 янв. 1822; – П.А. Ширинскому-Шихматову. 22 авг. 1840; – А.А. Шишкову. Б.д.; – в Эдинбургский университет. 2 сент. 1821; – Е.Г. Эрстрому. 15 июня 1820 (двусторонняя переписка)]. – **VIII. Указатель**.

Необнародованный манифест о войне России с Францией 1812 г. // РС. 1870. № 1. С. 49–57.

Высочайшие рескрипты и прочие бумаги из архива А.С. Шишкова. 1813 г. // РС. 1870. № 1. С. 57–62.

Бумаги из архива А.С. Шишкова, 1816–1824 гг.: [Письмо императрице Марии Федоровне, 25 мая 1816; Проект манифеста о бракосочетании великого князя Николая Павловича, составленный А.С. Шишковым, с поправками Александра Павловича, 1817 г.; Докладная записка императору Александру I, 1824] // РС. 1870. № 2. С. 145–147.

Мнение А.С. Шишкова об «Обществе соребнователей просвещения и благотворения» / Сообщ. Н.И. Курисом // РА. 1870. № 10. С. 283–286.

1871

О статье в «Сыне Отечества», в которой заключается обидная для Академии наук речь по поводу изданной от нея грамматики: Письмо А.С. Шишкова. 1819 г. // Беседы в Обществе любителей российской словесности. 1871. Вып. 3. С. 27.

[Письмо И.М. Снегиреву. 21 янв. 1825] // Иван Михайлович Снегирев и дневник его воспоминаний с 1821 по 1865 гг. СПб., 1871. С. 108–109.

1873

Пожарский: стихотворение // Сборник снимков с автографов русских деятелей: 1801–1825 гг.: (Письма, стихотворения, заметки и подписи). СПб., 1873. С. 16 (№ 49), 69 (Приложение).
[Письмо А.Х. Востокову. 5 июня 1820 г.] // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1873. Т. 5. Вып. 2. С. XXXI–XXXVII.

1875

А.С. Шишков в 1824–1828 гг.: [бумаги из его архива] // РС. 1875. № 7.

1876

Разговор А.С. Шишкова с князем Кутузовым о походе 1813 года // РА. 1876. Ч. 3. № 12. С. 498–499.

1883

Письма А.С. Шишкова к графу А.А. Аракчееву от 8 февр. 1817 и 10 окт. 1825 // *Дубровин Н.Ф.* Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. СПб., 1883. С. 190–192, 460. (То же. 2-е изд. М., 2006. С. 181–183, 444).

1885

[Письма: В. Ганке. 27 дек. 1837; Российской академии (4). 1808–1834; П.И. Соколову (2). 11 мая 1805 – 30 мая 1813 // *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. Т. 7. СПб., 1885. С. 190–191, 196–199, 220, 233–234, 554–556, 558–559.

1887

Анекдоты о Екатерине Великой, записанные А.С. Шишковым // РА. 1887. № 8.

1889

[Письма: Х.А. Ливену. 5 сент. 1824; М.П. Погодину. 1828 (отрывок)] // *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 2. СПб., 1889. С. 220, 233.

1892

Письмо А.С. Шишкова Академии наук. Декабрь 1834 г. // РС. 1892. № 4. С. 110.

Письмо А.С. Шишкова А.П. Оболенскому. 26 февраля 1826 г. // РС. 1892. № 8. С. 540.

1894

Письмо А. Шишкова Александру I // РС. 1894. № 10. С. 221–230.

1896

[Письма: Александру I. 9 авг. 1824; А.А. Перовскому. Июль 1825; И.С. Рижскому. 28 янв. 1811; Е.И. Станевичу (2). 23 марта 1809–1811 // *Лащенков Н.Н., протоирей.* Евстафий Иванович Станевич. Харьков, 1896. С. 7–9, 11–12, 27, 30–31.

Письма А.С. Шишкова к Д.И. Хвостову. 1805–1825: [5 писем] // РС. 1896. № 4. С. 33–38.

А.С. Шишков и две всеподданнейшие его записки. По воспоминаниям К.С. Сербиновича // РС. 1896. № 9. С. 573–589.

1897

Русский путешественник прошлого века за границу: (Собственноручные письма А.С. Шишкова 1776 и 1777 гг.): [27 писем] // РС. 1897. № 5. С. 409–423; № 6. С. 619–632; № 7. С. 197–224.

Письмо А.С. Шишкова А.В. Казадаеву. 30 октября 1828 года / Примеч. С.П. Зыкова // РС. 1897. № 11. С. 380–381.

1898

[Письмо Н.И. Гнедичу] // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1895 год. СПб., 1898. С. 45–46. (Приложение).

1899

[Письмо М.М. Сперанскому. 26 янв. 1828 (отрывок)] // Русский вестник. 1899. № 8. С. 614.

1900

Собственноручное письмо А.С. Шишкова митрополиту Серафиму о молитвах, переложенных на простонародное наречие // РС. 1900. № 12. С. 610.

Письмо А.С. Шишкова к Ф.Л. Войтеховичу-Челаковскому. 22 июля 1827 г. / Комментар. В. Францева // Русский филологический вестник. 1900. № 1–2. Отд. 1. С. 24–27.

1901

Письмо А.С. Шишкова к А.Н. Голицыну. 28 августа 1823 г. // РС. 1901. № 8. С. 361.

1903

Письма А.С. Шишкова к С.Н. и П.Н. Шишковым. [Б.д.] // Щукинский сборник. Вып. 2. М., 1903. С. 372–374.

1904

[Письмо А.А. Перовскому. 1825] // *Багaley Д.И.* Опыт истории Харьковского университета: (по неизданным материалам). Харьков, 1904. Т. 2. С. 172–175.

Мнение А.С. Шишкова о цензуре и книгопечатании в России 1826 г. // РС. 1904. С. 202–212.

1905

[Письма: В. Ганке (5). 1820–1838; П.И. Шафарику. 27 дек. 1838 // Письма Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905. С. 1027, 1192–1208.

1906

[Письма: С.Б. Линде, 29 дек. 1818; Тверскому гражданскому губернатору, 13 июля 1825 (двусторонняя переписка)] // *Францев В.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX столетия. Прага, 1906. С. XXXVIII–XXXIX, CLIX. (Приложение).

1907

Душа, сердце и разум Екатерины Великой, императрицы всероссийской, или Достопамятные о ней сказания, собранные А.С. Шишковым // РА. 1907. № 2. С. 191–217.
О Екатерининской книге в народных училищах // РА. 1907. № 2. С. 303–304.

1908

[Письмо Мронговиусу. 1825 (отрывок, на нем. яз.)] // Русский филологический вестник. 1908. № 4. Отд. 1. С. 445.

1946

Письмо А.С. Шишкова В.С. Караджичу. 3 ноября 1824 г. / Комментар. А.С. Бобовича // Научный бюллетень Ленинградского университета. 1946. № 11–12. С. 7–12.

1951

[Письма: А.Х. Бенкендорфу. 12 авг. 1826; А.П. Ермолову (2). Апр. 1818–1820 (двусторонняя переписка); А.А. Шишкову (2). 1820 () – 26 нояб. 1828 // *Шадури В.* Друг Пушкина А.А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951. С. 327–330, 331–336, 341–342, 363–365.

1984

Прогулка: Стихи к А.С. Хвостову («Реши, Хвостов, задачу...») // *Альтшуллер М.Г.* Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ardis, Ann Arbor, 1984. С. 22–23.

То же в кн.: *Альтишуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М., 2007. С. 13–15.

1994–1996

Письма А.С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.) / Публ. Л. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Новая серия. Тарту, 1994. Т. 1. С. 215–241; Т. 2. 1996. С. 258–297.

2007

Беседа мудрого старца с девицей юной о чувствах и словах. Собрание рассказов в стихах и прозе. СПб., 2007. 128 с.

2008

Служба отечеству. Записки (1780–1814) / [Послесл. А.Н. Стрижева]. М., 2008. 430 с.

II. Литература о А.С. Шишкове

1803

Макаров П.И. Критика на книгу под названием «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», напечатанную в Петербурге 1803 г. в 8 долю листа // Московский Меркурий. 1803. Ч. 4. № 12. С. 155–198.

1804

[*Мартынов И.И.*]. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» // Северный вестник. 1804. №1.

1807

[*Каченовский М.Т.*]. *Лука Говоров.* Письмо из города N.N. в столицу // ВЕ. 1807. № 8. С. 286–306.

1808

Станевич Е.С. Рассуждение о русском языке. Ч. 2. СПб., 1808. С. 40–47.

1810

Дашков Д.В. Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика // Цветник. 1810. № 11. С. 256–303; № 12. С. 404–467.

1811

Дашков Д.В. О легчайшем способе возражать на критики. СПб.: тип. Шнора, 1811. 76 с.
[Каченовский М.Т.]. «Разговоры о словесности» // ВЕ. 1811. Ч. 57. № 12. С. 285–305; № 13. С. 34–57.

1812

Греч Н.И. Шишков Александр Семенович // Греч Н.И. Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. С прибавлением известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании. СПб., 1812. С. 459–460.

1818

«Освобожденный Иерусалим, поэма Торквата Тасса. Перевел с италиянского подлинника А.Ш. Ч. 1. СПб., 1818» // Сын Отечества. 1818. № 94. С. 84–85.

1819

Пожарский Я.О. Ответ на некоторые примечания, напечатанные в «Русском инвалиде», на книгу под названием «Слово о полку Игоря Святославича, вновь переложенное Яковом Пожарским с присовокуплением примечаний» // Сын Отечества. 1819. Ч. 55. С. 266–274, 323–327; Ч. 56. С. 34–42, 81–86.
[Олин В.Н.]. Рассуждения о переводе г. Пожарского «Слово о полку Игореве» и примечаниях, сделанных им на оное // Журнал

древней и новой словесности. 1819. Ч. 6. № 9. С. 34–40; № 10. С. 79–92; № 11. С. 112–128.

1820

Олин В.Н. Первое письмо к приятелю о двух прозаических переводах гг. А.Ш. и С. Москотильникова героической Тассовой поэмы «Освобожденный Иерусалим» // Сын Отечества. 1820. Ч. 61. № 18. С. 233–253.

1825

Дерпт, 4 июня. Прибытие министра народного просвещения адмирала А.С. Шишкова // Северная пчела. 1825. № 76.

1831

«Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., 1831» // Московский телеграф. 1831. № 17. С. 87–91.

«Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., 1831» // Санкт-петербургские ведомости. 1831. № 256.

Петербург, 4 июня // Московские ведомости. 1831. № 48.

1841

[*Белинский В.Г.*]. «Сто русских литераторов» // ОЗ. 1841. Т. 17. № 7.

[*Белинский В.Г.*]. «Двенадцать собственноручных писем адмирала Шишкова. СПб, 1841» // ОЗ. 1841. Т. 18. № 9.

1842

Адмирал А.С. Шишков [некролог] // Записки Ученого комитета Морского министерства. 1842. Ч. 16. С. 424–434.

1851

- Стурдза А.С.* Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I: И мои воспоминания // Москвитянин. 1851. № 21. Кн. 1. Отд. 1. С. 3–22.
- Сухонин П.Л.* Александр Семенович Шишков в его литературной деятельности // ЖМНП. 1851. Ч. 69. Отд. 5. С. 1–44; Ч. 70. Отд. 5. С. 27–44.

1854

- Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1854.

1856

- Аксаков С.Т.* Воспоминание об А.С. Шишкове // Аксаков С.Т. Семейная хроника и переписка. М., 1856. С. 457–516.
- Лонгинов М.Н.* Беседа любителей русского слова // Современник. 1856. Т. 57. № 5. Отд. 5. С. 6–18.
- Хомяков А.С.* Разговор в Подмосковной // Русская беседа. 1856. № 2. Отд. 5 («Смесь»). С. 107–138.

1857

- Воспоминание об А.С. Шишкове // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1857. № 497–498.
- Лонгинов М.Н.* Карамзинисты и славянофилы (1809–1817) // Современник. 1857. Т. 62. № 3. Отд. 5. С. 86–91.
- Лонгинов М.Н.* Еще шишковисты и карамзинисты (1811–1816) // Современник. 1857. Т. 63. № 3. Отд. 5. С. 65–69.

1858

- Невзоров М.И.* Отрывок из послания к О.А. Поздееву // Библиографические записки. 1858. № 21. Стб. 643–659.

1859

- Панаев В.И.* О Державине. Из моих воспоминаний // Братчина: [Учено-литературный сборник]. СПб., 1859. Ч. 1.

1863

Анекдот об А.С. Шишкове // РА. 1863. С. 217.

1866

Петров К. Курс истории русской литературы (862–1862). СПб., 1866.

1867

Грот Я.К. Карамзин в истории русского литературного языка. Пересмотр вопроса о начале «нового слога» // (То же в кн.: Грот Я.К. Филологические разыскания. Изд. 2-е. Т. 1. СПб., 1876. С. 61–131; Грот Я.К. Труды. Т. 2. СПб., 1899. С. 46–98).
Мертваго Д.Б. Записки. М., 1867.

1868

Греч Н.И. Из «Записок моей жизни» // РВ. 1868. № 6. С. 493–495.
Липранди И. О секте Татариновой // ЧОИДР. 1868. Кн. 4. Отд. «Смесь». С. 20–51.
Пытин А.Н. Религиозные движения при Александре I: Российское библейское общество // ВЕ. 1868. № 11. С. 222–285; № 12. С. 708–768 (То же в кн.: *Пытин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 1916; 2-е изд. СПб., 2000).
Пятковский А. Русская журналистика при Александре I // Дело. 1868. № 1–3, 6; 1869. № 1.

1869

Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. Вторым тиснением, с значительными дополнениями по рукописи автора. М., 1869. Ук.
Щапов А.П. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. СПб., 1869.

1870

Головачев В. Действия русского флота в войне с шведами в 1788–1790 гг. СПб., 1870. (Гл. 38).

Щебальский П. А. С. Шишков, его союзники и противники (Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, 2 тома. Berlin, 1870) // РВ. 1870. № 11. С. 192–254.

[Рец. на «Записки»] // Русская летопись. 1870. № 34.

[Рец. на «Записки»] // ЧОИДР. 1870. № 3.

1872

Болотов А.Т. Записки. СПб., 1872. Т. 3. Ч. 18.

Свербеев Д.Н. Первая и последняя моя встреча с А.С. Шишковым // РА. 1872. № 1. С. 162–182.

1873

Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов. Историческая монография. СПб., 1873. Ук.

Сахаров И.П. Мои воспоминания // РА. 1873. № 6.

1874

Тимковский И.Ф. Мое определение в службу // РА. 1874. № 6.

1875

Пржецлавский О.А. Александр Семенович Шишков. 1754–1841. Воспоминания о нем // РС. 1875. № 7. С. 383–402.

1877

Стоюнин В.Я. Александр Семенович Шишков. Биография // ВЕ. 1877. № 10. С. 236–270; № 11. С. 47–118; № 12. С. 465–522.

1878

Стоюнин В.Я. А.С. Шишков. Характеристика // Древняя и новая Россия. Исторический иллюстрированный сборник. Т. 3. СПб., 1878. С. 89–117.

1880

Стоюнин В.Я. Исторические сочинения. Ч. 1. Александр Семенович Шишков. СПб., 1880. 372 с.

Шаишков С. Шишков и Мордвинов // Дело. 1880. № 9. Отд. 2. С. 1–34.

[*Кикин П.А., сообщ.*]. Первая мысль о построении храма Спасителя в Москве. Письма к А.С. Шишкову от П.А. Кикина // РА. 1880. Кн. 2. С. 228–232.

1882

Барсуков Н. С.С. Уваров и адмирал Шишков. Библиографическая заметка // РА. 1882. Ч. 3. № 6. С. 226–228.

1883

Грот Я.К. Жизнь Державина // Державин Г.Р. Соч.: В 9 т. Т. 8. СПб., 1883. Ук. ([2-е изд.]. М., 1997).

Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I: (с 1807 по 1829 г.). СПб., 1883. С. 190–192, 460. (То же. 2-е изд. М., 2006. С. 181–183, 444).

Соколов А.П. Русская морская библиотека. 1701–1851. Исчисление и описание книг, рукописей и статей по морскому делу за 150 лет. 2-е изд. / Под ред. В.К. Шульца. СПб., 1883. Ук.

1884

Семевский В. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая // Русская мысль. 1884. № 6. С. 199–205.

1885

Сухомлинов М.И. А.С. Шишков // Сухомлинов М.И. История Российской академии. Т. 7. СПб., 1885. С. 187–236, 554–598.

1887

Арсеньев А.В. Словарь писателей среднего и нового периода русской литературы XVII–XIX вв. (1700–1825). Справочное пособие и конспект русской литературы. СПб., 1887. С. 131–133.

Кочубинский А.А. Адмирал Шишков и канцлер граф Румянцев. Начальные годы российского славяноведения. Одесса, 1887–1888. 324, CLI с.

1888

Пытин А.Н. Меценаты и ученые Александровского времени [рец. на кн.: Кочубинский А.А. Адмирал Шишков и граф Румянцев] // ВЕ. 1888. № 10.

1889

Шмурло Е. Адмирал Шишков и канцлер граф Румянцев. Начальные годы российского славяноведения. Одесса, 1887–1888. [Рец.] // ЖМНП. 1889. № 1. С. 204–212.
Смирнов А.В. А.С. Шишков, 1824 г. // РС. 1889. № 5.

1890

Жихарев С.П. Записки современника. М., 1890 (см.: То же. М.; Л., 1955. Ук.).
Ягич И.В. О сочинении профессора А.А. Кочубинского «Начальные годы русского славяноведения». СПб., 1890.

1891

Порфирьев И.И. История русской словесности. Казань, 1891. Ч. 2. Отд. 3. С. 77–94.

1892

Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1892. Ч. 3. С. 149–154; Ч. 4. С. 164–178.
Остроглазов М.И. История одной редкой и замечательной книги // Библиографические записки. 1892. № 3. С. 179–198; № 4. С. 270–276; № 5. С. 338–348; № 8. С. 539–557; № 9. С. 627–634; № 10. С. 712–713.

1893

Письма И.И. Дмитриева к А.С. Шишкову // Дмитриев И.И. Соч. СПб., 1893. Т. 2. С. 240–241, 275–278, 280, 283.

1895

Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895. Ук.

1896

Лащенков Н.Н., прот. Евстафий Иванович Станевич. Харьков, 1896.

1899

Пыпин А.Н. История русской литературы. Т. 4. СПб., 1899. (То же. Изд. 3-е, без перемен. Т. 4. СПб., 1907. С. 273–275, 303, 346).
Свербеев Д.Н. Записки (1799–1826). Т. 1. М., 1899. С. 507–523.

1900

Смирновский П. Адмирал Шишков // Смирновский П. История русской литературы. Вып. 3. СПб., 1900. С. 88–135, 191–195.

1901

Смирновский П. А.С. Шишков – защитник Российской академии // РС. 1901. № 8. С. 361–366.
Письмо Г.Р. Державина А.С. Шишкову // РС. 1901. № 12. С. 648.
Энгельгардт Н. Очерки николаевской цензуры // Исторический вестник. 1901. № 10. С. 156–168.

1902

Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. Т. 1. СПб., 1902. С. 119–141, 220–239. (То же. 2-е изд. СПб., 1912. С. 117–139, 218–237, 392–400).
Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. Ук.

1904

Булич Н.Н. Очерк истории языкознания в России. Т. 1. (XIII в. – 1825 г.). СПб., 1904.
Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. 2-е изд. Т. 1–4. СПб., 1904–1905. Ук.

1905

Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. Т. 2. СПб., 1905. С. 14–22.

1906

Сиповский В.В. История русской словесности. Ч. 2. (История литературы с эпохи Петра Великого до Пушкина). СПб., 1906. (5-е изд. СПб., 1913. С. 208–212; 10-е изд. Пг., 1918).

Францев В. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX столетия. Прага, 1906. Ук.

1908

Бобров Е.А. К биографии В.С. Караджича. (По документам III отделения) // Минувшие годы. 1908. № 10. С. 96–102.

1911

Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. Дневники и письма Н.И. Тургенева за 1806–1811 гг. / Под ред. и с прим. Е.И. Тарасова. СПб., 1911. С. 281–283 и др.

Жаринов Д.А. Первые войны с Наполеоном и русское общество // Отечественная война и русское общество / Ред. И.К. Дживилегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета. Т. 1. М., 1911.

Троицкий В. Шишков Александр Семенович // Русский биографический словарь. [Т. 30]: Шебанов–Шютц. СПб., 1911. С. 316–320. (Репринт: М., 1999).

1912

Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. 2-е изд. СПб., 1912. С. 117–139, 218–237, 392–400.

Жаринов Д.А. Первые впечатления войны. Манифесты // Отечественная война и русское общество / Ред. И.К. Дживилегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета. Т. 3. М., 1912.

Николай Михайлович, вел. кн. Александр I. Т. 1–2. СПб., 1912. Ук.

Палицын Н.А. Манифесты, писанные Шишковым в Отечественную войну, и патриотическое их значение // РС. 1912. № 7. С. 477–491.

1923

Саводник В.Ф. Противники Карамзина // Саводник В.Ф. Очерки по истории русской литературы XIX в. Изд. 9-е. М.; Пг., 1923. Ч. 1. С. 24–25.

1926

Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин // Пушкин в мировой литературе. Сб. статей. Л., 1926. С. 215–286. (То же в кн.: Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 23–121).

1929

Тыркова-Вильямс А. Жизнь Пушкина. Paris, 1929. (То же: В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 116–120).

1931

Ходасевич В.Ф. Державин. Paris, 1931. (То же. М., 1988. С. 188–193, 206–210, 217–218, 221–223, 226–227).

Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX в.: В 2 т. Т. 1.: 1800–1840 гг. / Сост. В.Н. Орлов; Предисл. Н.В. Яковлева. М.; Л., 1931. Ук.

1932

Каменев Л.Б. Шишков А.С. // Герцен А.И. Былое и думы. М.; Л., 1932. Т. 3. С. 616.

1934

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.; Л., 1934. (То же. Изд. 3-е. М., 1982. С. 215–223).

1935

Виноградов В.В. Язык Пушкина. М.; Л., 1935. (То же. 2-е изд. М., 1999. Ук.)

1937

Бродский Н.Л. А.С. Пушкин. Биография. М., 1937. С. 24–25.

1938

Западов А.В. Из истории «Беседы любителей русского слова» // Литературный архив. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 401–405.

1941

Мейлах Б.С. А.С. Шишков и «Беседа любителей русского слова» // История русской литературы. Т. 5. Ч. 1. М.; Л., 1941. С. 183–197.

1949

Базанов В.Г. Полемика Шишкова по вопросам языка с Бестужевым (Марлинским) // Базанов В.Г. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 220–227.

1951

Шадури В. Друг Пушкина А.А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951. Ук.

1954

Ефимов А.И. Карамзин и Шишков о путях развития русского литературного языка // Ефимов А.И. История русского литературного языка. Курс лекций. М., 1954. С. 223–242.

1958

Десницкий В.А. Из истории литературных обществ начала XIX в. (Журналы «Беседы любителей русского слова») // Десниц-

кий В.А. Избранные статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. М.; Л., 1958. С. 92–130.

1959

Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX в. М., 1959. С. 77–98 и др.

1961

Томашевский Б.В. Пушкин. Материалы к монографии. Кн. 2 (1824–1837). М.; Л., 1961. С. 110–112.

1964

Забегайлова З.И. Работа А.С. Шишкова по составлению словаря // Филологический сборник. Вып. 3. Алма-Ата, 1964. С. 173–180.

1965

Забегайлова З.И. Вопросы синонимии в работах А.С. Шишкова // Филологический сборник. Вып. 4. Алма-Ата, 1965. С. 138–143.

1967

Забегайлова З.И. Вопросы теории перевода в статьях А.С. Шишкова // Филологический сборник. Вып. 6–7. Алма-Ата, 1967. С. 342–348.

1968

Забегайлова З.И. А.С. Шишков об устном народном творчестве // Филологический сборник. Вып. 8–9. Алма-Ата, 1968. С. 116–120.

Забегайлова З.И. Из истории русской лексикографии первой трети XIX в. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1968. 24 с.

1969

- Альшиуллер М.Г.* Литературно-теоретические взгляды Державина и «Беседа любителей русского слова» // XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 103–112.
- Арзуманова М.А.* Перевод английской рецензии на «Письма русского путешественника» из бумаг А.С. Шишкова // XVIII век. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII–XIX вв. Л., 1969. С. 309–323.

1971

- Альшиуллер М.Г.* «Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей русского слова» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 26: Древнерусская литература и русская культура XVIII–XIX вв. Л., 1971. С. 109–122.
- Забегайлова З.И.* Историко-лингвистические комментарии А.С. Шишкова к «Слову о полку Игореве» // Русское языкознание. Алма-Ата, 1971. Вып. 1. С. 16–21.

1975

- Канунова Ф.З., Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский – читатель и критик А.С. Шишкова (по материалам библиотеки В.А. Жуковского) // Русская литература. 1975. № 4.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» – неизвестное сочинение Семена Боброва) // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 358. Тарту, 1975. С. 168–322. (То же в кн.: Успенский Б.А. Избр. труды. М., 1994. Т. 2. С. 331–567).

1978

- Канунова Ф.З., Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский – читатель и критик А.С. Шишкова // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск, 1978. С. 105–124.
- Мыльников А.С.* К вопросу о путях формирования славяноведения в России // Studie z dejin svetovej slavistiky do polovice 19 storočia. Bratislava, 1978.

1979

Мыльников А.С. Шишков Александр Семенович // Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 371–372.

1980

Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. Ук.

Файнштейн М.Ш. А.С. Шишков и Словарь Академии Российской (1789–1794) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 157–163.

1981

Купреянова Е.Н. Основные направления и течения русской литературно-общественной мысли первой четверти XIX в. // История русской литературы: В 4 т. Л., 1981. Т. 2. С. 21–25.

Лотман Ю.М. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII–начала XIX столетия. // XVIII век. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII–начала XIX столетия. Л., 1981. С. 84–86.

1982

Киселева Л.Н. Еще раз о С.Н. Глинке – читателе «Слова о полку Игореве» // Finitis duodecim lustris: Сб. статей к 60-летию проф. Ю.М. Лотмана. Таллин, 1982.

1983

Альтишуллер М.Г. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка как политический документ (А.С. Шишков и Н.М. Карамзин) // Russia and the West in Eighteenth Century / Ed. by A.G. Cross. Newtonville, Mass., 1983.

1984

Альтишуллер М.Г. Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ardis, Ann Arbor, 1984.

Кутина Л.Л., Файнштейн М.Ш. Александр Семенович Шишков. 1754–1841 // *Русская речь*. 1984. № 4. С. 117–123.

Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX в. (Языковая программа Карамзина и ее исторические корни). М., 1985. (То же в кн.: Успенский Б.А. Вокруг В.К. Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008).

1985

Глинка Н.И. Державин в Петербурге. Л., 1985.

Якимович Ю.К. «Трязычный морской словарь» флота капитана А.С. Шишкова // *Деятели русской культуры и словарное дело*. М., 1985. С. 55–72.

1987

Карпец В.И. Муж отечестволюбивый. Историко-литературный очерк. М., 1987.

1988

Козлов В.П. Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988. Ук.

Панфилов А.К. Из истории борьбы вокруг «нового слога» // *Вопросы истории русского языка XIX–XX вв.: Межвузовский сборник научных трудов*. М., 1988.

1989

Граудина Л.К., Миськевич Г.И. Теория и практика русского красноречия. М., 1989. С. 93–102.

1990

Михайлова Н.И. Шишков Александр Семенович // *Русские писатели. Биобиблиографический словарь: [В 2 ч.]* М., 1990. Ч. 2. С. 411–413. (То же. Изд. 2-е. М., 1996. Ч. 2. С. 421–423).

Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990 (3-е изд. М., 2007. С. 289–299 и др.).

Панов С.И. Литературные «мелочи» Остафьевского архива. I. «Зане» // Тыняновские чтения, 5. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 90–100.

1991

Альтишуллер М.Г. А.С. Шишков о Французской революции: [К изучению наследия русского филолога и публициста (1754–1841)] // Русская литература. 1991. № 1. С. 144–149.

Гордин М. Владислав Озеров. Л., 1991. С. 154–159, 191–195.

Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: (От рукописи к книге). М., 1991. С. 197–200.

1992

Письма Н.М. Карамзина. 1806–1825 / Публ. А.К. Афанасьева и О.В. Эдельман // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 2–3. М., 1992. С. 38–40 (три письма А.С. Шишкову: 25 мая 1824; 14 февр. 1825; 8 марта 1825).

1993

Алтунян А. Власть и общество: Спор литератора и министра // Вопросы литературы. 1993. Вып. 1. С. 171–214.

Березовский Н.Ю., Доценко В.Ф., Тюрин Б.П. Российский Императорский Флот: 1696–1917. Военно-исторический справочник. М., 1993. С. 258–259.

Леурда И.Н. Лингвистические взгляды А.С. Шишкова. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1993.

Мединская Е.В. А.С. Шишков и В.К. Кюхельбекер // Семантическая структура слова и высказывания. М., 1993. С. 35–42.

Сарапис М.В. А.С. Шишков и развитие русского литературного языка в первые десятилетия XIX в. Автореф... канд. филол. наук. М., 1993.

1994

«Арзамас». Сборник: В 2 кн. / Сост., подг. текста и коммент. В. Вацуро, А. Ильина-Томича, Л. Киселевой. М., 1994. Ук.

- Боленко К.Г., Лямина Е.Э. «Классическое стихотворенье»: О детском стихотворении А.С. Шишкова «Николашина похвала зимним утехам» // Новое литературное обозрение. № 6. 1994. С. 222–227.
- Иоанн (Снычев), митр. Жизнь и деятельность Филарета, митрополита Московского. Тула, 1994. С. 162–170.
- Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX). М., 1994. С. 156–167.

1995

- Доценко В.Д. Морской биографический словарь. СПб., 1995.
- Зуев Г. Пушкин: «Сей старец дорог нам...» // Патриот. 1995. № 14.
- Киселева Л.Н. Русский «архаист» в Европе // Stidia Russica Helsingiensia et tertuensia. Вып. 4: «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. Тарту, 1995.
- Лямина Е.Э. Общество «Беседа любителей русского слова». Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1995.
- Творогов О.В. Шишков Александр Семенович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. СПб., 1995. С. 235–237.

1996

- Боленко К.Г. «Kleine Kinderbibliothek» И.Г. Кампе в переводе А.С. Шишкова // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1996. № 3. С. 57–68.
- Гориман А. Шишков Александр Семенович, адмирал, генерал-адъютант // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 7. М., 1996. С. 615–616.

1997

- Винницкий И.Ю. Утехи меланхолии. «Невинное творенье» в литературном водовороте рубежа XVIII–XIX вв. // Лекманов О.А. Опыты о Мандельштаме; Винницкий И.Ю. Утехи меланхолии. М., 1997.
- Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997. С. 543–549.

1998

- Анненкова Е.И. Аксаковы. СПб., 1998. С. 26–28.
- «Видок Фиглярин». Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Изд. подготовил А.И. Рейтблат. М., 1998. Ук.
- Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подг. текста К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой и Т.Ф. Нешумово. Вступ. статья К.Г. Боленко и Е.Э. Ляминой. М., 1998. Ук.
- Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция. СПб., 1998. Ук.
- Леурда И.Н. А.С. Шишков – первый русский славянофил // Духовные ценности и национальные интересы России. Тюмень, 1998. С. 59–62.
- Мартин А.М. «Россия есть европейская держава...»: Проблема «Россия и Европа» в консервативной мысли эпохи Александра I (А.С. Шишков, С.Н. Глинка, А.С. Стурдза) // Исследования по консерватизму: Политика и культура в контексте истории: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Л.Е. Кермана, Пермь, 24–25 сент. 1997 г. Пермь, 1998. С. 14–22.
- Михайлов О.Н. Громовой пролети струей. Роман. М., 1998. С. 355–364.
- Файнштейн М.Ш. Александр Семенович Шишков (1754–1841). Очерк жизни и деятельности // Отечественные лексикографы XVIII–XIX вв. Материалы для хрестоматии / Под ред. Г.А. Богатовой. Вып. 2. М., 1998. С. 35–50. (То же. 2-е изд. М., 2000. С. 41–56).

1999

- Чернета В. Предтеча: Адмирал А.С. Шишков – человек, ученый, министр // Высшее образование в России. 1999. № 9.

2000

- Вацуро В.Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 9–15.
- Гросул В.А. Зарождение российского политического консерватизма // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 18–104.
- Земскова Е.Е. О роли языка в построении национальной утопии: «онемечивание» Кампе и «корнесловие» Шишкова // Философ-

ский век. [Вып.] 12: Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу: Материалы Третьей международной Летней школы по истории идей 9–30 июля 2000 г. СПб., 2000.

Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 19–46. (Гл. 1: У истоков мифа о «новом слоге»).

2001

Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2001. Ук.

Серман И.З. А.С. Шишков и А.Н. Радищев (Стилистический союз) // Sonderdruck aus Gedachtnis und Phantasma: Festschrift für Renate Lachman. Die Welt der Slaven Sammerbande. Bd. 13. München, 2001.

Стрижев А.Н. Муж света и разума Александр Семенович Шишков: К разгону Библейских обществ в России: Письмо министра А.С. Шишкова императору Александру I // Благодатный огонь. 2001. № 7.

Файнштейн М.Ш. Словарные работы Российской Академии 1810–1840 гг. // История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сорокалетов. СПб., 2001. С. 139–146.

Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской Империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Биобиблиографический словарь. СПб., 2001. С. 753–757.

2002

Файнштейн М.Ш. «И славу Франции в России превзойти...»: Российская академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М.; СПб., 2002. Ук.

2003

Минаков А.Ю. «Друг чести, друг народа»: консерватор А.С. Шишков // Русский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX в. М., 2003. С. 111–126.

2004

- Альтишуллер М.Г. Пушкин и Шишков // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 29. СПб., 2004. С. 264–270.
- Альтишуллер М.Г. «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка». Сочинение А. Шишкова (СПб., 1803) // Новый журнал. № 234. 2004. С. 228–241.
- Камчатнов А.М. Полемические выступления А.С. Шишкова против «нового слога» Н.М. Карамзина // Лучшая вузовская лекция: Академическая филология. Литературоведение. Лингвистика. М., 2004. С. 38–61.

2005

- Альтишуллер М.Г. Александр Семенович Шишков // Против течения: Исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 19–92.
- Боленко К.Г., Лямина Е.Э. Из семейной переписки А.С. Шишкова // Пушкин и его современники. Вып. 4 (43). СПб., 2005.
- Ковалева Т.В. Жанрово-тематические особенности лирики А.С. Шишкова для детей // Уч. зап. Орловского гос. ун-та. Т. 7. Литературоведение. Фольклористика. Вып. 1. Орел, 2005. С. 13–29.
- Серман И.З. Литературное дело Карамзина. М.: РГГУ, 2005. С. 109–131, 145–181 (гл. 4. «А.С. Шишков и А.Н. Радищев: стилистический симбиоз»; гл. 6. «Главный спор на рубеже веков») и др.

2006

- Н.М. Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л.А. Сапченко. СПб., 2006. Ук.

2007

- Альтишуллер М.Г. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М., 2007. Ук.
- Бахревский В. «Царская карусель» // Роман-журнал XXI век. 2007. № 1. С. 97–109.

Иванов С.В. Об этимологических разысканиях А.С. Шишкова // Державин и его время: Сб. научных статей. Вып. 3. СПб., 2007. С. 80–95.

Михайловский М.Г. Государственный совет Российской империи. Государственные секретари. А.С. Шишков // Вестник Совета Федерации. 2007. № 6. С. 28–39.

2008

Иванов Д.А. О запрещении оперы-водевиля «Казак-стихотворец»: письмо А.А. Шаховского А.С. Шишкову // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI (Новая серия): К 85-летию Павла Семеновича Рейфмана. Тарту, 2008. С. 54–62.

Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. М., 2008. Ук.

2009

Ивинский А.Д. Литературная политика императрицы Екатерины II: «Собеседник любителей русского слова». Автореф... канд. филол. наук. М., 2009.

Камчатнов А.М. А.С. Шишков как предтеча русской философии языка // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 9. М., 2009. С. 73–89.

Панов С.И. Еще шишковисты и карамзинисты // Новое литературное обозрение. № 97 (2009. № 3). 165–177.

Фоменко И.Ю. Неизвестный автограф А.С. Шишкова в собрании Музея книги РГБ // Румянцевские чтения 2009 года. Материалы международной конференции (21–23 апреля 2009 г.). М., 2009. С. 258–262.

Список сокращений

ВЕ – ж-л «Вестник Европы». М., 1802–1830.

ДП – ж-л «Друг Просвещения». М., 1804–1806.

ЖМНП – «Журнал Министерства Народного Просвещения». СПб. (Пг.), 1834–1917.

- Записки – Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова / Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Т. 1–2. Берлин; Прага, 1870.
- ИРА – сб. «Известия Российской академии». Ч. 1–12. СПб., 1815–1823, 1828.
- Краткие записки РА – сб. «Краткие записки, содержащие в себе разные примечания и суждения о языке и словесности, издаваемые от Российской Императорской Академии». Кн. 1–3. СПб., 1834–1835.
- ОЗ – ж-л «Отечественные Записки». СПб., 1820–1830; 1839–1884.
- Повременное издание ИРА – сб. «Повременное издание Императорской Российской академии». Ч. 1–4. СПб., 1829–1832.
- РА – ж-л «Русский Архив». М., 1863–1917.
- РС – ж-л «Русская Старина». СПб. (Пг.), 1870–1918.
- СиП – сб. «Сочинения и переводы, издаваемые Российской академиею». Ч. 1–7. СПб., 1805–1823.
- СС – Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. Ч. 1–17. СПб., 1818–1839.
- ЧБЛРС – сб. «Чтения в Беседе любителей русского слова». Ч. 1–19. СПб., 1811–1815.
- ЧОИДР – сб. «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете». М., 1845–1848; 1858–1918.

Составление А.Н. Стрижёва и В.Л. Коровина

МОСКОВСКОЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО ПАМЯТИ ВЛ. СОЛОВЬЁВА: ХРОНИКА РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

О московском книгоиздательстве «Путь» уже существует отдельная и подробная монография Е.А. Голлербаха¹, а о Религиозно-философском обществе (РФО) памяти Вл. Соловьёва, с которым книгоиздательство было тесно связано, до сих пор есть только ряд статей², не претендующих на полноценный анализ истории общества. Безусловно, серьезным препятствием для исследователей является то, что не найден архив РФО, который, вероятно, не сохранился. Известно, что канцелярия РФО находилась при книгоиздательстве «Путь» (с 1910 г.), но относящиеся к ней документы до сих пор не обнаружены, что позволяет думать, что они были утрачены после конфискации домов и квартир М.К. Морозовой, в которых располагалось книгоиздательство и проходили заседания РФО. К тому же тексты докладов на заседаниях московского РФО преимущественно печатались в виде статей самими авторами (в отличие от Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества, выпускавшего «Записки» в 1908, 1914 и 1916 гг.). Исключение составляют только два сборника, выпущенные книгоизда-

¹ Голлербах Е.А. К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000.

² Соболев А.В. К истории Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва // Историко-философский ежегодник, 92. М., 1994; Половинкин С.М. Религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьёва в Москве: основные вехи истории (1905–1918) // Философские науки. 2005. № 12; Ермишин О.Т. Православные идеалы в московском Религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьёва // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. 2007. Вып. 2 (18).

тельством «Путь», «О Владимире Соловьёве» (1911) и «О религии Льва Толстого» (1912), содержащие ряд статей на основе ранее прочитанных в РФО докладов.

Несмотря на некоторые трудности, изучение московского РФО имеет исследовательские перспективы. Для того чтобы реконструировать историю общества, необходимо сначала составить наиболее полный список его заседаний. Ниже помещена публикация, которая представляет собой первые шаги в указанном направлении. Список составлен на основе достоверных источников (повестки на заседания, сообщения о заседаниях в газетах и журналах – «Русские Ведомости», «Речь», «Век», «Московский Еженедельник», «Русская Мысль» и др.), в него не включены известные из косвенных свидетельств заседания, дата или тематическое содержание которых пока не установлены. В дополнении к общему списку заседаний публикуются тексты самих повесток, которые сохранились в архиве священника Павла Флоренского. Однако, поскольку Флоренский стал членом РФО с 1908 г., то публикация ограничена временными пределами 1908–1918 гг.

Хотя данный список заседаний не является полным (по предварительным расчетам, не более половины всех заседаний общества), в целом он уже дает общее представление о деятельности РФО. Прежде всего, РФО нельзя отождествить с книгоиздательством «Путь» и его идейной платформой. Оно было не местом для пропаганды идей или личных убеждений, а, скорее, интеллектуально-дискуссионным клубом, в котором религиозные и философские проблемы выносились на общее обсуждение. Если книгоиздательство «Путь» имело свои задачи и идеологию¹, то московское РФО в большей степени отражало возросший общественный интерес к религии и философии. Иначе говоря, деятельность РФО представляет собой хронику русской духовной жизни, связанной с обсуждением самых актуальных и насущных вопросов. В начале XX в. Россию охватил политический и духовный кризис, который требовал осмысления и поиска путей к выходу из него. Московское РФО предложило свои пути и ориентиры. Его заседания отличались идейным многообразием, из которого можно выделить несколько ведущих тем и направлений.

¹ См.: Голлербах Е.А. Указ. соч. – С. 21–56.

Идея создания РФО возникла в 1905 г.¹, одними из инициаторов были В.Ф. Эрн и В.П. Свенцицкий, которым удалось в ноябре 1905 г. провести три неофициальных заседания². После утверждения Устава (август 1906 г.) и официального открытия РФО Эрн и Свенцицкий в 1906–1907 гг. продолжали играть в нем ведущие роли и благодаря им одними из главных тем на заседаниях стали революционные идеи и социально-политические проблемы в свете христианства. Постепенно интерес к революционным идеям уменьшается, и на первый план со своими докладами выходят активисты РФО, которые позднее составили редакционный комитет книгоиздательства «Путь» – Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев (В.Ф. Эрн также выступает, но уже не на социально-политические, а преимущественно на философские темы). Е.Н. Трубецкой был сторонником идеала «вселенского христианства» и защищал идеи просвещенного христианского либерализма, значительное место в его религиозно-философских исканиях занимало наследие Владимира Соловьёва. С.Н. Булгаков для себя главным считал национально-церковный идеал, неразрывно связанный с православием. Между ним и Е.Н. Трубецким постоянно возникали идейные трения. Так, при подготовке сборника «О Владимире Соловьёве» весной 1911 г. программную редакционную статью написал С.Н. Булгаков, но текст, одобренный Бердяевым и Эрном, вызвал неприятие М.К. Морозовой и резко негативное отношение Трубецкого из-за выраженных в нем славянофильских идей. В результате статья была сокращена и отредактирована Трубецким. В 1912 г. Трубецкой выступил с критикой идей Булгакова и Бердяева в докладе «Старый и новый национальный мессианизм», затем опубликованном в виде статьи в журнале «Русская Мысль». Если Булгаков старался не обострять отношения с М.К. Морозовой и Е.Н. Трубецким, то Бердяев в апреле 1912 г. вышел из редакционного комитета книгоиздательства «Путь» и открыто полемизировал с Трубецким в критической

¹ См. письмо В.Ф. Эрна к А.В. Ельчанинову от 2 апреля 1905 г. в изд.: Взыскующие Града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. – С. 66–67.

² В.Ф. Эрн прочитал реферат «Христианское отношение к собственности», В.П. Свенцицкий – «Христианское Братство Борьбы» и его программа, Д.Д. Галанин – «Миросозерцание русского народа до XVII в.».

статье «О земном и небесном утопизме» (1913), разбирая его книгу «Миросозерцание Вл.С. Соловьёва». Для Бердяева главным идеалом стал религиозный индивидуализм, основанный на идеях свободы и творчества. Таким образом, личное понимание религиозных идеалов предполагало постоянный диалог и противоборство мнений на заседаниях РФО. Кроме того, РФО периодически приглашало «гостей», т.е. иногородних докладчиков с интересными темами. Например, в 1908 г. в московском РФО выступали приехавшие из Петербурга Вяч. Иванов с лекцией «Символизм и религиозное творчество» и Д.С. Мережковский с докладом о М.Ю. Лермонтове «Поэт сверхчеловечества» и рефератом «Борьба за догмат». Подобная традиция была позднее продолжена: в 1911 и 1913 гг. из Киева приезжал В.В. Зеньковский, в 1914 г. из Петербурга – Б.Г. Стоппнер. Так, вероятно, РФО стремилось расширить идейное пространство своей деятельности. Оно также реагировало на внешние исторические события: наиболее яркими примерами могут служить заседания, связанные с началом 1-й мировой войны (6 октября 1914 г.) и Февральской революцией (15 апреля 1917 г.). Безусловно, схематически очерченные идейные векторы в деятельности РФО полностью не исчерпывают всю тематику его заседаний и требуют сами по себе более подробного анализа. Будем надеяться, что ниже публикуемые материалы послужат основой для будущих исследований по истории московского РФО.

О.Т. Ермишин

СПИСОК ЗАСЕДАНИЙ
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА
ПАМЯТИ ВЛ. СОЛОВЬЁВА
(1906–1918)*

1906/1907

5 ноября 1906 г.

С.Н. Булгаков. «Достоевский и современность».

* Составитель О.Т. Ермишин (при участии С.М. Половинкина).

12 ноября 1906 г.

Д.Д. Галанин. «Мое религиозное мировоззрение».

19 ноября 1906 г.

В.Ф. Эрн. «Методы исторического исследования и “Сущность христианства” Гарнака».

5 декабря 1906 г.

В.П. Свенцицкий. «Террор и бессмертие».

30 января 1907 г.

Архимандрит Михаил (Семёнов). «О будущем христианстве» (Лекция, организованная Религиозно-философским обществом памяти Вл. Соловьёва, в литературно-художественном кружке).

7 февраля 1907 г.

Архимандрит Михаил (Семёнов). «Господа и рабы».

16 февраля 1907 г.

В.П. Свенцицкий. «Религиозный смысл “Бранда” Ибсена».

15 марта 1907 г.

В.П. Свенцицкий. «Лев Толстой и Вл. Соловьёв».

В.Ф. Эрн. «Социализм, анархия и христианство».

27 марта 1907 г.

К.М. Аггеев. «Религия и политика».

3 мая 1907 г.

В.Ф. Эрн. «Социализм и христианство в их учении о прогрессе».

1907/1908

25 ноября 1907 г.

В.Ф. Эрн. «Христианство и мир (критика отношения Д.С. Мережковского к христианству)».

29 января 1908 г.

В.П. Свенцицкий. «Мировое значение аскетического христианства».

10 февраля 1908 г.

Ю.Н. Карпинская. «Современное религиозное движение в католичестве и православии».

23 марта 1908 г.

В.Ф. Эрн. «Идея катастрофического прогресса».

30 марта 1908 г.

Вячеслав Иванов. «Символизм и религиозное творчество».

1908/1909

31 октября 1908 г.

С.Н. Булгаков. «О первохристианстве (О том, что было в нем и чего не было. — Опыт характеристики)».

28 ноября 1908 г.

Д.С. Мережковский. «Поэт сверхчеловечества (о Лермонтове)».

6 декабря 1908 г.

Д.С. Мережковский. «Борьба за догмат».

22 февраля 1909 г.

С.Н. Булгаков. «Первохристианство и новейший социализм».

8 марта 1909 г.

С.Н. Булгаков. «Народное хозяйство и религиозная личность (страница из истории раннего капитализма в связи с Реформацией)».

1909/1910

7 декабря 1909 г.

В.А. Тернавцев. «Церковь и Римская империя».

11 февраля 1910 г.

Н.А. Бердяев. «Утонченная Фиваида».

26 февраля 1910 г.

В.Ф. Эрн. «Размышления о прагматизме».

15 марта 1910 г.

Вяч.И. Иванов. «Красота и христианство в связи с поэзией Новалиса».

9 апреля 1910 г.

С.Н. Булгаков. «Апокалиптика и социализм (Религиозно-философские параллели)».

1910/1911

13 октября 1910 г.

В.Ф. Эрн. «Основной характер русской философской мысли и метод ее изучения».

1 ноября 1910 г.

Б.Н. Бугаев (Андрей Белый). «Трагедия творчества у Достоевского».

4 ноября 1910 г.

С.И. Гессен. «О книге Э. Ласка».

30 ноября 1910 г.

Е.Н. Трубецкой. «Спор Толстого и Соловьёва о государстве».

12 декабря 1910 г.

Н.А. Бердяев. «А.С. Хомяков и мы (Судьба славянофильства)».

10 февраля 1911 г.

Заседание, посвященное 10-летию кончины Вл. Соловьёва.

9 марта 1911 г.

В.Ф. Эрн. «Жизнь и личность первого русского философа Г.С. Сковороды».

10 мая 1911 г.

Общее годовое собрание Общества.

Предметы занятий:

- 1) Рассмотрение годового отчета.
- 2) Выбор совета.
- 3) Выбор ревизионной комиссии.
- 4) Избрание действительных членов Общества.

1911/1912

2 ноября 1911 г.

Заседание памяти Л.Н. Толстого.

30 ноября 1911 г.

В.В. Зеньковский. «Проблема бессмертия у Л.Н. Толстого».

29 января 1912 г.

С.Н. Булгаков. «Смысл хозяйства (Религиозно-философское значение основных хозяйственных функций — производства и потребления)».

19 февраля 1912 г.

Е.Н. Трубецкой. «Старый и новый национальный мессианиззм».

11 марта 1912 г.

Е.Г. Лундберг. «Религиозный индивидуализм и католическая реакция (О спасении делами и о спасении верой)».

1912/1913

4 ноября 1912 г.

Б.А. Грифцов. «Религиозная судьба Константина Леонтьева».

25 ноября 1912 г.

С.Н. Дурылин. «Религиозная судьба Лермонтова».

16 декабря 1912 г.

Общее годовое собрание.

Предметы занятий:

- 1) Рассмотрение годового отчета.
- 2) Выбор совета.
- 3) Выбор ревизионной комиссии.
- 4) Избрание действительных членов общества.

23 января 1913 г.

С.А. Аскольдов. «Время и его религиозное значение».

3 февраля 1913 г.

В.В. Зеньковский. «Проблема религиозного опыта».

26 марта 1913 г.

С.Н. Дурылин. «Церковь Невидимого Града (Сказание о граде Китеже)».

3 апреля 1913 г.

С.М. Соловьёв. «Эллинизм и христианство».

1913/1914

20 октября 1913 г.

С.М. Соловьёв. «Идея церкви в поэзии Владимира Соловьёва».

14 ноября 1913 г.

Вяч. Иванов. «О границах искусства».

1 декабря 1913 г.

С.Н. Дурылин. «Николай Семенович Лесков. Опыт характеристики личности и религиозного творчества».

11 января 1914 г.

В.Ф. Эрн. «Размышления о природе естественных наук».

2 февраля 1914 г.

С.Н. Булгаков. «Русская трагедия (О романе Ф.М. Достоевского «Бесы», по поводу его инсценировки в Московском Художественном театре)».

26 февраля 1914 г.

Е.Н. Трубецкой. «Свет Фаворский и преображение ума (по поводу книги о. П. Флоренского «Столп и утверждение Истины»)».

20 апреля 1914 г.

Б.Г. Столпнер. «Каббала как особый тип религиозного сознания».

1914/1915

6 октября 1914 г.

Г.А. Рачинский. «Братство и свобода».

Е.Н. Трубецкой. «Война и мировая задача».

Вяч. Иванов. «Вселенское дело».

С.Н. Булгаков. «Русские думы».

В.Ф. Эрн. «От Канта к Круппу».

30 октября 1914 г.

С.Н. Дурылин. «Россия и Лермонтов. К изучению религиозных истоков русской поэзии».

19 ноября 1914 г.

А.М. Щербин. «Значение переживаемого момента для развития русской философской мысли».

15 января 1915 г.
Беседа на тему «О нашем отношении к германской культуре».

Вступительное слово Вл.Ф. Эрн.

29 января 1915 г.
В.Ф. Эрн. «Сущность немецкого феноменализма».

8 апреля 1915 г.
С.Н. Дурылин. «Град Софии. Св. София и Царьград в русском народном религиозном сознании».

1915/1916

22 ноября 1915 г.
Е.Н. Трубецкой. «Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи».

29 ноября 1915 г.
С.Н. Дурылин. «Начальник тишины (Из летних впечатлений на Светлом озере и в Оптиной)».

17 декабря 1915 г.
Беседа на тему «О религиозном смысле искусства».
Вступительное слово Ю.К. Балтрушайтиса на тему «О сущности искусства и творческом долге художника».

17 января 1916 г.
С.Н. Булгаков. «Софийность мира».

14 марта 1916 г.
Т.Р. Мицинский. «Польский мессианиззм».

25 марта 1916 г.
Н.В. Устрялов. «Национальная проблема у первых славянофилов».

30 марта 1916 г.

Вяч. Иванов. «Человек. Размышления о существе и назначении, отпадении и божественном возсыновлении человека».

24 апреля 1916 г.

Е.Н. Трубецкой. «Два мира в древнерусской иконописи».

1916/1917

28 октября 1916 г.

Беседа на тему «Икона и картина».

Вступительное слово А. А. Сидорова.

4 ноября 1916 г.

Л.И. Шестов. «Право на истину (По поводу книги Вяч. Иванова «Борозды и межи»)».

13 ноября 1916 г.

Заседание, посвященное памяти К.Н. Леонтьева по случаю 25-летия со дня его кончины.

Вступительное слово Г.А. Рачинского.

Речи:

Протоиерей Г. Фудель. «К. Леонтьев и Вл. Соловьёв, в их взаимных отношениях».

С.Н. Дурылин. «Писатель-послушник».

С.Н. Булгаков. «Победитель-побежденный (Судьба Леонтьева)».

30 ноября 1916 г.

Б.Н. Бугаев (Андрей Белый). «Александрийский период и мы в освещении проблемы «Восток и Запад»».

10 января 1917 г.

Л.В. Успенский. «О компромиссе в морали».

27 января 1917 г.

Е.Н. Трубецкой. «Мировая бессмыслица и мировой смысл».

6 февраля 1917 г.

П.П. Блонский. «Кн. С.Н. Трубецкой и философия».

24 февраля 1917 г.

Н.С. Арсеньев. «Мистицизм и лирика (Из области средневековой мистической поэзии Запада)».

15 апреля 1917 г.

Заседание на тему «О новой России». Речи С.Н. Булгакова, С.Н. Дурылина, А.А. Евдокимова, Г.А. Рачинского, Е.Н. Трубецкого и В.М. Турбина.

26 апреля 1917 г.

Беседа на тему «О религиозных задачах, стоящих перед новой Россией».

Вступительное слово священника Павла Флоренского.

19 мая 1917 г.

Заседание, посвященное памяти Владимира Францевича Эрна.

Речи Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Н. Дурылина, свящ. С. Соловьёва, Г.А. Рачинского, кн. Е.Н. Трубецкого, В.М. Турбина и свящ. П. Флоренского.

1917/1918

18 октября 1917 г.

Беседа на тему «Революция и русское национальное самосознание».

Вступительное слово А.М. Ладыженского.

11 января 1918 г.

Вяч. Иванов. «Происхождение трагедии».

14 января 1918 г.

Е.Н. Трубецкой. «Россия в ее иконе».

11 февраля 1918 г.¹

С.Н. Дурылин. «Исповедник Руси. Из религиозных и национальных воззрений В.А. Кожевникова».

18 февраля 1918 г.

Е.Н. Трубецкой. «Откровение Божьего дня».

11 марта 1918 г.

С.Н. Булгаков. «Вл. Соловьёв и А.Н. Шмидт. К проблематике».

29 апреля 1918 г.

С.Н. Дурылин. «Апокалипсис и Россия».

3 июня 1918 г.

С.Н. Булгаков. «На пиру богов (Современные диалоги)».

ПОВЕСТКИ НА ЗАСЕДАНИЯ
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА
ПАМЯТИ ВЛ. СОЛОВЬЁВА
(1908–1918)*

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
Памяти Вл. Соловьёва

Во Вторник 29 января <1908 г.>, в помещении Польской библиотеки (Мясницкая, Милютинский пер.), состоится XVI публичное заседание Общества.

В.П. Свенцицкий прочтет реферат на тему: «Мировое значение аскетического христианства». Нач. в 7 ½ час. веч. Билеты от 30 к. до 3 р. в книжном магазине «Братство», Тверская, д. Олсуфьева.

¹ Даты всех заседаний 1918 г. даны по старому стилю. – *Прим. сост.*

* Публикация Музея священника Павла Флоренского. Составление и подготовка текста О.Т. Ермишина.

В Воскресенье 10 февраля в помещении счетоводных курс Езерского (Тверская-Ямская, 14) состоится закрытое заседание.

Ю.Н. Карпинская прочтет реферат «Современное религиозное движение в католичестве и православии». Нач. в 7 ½ час. веч.

По постановлению совета, на это заседание каждый член общества имеет право по своей повестке провести 2-х членов.

От Совета Общества

Совет доводит до сведения г.г. членов, что 1-го октября закончился первый год существования Общества. Таким образом, на новый 1907/1908 год лицами, желающими состоять членами Общества, снова должны быть внесены установленные членские взносы.

Ввиду этого Совет постановил:

1) Просить г.г. членов внести до 1-го марта членские взносы в размере 3 руб.

2) Известить канцелярию Общества в случае желания ими отсрочить этот взнос или воспользоваться § 8 примечания б. Устава Общества («Лица, не имеющие возможность внести членский взнос, освобождаются от него по заявлению Совету»).

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

В воскресенье 23 марта <1908 г.> состоится XVIII открытое заседание в помещении Счетоводных Курсов Ф.В. Езерского (Тверская-Ямская, 18) нач. в 7 ½ ч. вечера.

В.Ф. Эрн прочтет реферат: «Идея катастрофического прогресса».

Билеты от 3 р. до 30 к. в книжном магазине «Братство» (Тверская, д. Олсуфьева)¹.

¹ Строка дописана от руки после печатного текста. – *Прим. сост.*

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

В воскресенье, 30-го марта <1908 г.>, в помещении Счетовых Курсов Ф.В. Езерского (Тверская-Ямская, 18) состоится XVIII публичное заседание Об-ва.

Вячеслав Иванов прочтет лекцию:

«Символизм и религиозное творчество».

Нач. в 7 ½ ч. веч.

Билеты от 3 р. до 30 к. в книжном магазине «Братство» (Тверская, д. Олсуфьева, прот. Брюсов пер.)

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

1908–1909 гг. Собрание 2-е

В пятницу 28-го ноября <1908 г.> в большой новой аудитории Политехнического музея состоится публичное заседание Общества.

Предметы занятий:

1. Д.С. Мережковский прочтет реферат: **«Поэт сверхчеловечества»** (о Лермонтове).

2. Прения.

Начало ровно в 7 ½ часов вечера

Билеты от 3 р. 10 к. до 30 к. можно получать в книжных магазинах **«Звено»** (Б. Никитская), **«Образование»** (Кузнецкий мост), **«Карбасникова»** (Моховая), **«Труд»** (на Тверской). Билеты со скидкой 50-ти процентов (для гг. членов) будут продаваться только при входе в зал перед лекцией.

Гг. члены, имеющие вход на лекцию по повесткам, благоволят уплачивать сбор за сохранение платья (10 к.) в кассе.

По делам Общества обращаться (письменно) к помощнику секретаря Б. Ельчанинову – Грузины, Курбатов <...>¹, д. Глебова, кв. 12.

Членские взносы принимает казначей Общества Вл.Ф. Эрн и секретарь А. Ельчанинов в перерыве на заседаниях.

Повестка служит входным билетом

ПРОГРАММА

Лекции Д. Мережковского

«Поэт сверхчеловечества»

(о Лермонтове)

Пушкин и Лермонтов как два противоположные начала русской литературы, созерцательное и деятельное. Определение Вл. Соловьёва: Лермонтов как поэт «сверхчеловечества». Приговор над личностью и поэзией Лермонтова как над явлением «демоническим».

Мистическая сторона в личности Лермонтова. Раздвоение, колебание воли между добром и злом, Богом и Дьяволом. Житейская пошлость Лермонтова, «хулиганство» с женщинами. Воля к пустоте. Фатализм.

Лермонтов поставил в русской литературе проблему зла. Богоборчество. Демонизм. Преодоление демонизма через любовь как влюбленность. Религия «вечной женственности», «вечного материнства». Отношение этой религии к новому религиозному сознанию.

Лермонтов и мы. Предстоящий синтез двух начал в русской литературе, созерцательного и деятельного, Пушкина и Лермонтова.

¹ Несколько букв на повестке не пропечатались. – *Прим. сост.*

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

26 февраля 1910 г. в квартире Маргариты Кирилловны Морозовой (Смоленский бульвар, собств. дом) состоится закрытое заседание общества.

В.Ф. Эрн прочтет реферат: **«Размышления о прагматизме»**.

Тезисы реферата: Свежесть прагматизма. Прагматизм и В. Джемс. Пережаемость точек зрения Джемса. Импрессионизм мысли. Спорность основного принципа прагматизма. Полезность и истинность. Характеристика «мягких» и «жестких». Игнорирование прагматистами *λογος*'а. Мнимая любовь к конкретному у сторонников эмпиризма. Подведение всех противников эмпиризма под произвольные схемы. Смешение *ratio* и *λογος*'а. Ценность и значение прагматизма.

Вход по повесткам.

Начало в 8 часов вечера

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

12 декабря 1910 г. имеет быть публичное заседание Общества в «Польской библиотеке» (Мясницкая, Милютинский переул.). Член Общества *Н.А. Бердяев* прочтет доклад на тему:

**«А.С. Хомяков и мы»
(Судьба славянофильства)**

Программа заседания:

- 1) Вступительное слово председателя.
- 2) Доклад *Н.А. Бердяева* и
- 3) Речи *С.Н. Булгакова* и *В.Ф. Эрна*.

Начало заседания ровно в 8 часов вечера

БИЛЕТЫ ПРОДАЮТСЯ в книжных магазинах: Карбасникова (Моховая), «Образование» (Кузнецкий мост), «Звено» (Никитская).

В день лекции с 6 часов при входе в зал.

ЦЕНЫ МЕСТАМ: 1-й ряд – 3 руб., 2-й и 3-й – 2 руб., 4-й, 5-й, 6-й и 7-й – 1 руб., 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й – 75 к., 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й, 18-й – 50 коп., входные – 30 коп.

Члены Общества в день лекции, при входе в зал входные билеты покупают бесплатно, а на остальные пользуются 50 % скидки.

Членские взносы принимаются ежедневно в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Знаменка, 11, книгоиздательство «Путь») и в перерыве заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО Памяти Вл. Соловьёва

9-го марта 1911 г. имеет быть закрытое заседание Общества в квартире М.К. Морозовой (Знаменка, 11, против Румянцевского Музея). Член Общества *В.Ф. Эрн* прочтет доклад на тему:

«Жизнь и личность первого русского философа Г.С. Сковороды»

(1722–1750)

1. Период первый. Ученические годы и путешествие за границу.

(1750–1766)

2. Период второй. Обостренное искание выхода из хаоса своей природы.

(1766–1794)

3. Период третий. Странничество и учительство.

Начало заседания ровно в 8 часов вечера

Вход по повесткам

Членские взносы принимаются ежедневно в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Знаменка, 11, книгоиздательство «Путь») и в перерыве заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО Памяти Вл. Соловьёва

10-го мая 1911 г. имеет быть общее годовое собрание Общества в квартире М.К. Морозовой (Знаменка, 11).

Предметы занятий:

- 1) Рассмотрение годового отчета.
- 2) Выбор совета.
- 3) Выбор ревизионной комиссии.
- 4) Избрание действительных членов Общества.

Заседание общего собрания считается действительным при наличности 2/3 членов.

На случай неприбытия требуемого числа членов Общества на заседание 10-го мая, назначается вторичное заседание на 11 мая в том же помещении для разрешения тех же перечисленных выше вопросов, каковое будет считаться действительным при всяком числе наличных членов.

Начало обоих заседаний в 8 часов вечера

Вход по повесткам

Настоящая повестка имеет силу на оба заседания

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО Памяти Вл. Соловьёва

30-го ноября 1911 г. имеет быть закрытое заседание Общества в квартире М.К. Морозовой (Знаменка, 11). Заслушан будет доклад В.В. Зеньковского на тему:

«Проблема бессмертия у Л.Н. Толстого»

По прочтении доклада состоится обсуждение его.

Начало заседания ровно в 8 часов вечера

Вход по повесткам

Членские взносы принимаются ежедневно в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Знаменка, 11, книгоиздательство «Путь») и в перерыве заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

29-го января 1912 г. имеет быть закрытое заседание Общества в квартире М.К. Морозовой (Знаменка, 11). Заслушан будет доклад *С.Н. Булгакова* на тему:

«Смысл хозяйства»

(Религиозно-философское значение основных хозяйственных функций – производства и потребления).

I. ПОТРЕБЛЕНИЕ. Физический коммунизм бытия. Что значит есть? Панзоим и панфанатизм. Причащение плоти мира. Единство природы.

II. ПРОИЗВОДСТВО. Как возможно производство? Значение труда. Учение Канта и Шеллинга. Смысл «наивного реализма». Хозяйственный реализм. Проблема технологии. Гносеология и политическая экономия. «Трудовая теория ценности». Очеловечение природы. *Natura naturans* и *naturata*.

По прочтении доклада состоится обсуждение его.

Начало заседания ровно в 8 часов вечера

Вход по повесткам

Членские взносы принимаются ежедневно в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Знаменка, 11, книгоиздательство «Путь») и в перерыве заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

19-го февраля 1912 г. имеет быть закрытое заседание Общества в квартире М.К. Морозовой (Знаменка, 11). Заслушан будет доклад кн. *Е.Н. Трубецкого*:

«Старый и новый национальный мессианизм»

1. Национально-мессианская идея в допетровской Руси. Национализм и затмение вселенской идеи.

2. Национальный мессианизм у славянофилов и Достоевского: его связь с национальной исключительностью.

3. Современный национальный мессианизм; его беспочвенность. Национально-мессианская идея у С.Н. Булгакова и у Н.А. Бердяева.

4. Мессианизм и миссионизм. Оправдание миссионизма. Сверхнародный и вселенский характер истинного Мессианства. Отношение к нему национальной идеи и специфической задачи каждой национальности.

По прочтении доклада состоится обсуждение его.

Начало заседания ровно в 8 часов вечера

Вход по повесткам

Членские взносы принимаются ежедневно в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Знаменка, 11, книгоиздательство «Путь») и в перерыве заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

11-го марта 1912 г. имеет быть закрытое заседание Общества в квартире М.К. Морозовой (Знаменка, 11). Заслушан будет доклад *Евг. Герм. Лундберга*:

«Религиозный индивидуализм и католическая реакция» (О спасении делами и о спасении верой)

I

Книга монаха Денифле против Лютера. Понимание протестантизма как разложения христианства. Католичество поныне борется с Лютером. Его оружие. Денифле обвиняет Лютера: во 1-х, в извращении идеи монашества; во 2-х, в извращении католического взгляда на брак; в 3-х, во лжи и клевете на задачи церкви и в 4-х – в личной слабости, невежестве и распущенности, которые и послужили основой Лютеровой теологии.

II

Обвинения Лютера в слабости и распущенности моральной подтверждаются его собственными признаниями. Лютер – о смерти, об искушениях, о дьяволе и о борьбе с ним. Трактат Лютера о монашеских обетах (*De votis monasticis Indicium*). Трактат Лютера о закрепощенной воле (*De servo arbitrio*), направленный против Эразма Роттердамского. Попытка охарактеризовать пережитой Лютером кризис. Его теология – теология отступника. Связь между Лютером и лютеранством исключительно внешняя. Имеют ли обвинения Лютера какое-либо значение для нас?

По прочтении доклада состоится обсуждение его.

Начало заседания ровно в 8 часов вечера

Вход по повесткам

Членские взносы принимаются ежедневно в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Знаменка, 11, книгоиздательство «Путь») и в перерыве заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

4-го ноября 1912 г. имеет быть публичное заседание Общества в Политехническом Обществе (Мясницкая, М. Харитоньевский пер., д. 4). Член Общества *Б.А. Грифцов* прочтет доклад на тему:

«Религиозная судьба Константина Леонтьева»

С ПРЕНИЯМИ;

В прениях предполагается участие:

С.Н. Булгакова, Г.А. Рачинского, кн. Е.Н. Трубецкого и др.

Начало ровно в 8 часов вечера

Билеты продаются в книжн. маг. Карбасникова (Моховая), а в день лекции с 7 часов при входе в зал.

ЦЕНЫ МЕСТАМ: 1-й ряд – 2 руб., 2-й и 3-й – 1 р. 50 к., 4-й, 5-й и 6-й – 1 р., 7-й и 8-й – 80 к., 9-й, 10-й, 11-й и 12-й – 50 к., входные – 20 к.

Члены Общества, внесшие членские взносы, входные билеты получают бесплатно, а на остальные пользуются 50 % скидкой, но только **в Канцелярии О-ва** (Новинский бульвар, 103) 1, 2 и 3 ноября от 11–5 ч.

Программа доклада Б.А. Грифцова «Религиозная судьба Константина Леонтьева»

1. Жизнь Леонтьева. Его художественные произведения как свидетельство о ней. – Период болезненных чувств. Роман «Подлипки», повесть «Исповедь мужа». – Период жизненного счастья. Восточные повести. – Кризис 1871 г. Иррациональность Высшей Телеологии. Религия антиномична жизни.

2. Учение Леонтьева. Его логическая структура. Всеобъемлемость эстетической оценки. – Мысли об искусстве. – Жизненный эстетизм. Мертвенно-эгалитарный уклон европейской истории. Русская интеллигенция и культура. Народ. – Кризис учения Леонтьева. Культ пустоты в его византизме. Неизбежный кризис практического романтизма.

3. Религия. Примирение Леонтьева с христианством, враждебным его учению. Пессимистический реализм. Истинно-трансцендентный и личный характер религии. – Борьба Леонтьева с «розовым» христианством Толстого и Достоевского. – Идея старчества как проявление трансцендентной случайности. – Черты классической трагедии в судьбе Леонтьева.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

25-го ноября 1912 г. имеет быть закрытое заседание Общества в квартире М.К. Морозовой (Новинский, 103). Заслушан будет реферат *С.Н. Дурылина*:

«Религиозная судьба Лермонтова»

I

Судьба Лермонтова у современников и в потомстве. — «Безочарование» поэзии и личности Лермонтова. — Гоголь, Баратынский, Лорер, И. Аксаков, Достоевский, Вл. Соловьёв о Лермонтове. — Лермонтов и Байрон: **другой ли** Лермонтов («нет, я не Байрон, я **другой**»). — Теория познания поэзии Лермонтова: припоминание предвечного («Ангел»). — Демонизм и Печоринизм. — История создания поэмы «Демон». — Почему «Демон» не закончился «Эпилогом на небесах». Идея религиозного оправдания женщиной в судьбе Лермонтова и «Демона». — Земная мольба и небесная молитва Лермонтова.

II

«Лазурный огонь» (Лермонтов) и «Лазурное око» (Вл. Соловьёв). — Вселенная на свете «Лазурного огня» и под взором «Лазурного ока». — Вечно-женственное как Вечно-и-едино-Божественное у Лермонтова. — Религия Лермонтова и Христианство. — Молитва Лермонтова и молитво-словие Пушкина. — Грех неисповедания, утаение молитвы и тайная молитва. — Последние стихотворения Лермонтова и их смысл: «Когда твой голос, о поэт, смерть в высших звуках остановит» (Баратынский). — Голубой цветок романтизма и цвет завета. — Религиозная судьба Лермонтова, как судьба Пушкинского «Рыцаря Бедного».

*С. Дурылин**По прочтении доклада состоится обсуждение его.*

Начало заседания ровно в 8 часов вечера

Вход по повесткам

Членские взносы принимаются ежедневно в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Знаменка, 11, книгоиздательство «Путь») и в перерыве заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
Памяти Вл. Соловьёва

16-го декабря 1912 г. имеет быть общее годовое собрание Общества в квартире М.К. Морозовой (Новинский, 103).

Предметы занятий:

- 1) Рассмотрение годового отчета.
- 2) Выбор совета.
- 3) Выбор ревизионной комиссии.
- 4) Избрание действительных членов общества.

Заседание общего собрания считается действительным при наличности 2/3 членов.

На случай неприбытия требуемого числа членов Общества на заседание 16-го декабря назначается вторичное заседание на 17 декабря в том же помещении для разрешения тех же перечисленных выше вопросов, каковое будет считаться действительным при всяком числе наличных членов.

Начало обоих заседаний в 9 часов вечера

Вход по повесткам

Настоящая повестка имеет силу на оба заседания

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
Памяти Вл. Соловьёва

23-го января 1913 г. имеет быть закрытое заседание Общества в квартире М.К. Морозовой (Новинский, 103). Заслушан будет доклад С.А. Аскольдова:

«Время и его религиозное значение»

Два способа понимания времени. Время объективированное в пространстве и время в сознании. Время как точно измеряемая величина. Время как число и время, как четвертое измерение. Время измеряемое – псевдовремя. Точка зрения Бергсона. Время не есть сама действительность, а только ее характеристика. Три времени. Настоящее в качестве неуловимого момента – гносеологическая фикция. Подлинная реальность настоящего. Изменение как антологическая основа времени. Различные виды изменений. Природа прошедшего. Прошедшее как действительность. Две формы действительности и их соприкосновение в человеческом сознании. Время как характеристика несовершенной действительности. Изменение и время как результат раздробления. Время в художественных символах. Может ли прекратиться течение времени. Идея вечной жизни в христианстве.

По прочтении доклада состоится обсуждение его.

Начало заседания ровно в 8 часов вечера

Вход только по повесткам

Членов Общества, не внесших членские взносы, просят внести таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Новинский бул. 103, Книгоиздательство «Путь») и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

3-го февраля 1913 г. имеет быть публичное заседание Общества в Политехническом Обществе (Мясницкая, М. Харитоньевский пер., д. 4). Заслушан будет доклад *В.В. Зеньковского*:

«Проблема религиозного опыта» (С прениями)

Проблема религиозного опыта и ее значение для нашего времени. Реальность религиозного опыта и ее субъективные и объективные предпосылки. Проблема религиозного субъекта и различные решения ее. Проблема религиозного объекта и ее решения.

Понятие откровения и его значение для основного вопроса. Понятие внехристианского откровения как парадокс. Христианство как единственное разрешение проблемы религиозного объекта. Заключение.

В прениях предполагается участие: Г.А. Рачинского, С.Н. Булгакова, кн. Е.Н. Трубецкого, Ф.А. Степпуна, Д.В. Яковенко, Н.А. Бердяева, С.Н. Дурылина, С.Ф. Кечекьяна, Л.В. Успенского, Н.В. Устрялова.

Начало заседания ровно в 8 часов вечера

Билеты продаются в книжных маг. Карбасникова
(Моховая)

Цены местам: 1-й, 2-й, 3-й, ряд – 2 р., 4-й, 5-й – 1 р. 50 к., 6-й, 7-й, 8-й, 9-й – 1 р., 10-й, 11-й, 12-й – 80 к., 13-й, 14-й, 15-й и 16-й – 50 к., входные – 30 к.

Члены Общества, внесшие членские взносы, входные билеты получают бесплатно, а остальные пользуются 50 % скидкой, но только **в Канцелярии О-ва.**

(Новинский бульвар, 103) от 11–4 ч.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО Памяти Вл. Соловьёва

26-го марта 1913 г. имеет быть закрытое заседание Общества в квартире М.К. Морозовой (Новинский, 103). Заслушан будет доклад *С.Н. Дурылина*:

«Церковь Невидимого Града» (Сказание о граде Китеже)

1. Судьбы русского народного религиозного сознания у западников и славянофилов. Значение народного религиозного опыта. Идея церкви в народном религиозном сознании. Искание церкви в старообрядчестве: Хождение в Опоньское царство. Сказание о граде Китеже, как народное учение о церкви. «Китежский Летописец», его содержание, исторический и религиозный смысл. Разви-

тие Китежской легенды и ее жизненное значение для народа. Хождения к Незримому граду прежде и теперь. Два китежских пути: внутреннего и внешнего делания.

2. Современное отношение к церкви и отношение к ней Ив. Аксакова, Вл. Соловьёва и народное. Истребляется ли церковь грехами ее членов и недостатками ее устройства? Неистребимость благодати в церкви. Двуединство церкви: церковь незримая и церковь земная. Опасности церковного всереформизма. Учение о церкви, как учение о вечном пребывании Христа в мире. Апокалипсизм и евангелизм как следствия утраты целостного чувства и сознания церкви. Китеж и народные хождения к нему в свете православного учения о Единой Церкви. У стен града незримого. Встречи, наблюдения, переживания. Религиозный смысл сказания о незримом граде Китеже.

По прочтении доклада состоится обсуждение его.

Начало заседания ровно в 8 часов вечера

Вход только по повесткам

Членов Общества, не внесших членские взносы, просят вносить таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Новинский бул., 103, Книгоиздательство «Путь») и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

3-го апреля 1913 г. имеет быть публичное заседание Общества в Политехническом Обществе (Мясницкая, М. Харитоньевский пер., д. 4). Заслушан будет доклад *С.М. Соловьёва*:

«Эллинизм и христианство» (с прениями)

Взгляд Ф.Ф. Зелинского на будущий славянский ренессанс. Гете и Ничше, как основатели германского эллинизма. Критика их взглядов. Религиозное начало Гомера и аттической трагедии. Русский эллинизм. Значение Одиссеи Жуковского. Язычество,

христианство и народность в поэзии Пушкина. Русский ренессанс возможен только как возрождение христианства. Византизм и религиозное сознание русского народа. Задача русской филологической науки.

В прениях предполагается участие: Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Г.А. Рачинского, кн. Е.Н. Трубецкого, Б.В. Яковенко.

Начало ровно в 8 часов вечера

Билеты продаются в книжных маг. Карбасникова
(Моховая)

Цены местам: 1-й, 2-й, 3-й ряд – 2 р., 4-й, 5-й – 1 р. 50 к., 6-й, 7-й, 8-й, 9-й – 1 р., 10-й, 11-й, 12-й – 80 к., 13-й, 14-й, 15-й и 16-й – 50 к., входные – 30 к.

Члены Общества, внесшие членские взносы, получают билеты со скидкой 50%, но только в **Канцелярии О-ва** (Новинский бульвар, 103, от 11–4 ч.), а входные билеты (стоять) могут получать при входе.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО Памяти Вл. Соловьёва

20-го октября 1913 г. имеет быть публичное заседание Общества в «Польской библиотеке» (Мясницкая, Милютинский пер.). Заслушан будет реферат *С.М.Соловьёва*:

«Идея церкви в поэзии Владимира Соловьёва» (С прениями)

В прениях предполагается участие: С.Н. Булгакова, С.Н. Дурылина, Г.А. Рачинского, Ф.А. Степнуна, кн. Е.Н. Трубецкого.

Начало ровно в 8 часов вечера

Билеты продаются в книжных маг. Карбасникова
(Моховая)

Цены местам: 1-й, 2-й, 3-й ряд – 2 р., 4-й, 5-й – 1 р. 50 к., 6-й, 7-й, 8-й, 9-й – 1 р., 10-й, 11-й, 12-й – 80 к., 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й и 18-й – 50 к., входные – 30 к.

Члены Общества, внесшие членские взносы, получают билеты со скидкой 50%, но только **в Канцелярии О-ва** (Новинский бульвар, 103, от 11–4 ч.), а входные билеты (стоять) могут получить в день лекции с 7 час. при входе в зал бесплатно.

Идея церкви в поэзии Владимира Соловьёва

Тезисы

I

Вл. Соловьёв как христианский поэт. Влияние Жуковского, Пушкина и Фета. Природа у Тютчева и Вл. Соловьёва. Отношение Вл. Соловьёва к античности. Православное и гностическое понимание Софии. Любовь в поэзии Вл. Соловьёва. Идея церкви. Теократия и ее крушение.

II

Византизм, католичество и русское православие. Защита идеи третьего Рима против Вл. Соловьёва. Элементы теософии в стихах 90-х годов. Оправдание святоотеческого аскетизма. «Оправдание добра» и цикл стихов к Сайме. Das Ewig Weibliche. Лебединая песнь Вл. Соловьёва. – «Три свидания» и «Повесть об антихристе». Идея церкви как центр философии и поэзии Вл. Соловьёва.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО Памяти Вл. Соловьёва

14-го ноября 1913 г. имеет быть закрытое заседание Общества в квартире М.К. Морозовой (Новинский, 103). Заслушан будет доклад *Вячеслава Иванова*:

«О границах искусства»

I

Восхождение как принцип духовного пути и нисхождение как принцип художественного творчества.

II

Искусство и познание высших реальностей.

III

Проблема теургического начала в искусстве.

IV

О синтезе искусства.

По прочтении доклада состоится обсуждение его.

Начало заседания ровно в 8 часов вечера

Вход только по повесткам

Членов Общества, не внесших членские взносы, просят вносить таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Новинский бул. 103, Книгоиздательство «Путь») и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

1-го декабря 1913 г. имеет быть закрытое заседание Общества в квартире М.К. Морозовой (Новинский, 103). Заслушан будет доклад *Сергея Николаевича Дурылина*.

По прочтении доклада состоится обсуждение его.

Начало заседания ровно в 8 часов вечера

Вход только по повесткам

Членов Общества, не внесших членские взносы, просят вносить таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Новинский бул. 103, Книгоиздательство «Путь») и в перерывах заседаний.

Николай Семенович Лесков

Опыт характеристики личности и религиозного творчества

I. Свидетельства о Лескове. Ранние годы жизни. Храм, молитва и вера в жизни Лескова. «Злой ум» и «верно быющее сердце». Борьба с нигилизмом, ее смысл и значение для жизненного и творческого пути Лескова. Жажда полнообразия жизни. Монастырь и мир в душе. Создание «Соборян» и «На краю света». Лесков – писатель: язык, стиль, художественный метод, самосознание, как писателя. Чувство России у Лескова. Народность без народничества. Православие в личности и жизни Лескова. Знакомство и сношения со Львом Толстым. «Полунощники», «Зимний день» и «Некуда» толстовства. Рационалистический аскетизм последних лет жизни Лескова и борьба за единообразие личности и творчества. Лесков в русском искусстве и мысли.

II. Языкотворчество и легендотворчество Лескова. Нигилисты, праведники и святые в его творчестве. Идея безбожия – идея отпадения от человечности («Овцебык», «Шерамур»). Творчество в православии и православие в творчестве. Праведничество без Христа и христианство без имени Христова. («На краю света», «Гора», «Владычный суд» и др.). Христианство «малых сих». «В рабском виде Царь Небесный» («Соборяне», «На краю света», «Скоморох Памфилон», «Очарованный странник»). Облечение во Христа: личное и народное: – от жизни – к житию, от России – к Руси. Православие в силе и славе. Лицо и лик Христовы.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

11-го января 1914 г. имеет быть закрытое заседание Общества в квартире М.К. Морозовой (Новинский, 103). Заслушан будет реферат *Владимира Эрна*:

«Размышления о природе естественных наук»

I. Необходимо различать между **тоносом** науки и ее тезисами. Тонос науки **может** иметь большую ценность и тезисы никакой. Построение «научной» философии на ряде тезисов науки –

неправомерно. В самых тезисах науки необходимо различать две главных группы: тезисы естественных наук и тезисы науки о духе. В настоящем докладе говорится лишь о первых. Общая догматичность методов естествознания: отрицание качественной точки зрения. Частная догматичность естествознания. Критика индуктивного метода.

II. Основной «грех» естествознания заключается в онтологическом применении схемы механизма. Исследуется вопрос о совпадении *a priori* и *a posteriori* в естествознании. Трудность, которая заключена в этом вопросе, может быть разрешена удовлетворительно лишь философско-историческим путем, т.е. путем поставления в органическое единство природы и истории. Из идеи свободы выводится закономерная возможность той мнимой необходимости, которая царит в естественно-научных представлениях о природе.

По прочтении доклада состоится обсуждение его.

Начало заседания ровно в 8 часов вечера

При входе просят предъявлять повестки и расписываться

Членов Общества, не внесших членские взносы, просят вносить таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Новинский бул., 103, Книгоиздательство «Путь») и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

2-го февраля 1914 г. имеет быть закрытое заседание Общества. В Политехническом Обществе (Мясницкая, М. Харитоньевский пер., д. 4). Заслушан будет доклад *Сергея Николаевича Булгакова*:

«РУССКАЯ ТРАГЕДИЯ»

(О романах¹ Ф.М. Достоевского **Бесы**, по поводу его инсценировки в Московском Художественном театре).

Достоевский как трагик. «Бесы» как религиозная трагедия русской души, отрицательная мистерия «Книга о Христе» как основной замысел Достоевского, частично выполнившийся во всех его романах, в частности и в **Бесах**. Второстепенный производный характер его политических мотивов и литературных шаржей. Медиумичность, дурная женственность русской души, не определившей своего духовного центра, как центральная тема **Бесов**. Николай Ставрогин – медиум зла и Хромоножка – медиум добра. Личины небытия: загадка влияния Ставрогина на Кириллова, Шатова, Петра Верховенского. Соблазн Кириллова («человекобог»). Соблазн Шатова («народ – тело Божие»). Соблазн Петра Верховенского («Иван царевич», самозванец). Авантюризм жизни (Лиза) и жертвенная любовь (Даша). В чем исцеление? – положительная идея трагедии. Достоевский и «Бесы».

По прочтении доклада состоится обсуждение его.

Начало заседания ровно 7 ½ в часов вечера

При входе просят предъявлять повестки и расписываться

Членов Общества, не внесших членские взносы, просят вносить таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Новинский бул., 103, Книгоиздательство «Путь») и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

20-го апреля 1914 г. имеет быть **закрытое** заседание членов Общества в квартире М.К. Морозовой (Новинский, 103). Заслушан будет доклад *Б.Г. Столпнера*:

«Каббала как особый тип религиозного сознания»

¹ Так в тексте. – Прим. сост.

Начало заседания в 8 часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

Членов Общества, не внесших членские взносы, просят вносить таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Новинский бул., 103, Книгоиздательство «Путь») и в перерывах заседаний.

«Каббала как особый тип религиозного сознания»

I. Каббала (так же, как и предшествовавшие ей еврейские эзотерические учения) ошибочно смешивается с мистицизмом. Причиной этого смешения является неверное определение мистицизма.

II. Иудаизм неблагоприятен мистицизму, хотя, разумеется, в нем и имеются зародышевые элементы последнего.

III. Еврейская «тайная мудрость» (каббала) представляет собою гнозис. Она, подобно христианскому гностицизму, является смесью самых разнородных элементов, группирующихся вокруг учения о пути спасения.

IV. Спасение, путь к которому указывает каббала, не есть, как в христианском гностицизме, спасение человеком своей души; это – спасение человеком мира и Божества (Шехины). Теоретическою основою этой идеи спасения является учение о космическом значении человеческих поступков. Каббалистическая идея спасения порождает чрезвычайно своеобразный и напряженный религиозный пафос, и история каббалы являет собою в значительной степени процесс все более и более успешного пропитывания смеси разнородных элементов, из которых состоит ее периферия, религиозным смыслом и пафосом этой ее центральной идеи. Ярче всего это сказывается в эволюции учения о метемпсихозе.

V. Каббалистическое учение о спасении есть эзотерическая транспозиция экзотерического иудаизма.

VI. История каббалы не случайно, а совершенно неизбежно обрывается катастрофически. На смену ей приходит (XVIII в.) хасидизм, лишь с появлением которого мы получаем право говорить о еврейской мистике.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

19-го ноября 1914 г. имеет быть закрытое заседание Общества в квартире М.К. Морозовой (Новинский, 103). Заслушан будет доклад *А.М. Щербина*:

«Значение переживаемого момента для развития русской философской мысли»

Глубокий интерес в русском народе и в русской литературе к религиозным и нравственным проблемам. Наша духовная зависимость от мыслителей запада. Германия как классическая страна университетского образования. Германия последних десятилетий как оплот милитаризма. В Германии существует тесная связь между правительством и обществом, между университетской наукой и правительственной политикой. Преобладание техники в немецкой культуре и в немецкой науке. Две характерные особенности в развитии философской мысли в Германии. 1) Культ сильного государства: сила предшествует праву (для русского философа Вл. Соловьёва идеалом является свободная теократия). 2) Оторванность философии от жизни (для Л. Толстого наука должна быть подчинена религии; она имеет смысл лишь постольку, поскольку содействует воплощению в жизни нравственных идеалов). Прагматический взгляд на религию.

Продолжительная и всесторонняя зависимость нашей философской мысли от немецкой. Наши философские течения по большей части являются лишь копией направлений, существующих в Германии. Положительная и отрицательная стороны указанной зависимости. Необходимо избегать двух крайностей: преклонение пред всем немецким и пренебрежительного отношения к великим созданиям германского гения. Духовная свобода может быть куплена лишь дорогою ценою. Отечественная война вызвала пробуждение самобытной русской литературы. Великая мировая война должна вызвать расцвет самобытной русской философии. Глубокий интерес к религиозным и нравственным проблемам должен быть вполне осознан и продуман до конца. Великая задача

эта должна быть поставлена пред русскими университетами и русскими философскими сообществами.

По прочтении доклада состоится обсуждение его.

Начало заседания в 8 часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

15-го января 1915 г. имеет быть закрытое заседание Общества в квартире М.К. Морозовой (Новинский, 103), состоится беседа на тему:

«О нашем отношении к германской культуре»

Вступление в беседу сделает Вл.Ф. Эрн.

Начало заседания в 8 часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

Членам Общества, не внесшим членские взносы, просят внести таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Новинский бул., 103, Книгоиздательство «Путь») и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

8-го апреля 1915 г. имеет быть закрытое заседание Общества в квартире М.К. Морозовой (Новинский, 103). Заслушан будет реферат С.Н. Дурылина:

«Град Софии» Св. София и Царьград в русском народном религиозном сознании

Достоевский о значении Царьграда для России. – Обладание Царьградом как религиозная проблема. – Царьград и Св. София в русском народном религиозном сознании, выраженном в памятниках древней письменности и иконографии. – Два Царьграда: город Константина и град Софии. – Храм Софии как выражение религиозной идеи Царьграда. – Третий Рим не есть повторение Рима второго: наследование Русью религиозной идеи Византии; отношение Руси к государствованию Византии. – Создание Софийского храма и идея человечества как церкви. – «Сказание о Св. Софии» и его смысл; две Софии – Константина и Юстиниана. – Идея Софии, премудрости Божией в ее отношении к идеям храма Софии и литургии, совершаемой в храме. – Предания и хождения, относящиеся к Софии Царьградской. – Отношение русских и западных писателей к Софии Царьградской. – Идея Логоса в Софии. – Деятельность Св. Кирилла, первоучителя словенского и ее отношение к учению о Софии. – Что сделала Византия для идеи Софии и что передала Руси. – Создание образа Софии в русской иконографии. – Построение храмов Софии. – Характер русского религиозного служения Св. Софии. – «Повесть о взятии Царьграда» и ее религиозно-исторический смысл. – Падение Царьграда в оценке старорусских писателей. Выводы, сделанные из него. – Обладание Царьградом и религиозные задачи России. – Царьград должен быть русским: таков вывод, к которому пришло русское народное религиозное сознание. – Православие Руси и Св. София.

По прочтении реферата состоится обсуждение его.

Начало заседания в 8 часов вечера

Повестка без права передачи

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

Членам Общества, не внесшим членские взносы, просят вносить таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Новинский бул., 103, Книгоиздательство «Путь») и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

29-го ноября 1915 г. имеет быть закрытое заседание Общества. (Мертвый пер., д. 9). Заслушан будет доклад *С.Н. Дурылина*:

«Начальник тишины»

(Из летних впечатлений на Светлом озере и в Оптиной)

I

Россия и Русь: два образа, две судьбы, два бытия, два жребия.

Религиозная сущность Руси обнаруживается в эпоху исторических испытаний России.

Церковность Руси и взыскание Россией. – На Светлом озере в июне 1915 г. (Впечатления и встречи).

Твердыня духа и источник русской религиозно-исторической бодрости.

Война как религиозное испытание и духовное послушание. – Церковь невидимая.

II

В Оптиной в год войны. Старчество и его религиозно-организуемая сила. – Народное православие у его истока. – Церковь, как средоточие народного бытия. – Церковность народного сознания. – «Святой крепкий». – «Начальник тишины».

По прочтении реферата состоится обсуждение его.

Начало заседания в 8 часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

Членам Общества, не внесшим членские взносы, просят вносить таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Мертвый пер., д. 9) и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

17 декабря 1915 г. имеет быть закрытое заседание в помещении Общества (Мертвый пер., 9). Состоится беседа на тему:

«О религиозном смысле искусства»

Вступление в беседу сделает *Ю.К. Балтрушайтис* на тему:

«О сущности искусства и творческом долге художника»

Зачем и как искусство возникает из жизни?

Двойственный состав художественного творения. Видение мира в душе художника. Пробуждение от частной яви. Художественное творение как единственное посредствующее звено между человеком и миром. Искусство как зрелище тайны. Духовные права и внутренний долг художника. Искусство как творческий знак.

Зачем и как искусство возвращается в жизнь?

Значение художника в общей жизни духа?

Внутренний подвиг искусства и задачи времени.

По прочтении реферата состоится обсуждение его.

Начало заседания в 8 часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

Членам Общества, не внесшим членские взносы, просят внести таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Мертвый пер., д. 9) и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

17 янв. 1916 г. имеет быть закрытое заседание в помещении Общества. (Мертвый пер., д. 9). Заслушан будет доклад *С.Н. Булгакова*:

«СОФИЙНОСТЬ МИРА» (ФРАГМЕНТ)

1) Св. София как умопостигаемая основа мира. Умозрительное ее выражение в платонизме. София как мировая душа.

2) Материя как низшая основа мира. Ее природа (Платон, Аристотель, Плотин, Христианство)

3) Материя и тело. Принцип телесности. Тело материальное и тело духовное. Красота. Девство.

4) Природа зла: субстанциально или функционально зло? Зло и Софийность мира. Рождество Богородицы как ответ на поставленный вопрос. Католический догмат о непорочном зачатии.

По прочтении реферата состоится обсуждение его.

Ввиду продолжительности чтения начало заседания
ровно в 8 часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

Членам Общества, не внесшим членские взносы, просят внести таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Мертвый пер., д. 9) и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

14-го марта 1916 г. имеет быть закрытое заседание в помещении Общества (Мертвый пер., 9). Заслушан будет доклад *Т.Р. Мицинского*:

«Польский мессианиззм»

Призвание польского народа: найти высший духовный тон жизни – в поэзиях Красинского, Мицкевича, Словацкого, Норвида (1840–1860); у философов Вронского и Цешковского (1840–1880). Славянофильский идеализм (Сташиц, 1791–1830), Мицкевич, Здеховский, Спасович и иные.

Идея возрождения польского народа в драмах Выспянского и в критике Щепановского, Виткевича, Бжозовского и др. (1898–1916 г.).

Начало заседания в 8 часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

Членам Общества, не внесшим членские взносы, просят внести таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Мертвый пер., д. 9) и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

25-го марта 1916 г. имеет быть закрытое заседание в помещении Общества (Мертвый пер., 9). Заслушан будет доклад *Н.В. Устрялова*:

«Национальная проблема у первых славянофилов»

Постановка национальной проблемы. Раннее славянофильство, его исторические корни. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский.

Три линии мыслей в учении славянофилов о нации. Связь этих трех линий с тремя основными систематическими вопросами философии нации.

Первая линия мыслей. Вопрос о сущности нации и об отношении народного к общечеловеческому. Славянофильство как «национальный миссионизм». Идея формального равноправия всех народов перед лицом Божиим.

Вторая линия мыслей. Учение славянофилов о конкретных исторических народах. «Восток» и «Запад». Историческая миссия Славянства и России. Сопоставление теории «миссионизма» с учением славянофилов о вселенском призвании России. Отсутствие противоречия и отсутствие связи между первой и второй идейными тенденциями славянофильства.

Третья линия мыслей. Вопрос о взаимоотношении народностей. Двойственность в славянофильском отношении к войне: вера в слово и вера в меч. Теория «святой брани» и «Божьего меча» как окончательная формулировка третьей идейной тенденции славянофильства. Совместность третьей тенденции с первыми двумя.

Логическая стройность классического славянофильства и проблема его позднейшего «разложения».

По прочтении реферата состоится обсуждение его.

Начало заседания ровно в 8 часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

Членам Общества, не внесшим членские взносы, просят вносить таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Мертвый пер., д. 9) и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

30 марта 1916 г. имеет быть публичное заседание в Политехническом Обществе (Мясницкая, М. Харитоньевский пер., д. 4).

ПРОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ:

Доклад Вяч. Ив. ИВАНОВА

«ЧЕЛОВЕК»

**Размышления о существе и назначении, отпадении
и божественном возсыновлении человека**

Изложение будет сопровождаться сообщением стихотворных отрывков из лирической трилогии докладчика: «ЧЕЛОВЕК».

I. Аз есмь

1) ЧЕЛОВЕК как микрокосм. – Отрыв человека от природы. – Уединенное сознание человека. – Сознание во Христе.

2) ДЕННИЦА (Люцифер). – Миф о Деннице. – Узурпация божественного «Аз есмь». – Денница и Адам.

II. Ты еси

«Ты еси», как начало 1) любви, 2) религии и 3) соборности.

III. Два града

1) Предстоящее завершение Града Земного.

2) Генесис и строение Града Божия на земле.

По окончании доклада состоится беседа.

В беседе примут участие: **Ю.К. Балтрушайтис, С.Н. Булгаков, Б.П. Вышеславцев, С.Н. Дурьлин, Г.А. Рачинский, Л.В. Успенский и В.Ф. Эрн.**

Начало в 8 часов вечера

Билеты продаются в книжных магазинах: Карбасникова (Моховая). В день лекции с 7 часов при входе в зал.

Цены местам: 1-й – 2 р., 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й – 1 р. 50 к., 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й – 1 р., 12-й, 13-й, 14-й – 80 к., 15-й, 16-й – 50 к., входные – 30 коп.

Члены Общества, внесшие членские взносы, получают билеты со скидкой 50%, но **только в Канцелярии Общества**, (Мертвый пер., дом 9, от 11–4 ч.). При покупке билетов в день заседания при входе в зал никакой скидки с цен билетов членам Общества производиться не будет.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

28-го октября 1916 г. имеет быть закрытое заседание в помещении Общества (Мертвый пер., 9). Состоится беседа.

Вступление в беседу сделает А.А. Сидоров на тему:

«Икона и Картина»

Спорные вопросы об иконописи и религиозной живописи в теории и практике искусства.

Вопросы методологии и терминологии.

Возможные точки зрения на Иконопись прежде и теперь. Принципиальная разница между Иконописью и Живописью. Проблема Картины. Икона как предмет исторического исследования.

Происхождение Иконы: ее источники и развитие. Икона как предмет религиозного почитания и эстетической оценки. Икона как продукт времени и национальности. Задачи Иконографии.

Начало заседания в 8 часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

Членам Общества, не внесшим членские взносы, просят внести таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Мертвый пер., д. 9) и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

4-го ноября 1916 г. имеет быть закрытое заседание в помещении Общества (Мертвый пер., 9). Заслушан будет реферат *Л.И. Шестова*:

«Право на истину»

(По поводу книги Вяч. Иванова «Борозды и межи»)

Задача книги В. Иванова – выработать единое мирозерцание. Литературная характеристика В. Иванова.

Его отношение к Толстому и Достоевскому. Шиллер как предтеча художников дифирамба и дионисийского действия. Шиллер и Пушкин пред судом нынешней и будущей гносеологии.

Западничество в новейшей русской литературе. Идеи Нитше о трагедии в истолковании В. Иванова. Спор онтологизма с психологизмом. Истина и упадничество. Заключение.

Начало заседания в 8 часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

Членам Общества, не внесшим членские взносы, просят внести таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Мертвый пер., д. 9) и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

13-го ноября 1916 г. имеет быть закрытое заседание в помещении Общества (Мертвый пер., 9), посвященное памяти К.Н. Леонтьева по случаю 25-летия со дня его кончины († 12 ноября 1891 г.).

Программа заседания:

Вступительное слово Председателя Общества *Г.А. Рачинского*.

Речи:

Протоиерея Г. ФУДЕЛЯ, К. Леонтьев и Вл. Соловьёв, в их взаимных отношениях.

С.Н. ДУРЫЛИНА. Писатель-послушник.

С.Н. БУЛГАКОВА. Победитель-побежденный (Судьба Леонтьева).

Начало ровно в 8 часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

Членам Общества, не внесшим членские взносы, просят внести таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Мертвый пер., д. 9) и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

30-го ноября 1916 г. имеет быть закрытое заседание в помещении Общества (Мертвый пер., 9). Заслушан будет доклад *Б.Н. Бугаева*:

«Александрийский период и мы в освещении проблемы “Восток и Запад”»

Чем был «Запад, собственно». Мысль древнего и позднего грека; Восток.

Александрийский период; Отношение Александрии к Греции и Риму. Философия «покровения». Александрия и гуманизм.

Восток или Запад.

Философия интуиции. Гностицизм, манихейство. Храм интуиции – человек. Теология – Легенда о Круглом Столе.

Персеваль.

История Философии как строительство храма мысли.

София.

Начало заседания в 8 часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

Членам Общества, не внесшим членские взносы, просят внести таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Мертвый пер., д. 9) и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

10-го января 1917 г. имеет быть закрытое заседание в помещении Общества (Мертвый пер., 9). Заслушан будет доклад *Л.В. Успенского*:

«О компромиссе в морали»

Абсолютность морального принципа и относительность человеческих целей. Положение цель оправдывает средство и моральный ригоризм. Иезуитические и ригористические моменты в этике Канта. Проблема последней цели и проблема морального повторения. Мораль и религия. Кодекс морали и индивидуаль-

ность поступка. Единообразие моральной нормы. Моральное условие и юридический факт. Моральное противоречие. Необходимость компромисса. Произвольное и моральное в юридической норме. «Правосудие» права. Его компромиссный характер и этическое оправдание компромиссных норм.

Начало заседания в 8 часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

Членам Общества, не внесшим членские взносы, просят внести таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Мертвый пер., д. 9) и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

27-го января 1917 г. имеет быть публичное заседание в Синодальном училище (Б. Никитская, 14).

ПРОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ:

Доклад кн. Е.Н. ТРУБЕЦКОГО

«Мировая бессмыслица и мировой смысл»

I

Бессмыслица существования

Порочный круг как выражение бессмыслицы. Представление об аде и интуиция порочного круга. Порочный круг и действительная жизнь: изображение его в религиозных и философских учениях. Порочный круг в мире неорганическом; жизненный круг. Порочный круг в жизни человека и человечества. Три ступени бессмыслицы: отсутствие смысла, отрицание смысла, порождение смысла. Бессмыслица в жизни государств и народов. Переход круга биологического в демонический порочный круг.

II

Жизненная суета и требование смысла

Сознание бессмыслицы и реальная точка опоры внепорочного круга. Ощущение бессмыслицы как свидетельства о смысле. **«Породие на смысл»** как оборотная сторона интуиции смысла. Страдание о человеке и интуиция его царственного достоинства. Порочный круг и интуиция иного плана бытия. Вещий сон о горнем полете и его спор с действительностью. Спор двух планов бытия в религиозном сознании. Неудача двух жизненных путей. Скрещение жизненных линий и вытекающая отсюда постановка вопроса о смысле жизни.

III

Мировой смысл

Смысл жизни как неустранимое ее предположение. Неопровержимость интуиции смысла. Вопрос о смысле жизни как вопрос о кресте. Всеединный смысл жизни – по ту сторону верха и низа: его крестообразное откровение. Откровение полноты смысла в предельном страдании. Единственно возможный выход из порочного круга. Оправдание человека и мира. Откровение всемирного смысла в стихах «о Книге Голубиной».

По окончании доклада состоится беседа.

В беседе примут участие: **Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Андрей Белый, С.Н. Дурылин, Вяч.И. Иванов, Г.А. Рачинский, и В.Ф. Эрн.**

Начало в 8 часов вечера

Билеты продаются в книжных магазинах: Карбасникова (Моховая). В день лекции с 7 часов при входе в зал.

Цены местам: 1-й – 3 р., 2-й, 3-й, 4-й, 5-й – 2 р., 6-й, 7-й, 8-й, 9-й – 1 р. 50 к., 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й, 18-й, 19-й, 20-й – 1 р., входные – 30 коп.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

6-го февраля 1917 г. имеет быть закрытое заседание в помещении Общества (Мертвый пер., 9). Заслушан будет доклад *П.П. Блонского*:

«Кн. С.Н. Трубецкой и философия»

Причины интереса кн. С.Н. Трубецкого к истории философии. Взгляд на отношение философии к религии. «Метафизика в древней Греции». «Курс древней философии». «Учение о Логосе». Кн. С.Н. Трубецкой и древнехристианские историки философии. Проблема кризиса западной философии у русских философов. Ранняя статья кн. С.Н. Трубецкого о природе человеческого сознания как наиболее характерная. Что такое философия? «Основания идеализма». Христианская философия. Неоплатонизм. Кн. С.Н. Трубецкой как учитель истории философии и философ. Значение его философского дела.

Начало заседания в 8 часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

Членам Общества, не внесшим членские взносы, просят вносить таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Мертвый пер., д. 9) и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

24-го февраля 1917 г. имеет быть закрытое заседание в помещении Общества (Мертвый пер., 9). Заслушан будет доклад *Н.С. Арсеньева*:

«Мистицизм и лирика» **(Из области средневековой мистической поэзии Запада)**

I. «Любовь не может молчать» (генезис мистической лирики). Свидетельства мистиков о невыразимости мистических переживаний. И тем не менее иногда интенсивная мистическая жизнь изливается и наружу. «Внутренняя песнь» души и ее внешняя фиксация. (Свидетельства у Сузо, у биографов Франциска Ассизского, у Р. Ролля, Екатерины Генуэзской, Якопоне да Тоди и др.).

II. Влияние «песнь Песней» на мистическую поэзию Средних Веков. **Повесть искания** душою Возлюбленного (мистическая лирика у Раймунда Люллия, Мехтильды Магдебургской, Хуана де ла Круз и др.).

III. **Обретение Возлюбленного** и радость общения с ним в мистической поэзии Средних Веков.

IV. **Кто – Возлюбленный души?** Объект мистического устремления души воспринимается как абсолютная Реальность как максимум красоты, величия и силы, выявляется в различных образах. Распятый Христос и средневековая мистическая поэзия (примеры из Сузо, Якопоне да Тоци, Филиппа де Грев и др.).

Начало заседания ровно в 7 ½ часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

Членам Общества, не внесшим членские взносы, просят внести таковые в канцелярии Общества от 11–1 ч. (Мертвый пер., д. 9) и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
Памяти Вл. Соловьёва

15-го апреля 1917 г. имеет быть открытое заседание в Богословской аудитории Московского университета (Моховая, новое здание Университета).

Вход по билетам

Будут произнесены речи на тему о новой России
**С.Н. Булгаковым, С.Н. Дурылиным, А.А. Евдокимовым,
Г.А. Рачинским, Кн. Е.Н. Трубецким и В.М. Турбиным.**

Начало заседания в 7 ½ часов вечера

Членам Общества билеты будут выдаваться в канцелярии Общества (Мертвый пер., д. 9) 10, 11 и 12 апреля от 11 утра до 3 час. дня, а с 13-го апреля оставшиеся билеты будут выдаваться лицам и не состоящим членам Общества.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

26-го апреля 1917 г. имеет быть закрытое заседание в помещении Общества (Мертвый пер., 9).

СОСТОИТСЯ БЕСЕДА.

Вступление в беседу сделает священник

о. ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

на тему:

«О религиозных задачах, стоящих перед новой Россией»

Начало заседания в 7 ½ часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

Членам Общества, не внесшим членские взносы, просят вносить таковые в канцелярию Общества от 11–1 ч. (Мертвый пер., д. 9) и в перерывах заседаний.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

19-го мая 1917 г. имеет быть открытое заседание в Богословской аудитории Московского университета (Моховая, новое здание Университета), посвященное памяти скончавшегося члена Совета Общества **Владимира Францевича Эрна**.

Будут произнесены речи: **Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, С.Н. Дурылиным, о. С. Соловьёвым, Г.А. Рачинским, Кн. Е.Н. Трубецким, В.М. Турбиным и о. П. Флоренским.**

Начало ровно в 7 часов вечера

Вход по билетам, цена билетам от 5 р. — 30 к. Билеты продаются в кн. маг. Карбасникова (Моховая) и в «Науке» (Никитская).

Для настоящего заседания обычной скидки с цены билетов для членов Общества производиться не будет.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

18-го октября 1917 г. имеет быть закрытое заседание в помещении Общества (Мертвый пер., 9).

СОСТОИТСЯ БЕСЕДА

Вступление в беседу сделает **А.М. ЛАДЫЖЕНСКИЙ**

на тему:

«Революция и русское национальное самосознание»

Начало заседания ровно в 7 часов вечера

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

11 янв. 1918 г.¹ имеет быть закрытое заседание в помещении Общества (Мертвый пер., 9). Заслушан будет доклад *Вячеслава Ивановича Иванова*:

«Происхождение трагедии»

Начало заседания в 7 часов вечера²

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Памяти Вл. Соловьёва

14 янв. 1918 г. имеет быть публичное заседание в физической аудитории Московского Университета (Моховая, старое здание Университета)³.

**Заслушан будет доклад князя
Е.Н. ТРУБЕЦКОГО**

«Россия в ее иконе»

**Показаны будут в световых картинах произведения
Русской иконописи 14, 15 и 16 вв.**

Начало заседания ровно в 3 ч. дня

¹ Здесь и далее дата впечатана поверх пустого места в повестке. — *Прим. сост.*

² Время заседания написано от руки поверх печатного «3 часа дня». — *Прим. сост.*

³ Поверх строки написан от руки другой адрес «Коммерч. Инстит. Б. Серп. Стремянный пер., 28». — *Прим. сост.*

Члены Общества могут получать билеты в Канцелярии О-ва; оставшиеся билеты поступят в продажу в день лекции, при входе в Аудиторию, с 2 ч. дня.

Цены билетам 1 р. Входные 30 коп.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
Памяти Вл. Соловьёва

11 фев. 1918 ст./ст. имеет быть закрытое заседание в помещении Общества (Мертвый пер., 9). Заслушан будет доклад *Сергея Николаевича Дурылина*:

**«Исповедник Руси.
Из религиозных и национальных воззрений
Вл.А. Кожевникова»**

Начало заседания в 2 ½ часа дня

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

После прочтения доклада состоится беседа.

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
Памяти Вл. Соловьёва

18 фев. 1918 ст./ст. имеет быть открытое заседание в Большой Соборной палате Епархиального дома (Каретный ряд, Лихов пер., д. 6). Заслушан будет доклад князя *Е.Н. Трубецкого* на тему:

«Откровение Божьего дня»

Начало ровно в 3 часа дня

Вход по повесткам

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
Памяти Вл. Соловьёва

29 апр. 1918 ст./ст. имеет быть закрытое заседание в помещении Общества (Мертвый пер., 9). Заслушан будет доклад *Сергея Николаевича Дурылина*:

«Апокалипсис и Россия»

После прочтения доклада состоится беседа.

Начало заседания в 2 ½ часа дня

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

* * *

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
Памяти Вл. Соловьёва

3 июн. 1918 ст./ст. имеет быть закрытое заседание в помещении Общества (Мертвый пер., 9). Заслушан будет доклад *Сергея Николаевича Булгакова*:

**«На пиру богов»
(Современные диалоги)**

Начало заседания в 2 ½ часа дня

ПОВЕСТКА БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

При входе обязательно предъявлять повестки
и расписываться

ЗА СВОБОДУ! (ВАРШАВА, 1924)¹
РОСПИСЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ МАТЕРИАЛОВ
Сост. О.А. Коростелёв

Д. Философов. Два доклада // За свободу! 1924. 1 января. № 1 (1056). С. 2.

Доклады Е.Д. Кусковой и С.П. Мельгунова в Праге и Берлине.

Борис Савинков. Об одном «Иванушке-дурачке» // За свободу! 1924. 1 января. № 1 (1056). С. 2.

О В.В. Шульгине и его книге «1920 год».

Ант. Домбровский. Окно в моей комнате // За свободу! 1924. 1 января. № 1 (1056). С. 2–3.

Этюд.

Ф.Ф. Зелинский. «Красная наука» // За свободу! 1924. 3 января. № 2 (1057). С. 2–3.

Перепечатка приложения к статье Д. Лутохина «Советская цензура» («Архив русской революции», № 12).

Д. Философов. Польша на распутьи // За свободу! 1924. 4 января. № 3 (1058). С. 2.

У Польши нет русской политики.

¹ Продолжение. Начало см. в № 26.

Доктор Крупов. Об одном «историческом» недоразумении // *За свободу!* 1924. 5 января. № 4 (1059). С. 2.

По поводу статьи А. Олара «Две революции» («Воля России», № 20).

Д. Ф. [Философов Д.В.]. Православная церковь или политическая пропаганда? // *За свободу!* 1924. 5 января. № 4 (1059). С. 2–3.

Предисловие к перепечатке фрагментов статьи Владимира Дворжачека «Православная церковь или политическая пропаганда?» из «Газеты Варшавской» от 30 декабря 1923 г.

Д. Философов. Славянская культура // *За свободу!* 1924. 6 января. № 5 (1060). С. 2.

Собрание варшавского Общества славянской культуры и искусства.

У Горького // *За свободу!* 1924. 7 января. № 6 (1061). С. 2.

Краткий пересказ интервью, взятого у Горького неназванным пражским журналистом в Мариенбаде.

Р. Лепешка // *За свободу!* 1924. 7 января. № 6 (1061). С. 2.

Мемуарный рассказ: Новый год в гражданскую под Красноярском.

Тэффи. Харя № 1924 или парижский Новый год // *За свободу!* 1924. 7 января. № 6 (1061). С. 2.

Перепечатка из «Сегодня».

Мария Рафалович. Тайна // *За свободу!* 1924. 7 января. № 6 (1061). С. 2–3.

Рассказ.

Холерик. Сысой // *За свободу!* 1924. 7 января. № 6 (1061). С. 3.

Фельетон о «Семейном календаре О. Дьяковой» на 1924 год.

Литературная хроника

Е. Ш. [Шевченко Е.С.]. Литературное известие // *За свободу!* 1924. 7 января. № 6 (1061). С. 4.

Новое польское периодическое издание – «Вядомости литерацки».

Завещание Марии Башкирцевой // За свободу! 1924. 9 января. № 7 (1062). С. 2.

Пьер Бораль опубликовал в «Тан» набросок завещания Марии Башкирцевой.

Маленький фельетон

А. Ф. Валоризационная задача // За свободу! 1924. 10 января. № 8 (1063). С. 2.

О переходе на иностранную золотую валюту.

С. Мельгунов. Несколько слов о процессе Конради // За свободу! 1924. 11 января. № 9 (1064). С. 2–3.

Перепечатка из книги Мельгунова «Красный террор в России» (Берлин: Ватага, 1924).

Александр К-ов. Об эмигрантской политике // За свободу! 1924. 11 января. № 9 (1064). С. 2.

Эмиграция неспособна объединиться.

В. Унковский. Письмо из Югославии: Лидер монархистов // За свободу! 1924. 12 января. № 10 (1065). С. 2.

Фельетон об эмигрантских политиках.

Д. Философов. Сказания иностранцев о России // За свободу! 1924. 12 января. № 10 (1065). С. 2–3.

Статьи Чарльза Сароли «Развитие большевизма» в «Prager Presse» от 4 января, фон Фосса (Ганса Форста) «Кризис русской коммунистической партии» в «Берлинер Тагеблатт» от 5 января, проф. Гетча «Проблемы советской России» в «Neue Freie Presse» от 6 января.

По Геродоту / С франц. перев. З. Ж. [Журавская З.Н.] // За свободу! 1924. 13 января. № 11 (1066). С. 2.

Рассказ (без указания автора).

Маленький фельетон

Цинк. Сдача // За свободу! 1924. 13 января. № 11 (1066). С. 2.

О проблемах валоризации.

М. Арцыбашев. Записки писателя. X. О революции, о правде, о г-же Кусковой и о самом себе // *За свободу!* 1924. 14 января. № 12 (1067). С. 1–2.

О реакции Философова и Кусковой на статью Арцыбашева «Завоевания революции».

М. Цветаева. Москва («Москва! Какой огромный...») // *За свободу!* 1924. 14 января. № 12 (1067). С. 2.

Перепечатка стихотворения из «Огней».

Н. Васин. Кладбище книг (Из воспоминаний) // *За свободу!* 1924. 14 января. № 12 (1067). С. 3.

Конфискация книг большевиками в Екатеринославе и неумение ими распорядиться в 1920 г.

Е. Шевченко. Нечто о театре // *За свободу!* 1924. 14 января. № 12 (1067). С. 3.

По поводу статьи Станислава Сталинского в «Вядомостях литератских» о советском театре.

Д. Философов. Тихие слова // *За свободу!* 1924. 15 января. № 13 (1068). С. 2.

Макдональд о мире в Европе и агрессивные статьи во французской прессе.

Д. Философов. В трещине // *За свободу!* 1924. 17 января. № 15 (1070). С. 2.

По поводу статьи Арцыбашева «О революции, о правде, о г-же Кусковой и о самом себе».

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. Государственный язык // *За свободу!* 1924. 17 января. № 15 (1070). С. 2.

Русский язык как третий дипломатический (после французского и английского).

Доктор Крупов. «Во имя марксизма» // За свободу! 1924. 18 января. № 16 (1071). С. 2.

О статье Ем. Ярославского «Во имя марксизма» («Правда» от 5 января 1924 г.) и переименованиях российских поселков и городов в Первомайск, Советск и Розу Люксембург.

С.П. Мельгунов. Красный террор в России // За свободу! 1924. 19 января. № 17 (1072). С. 2–3; 20 января. № 18 (1073). С. 2–3.

Перепечатка предисловия к книге.

Ант. Домбровский. На креслах // За свободу! 1924. 20 января. № 18 (1073). С. 3.

Этюд.

А. Дикгоф-Деренталь. Не в этом дело! // За свободу! 1924. 21 января. № 19 (1074). С. 1.

Фельетон о признании Советской республики иностранными державами.

Альфонс Додэ. Тюркос коммуны / С французского пер. З. Ж. [Журавская З.Н.] // За свободу! 1924. 21 января. № 19 (1074). С. 2.

Рассказ.

А. Амфитеатров. Записная книжка // За свободу! 1924. 21 января. № 19 (1074). С. 2.

О большевиках и коммунистах.

К. Парчевский. Гумилев в Париже. Неизданные стихотворения // За свободу! 1924. 21 января. № 19 (1074). С. 2.

Перепечатка из «Звена» (в тексте стихотворение Гумилева «Вдали от бранного огня...»).

В. П. [Португалов В.В.]. [Рец.:] Архив русской революции. Т. XII // За свободу! 1924. 21 января. № 19 (1074). С. 2–3.

Студенческие годы. Октябрь–ноябрь 1923 г. Прага // За свободу! 1924. 21 января. № 19 (1074). С. 3.

Анонс.

Воля России. Январь 1924 г. Книга 1–2 // За свободу! 1924. 21 января. № 19 (1074). С. 3.
Анонс.

В. П. [Португалов В.В.]. Ленин-Ульянов // За свободу! 1924. 23 января. № 21 (1076). С. 1.
По поводу смерти Ленина.

А. Степняков. Памяти В.В. Стасова (К 100-летию со дня рождения): Письмо из Праги // За свободу! 1924. 23 января. № 21 (1076). С. 2.

Доклад Н.П. Кондакова памяти В.В. Стасова в пражском Институте истории искусств.

Маленький фельетон
Грин. Одно из открытий 20 века // За свободу! 1924. 23 января. № 21 (1076). С. 2.

Положение русской эмиграции и анкета Лиги наций о прекращении работорговли.

Демьян Бедный. Чья правда «правдистее»? («Во времена оны...») // За свободу! 1924. 23 января. № 21 (1076). С. 2–3.
Стихотворный фельетон, перепечатанный из «Правды» от 11 января.

В. П. [Португалов В.В.]. После Ленина // За свободу! 1924. 24 января. № 22 (1077). С. 2.
Политический прогноз.

Д. Философов. Сумерки богов // За свободу! 1924. 25 января. № 23 (1078). С. 2.
По поводу смерти Ленина.

Д. Философов. Елка Ленина // За свободу! 1924. 26 января. № 24 (1079). С. 2.
О советском правительственном сообщении по поводу рождественской елки для детей у Ленина.

Маленький фельетон

Грин. Об обедах... // За свободу! 1924. 26 января. № 24 (1079). С. 3.

Казенные «магистратские» обеды из отбросов.

Ш. Гг. Франк и Струве о русской революции // За свободу! 1924. 28 января. № 26 (1081). С. 2.

Статьи Франка и Струве в «Русской мысли» № VI–VIII.

Вентура Гарсия Кальдерон. Дон Видаль Саманец / Перев. З. Журавская // За свободу! 1924. 28 января. № 26 (1081). С. 2.
Рассказ.

Маленький фельетон

Грин. Об отелях / Перев. З. Журавская // За свободу! 1924. 28 января. № 26 (1081). С. 2.

Дороговизна варшавских гостиниц из-за отчислений в пользу магистрата.

Ив. Бунин. «Зарос крапивой и бурьяном...» / Перев. З. Журавская // За свободу! 1924. 28 января. № 26 (1081). С. 3.

Перепечатка стихотворения из «Русской мысли» № VI–VIII.

Всеволод Байкин. Мой тост? («Вы живы, божества Эллады...») / Перев. З. Журавская // За свободу! 1924. 28 января. № 26 (1081). С. 3.

Стихотворение.

Всеволод Байкин. Мой тост? («Вы живы, божества Эллады...») / Перев. З. Журавская // За свободу! 1924. 28 января. № 26 (1081). С. 3.

Стихотворение.

Рецензии

[Б.н.] *Крестовская Л.* Опустошенные. Роман. Париж: Изд-во Поволоцкого // За свободу! 1924. 28 января. № 26 (1081). С. 3.

[Б.н.] *Бабов А.* Возродится Россия. Константинополь, 1924 // За свободу! 1924. 28 января. № 26 (1081). С. 3.

Ск. Художественная литература в России // За свободу! 1924. 28 января. № 26 (1081). С. 3.

Перепечатка из «Руля».

Антон Крайний. [Гиппиус З.Н.]. Мешок с кислородом // За свободу! 1924. 29 января. № 27 (1082). С. 2.

Вопрос о признании советской власти европейскими державами.

В. П. [Португалов В.В.]. +М.В. Родзянко // За свободу! 1924. 29 января. № 27 (1082). С. 2.

Некролог.

Д. Философов. Семья Стасовых (Времена доисторические) // За свободу! 1924. 29 января. № 27 (1082). С. 2–3; 30 января. № 28 (1083). С. 2–3; 1 февраля. № 30 (1085). С. 2–3.

Н.П. Кондаков к столетию В.В. Стасова в № 21 «За свободу!».

Б. Савинков. О признании коммунистов // За свободу! 1924. 30 января. № 28 (1083). С. 1.

И с признанием и без признания коммунисты пройдут свой путь.

Вл. Гриненко. В дни красного траура (Первые впечатления в Совдепии) // За свободу! 1924. 30 января. № 28 (1083). С. 2.

Очерк.

В.Л. Бурцев о Ленине // За свободу! 1924. 1 февраля. № 30 (1085). С. 2.

Русский текст статьи Бурцева «Смерть предателя Ленина», опубликованной в парижской «Victoire».

Маленький фельетон

Уайт. О кондоленциях // За свободу! 1924. 2 февраля. № 31 (1086). С. 2.

О циничных соболезнованиях иностранных политиков по поводу смерти Ленина.

А. Дикгоф-Деренталь. Папин сын // За свободу! 1924. 2 февраля. № 31 (1086). С. 2–3.

Рассказ.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XI. Смерть Ленина // За свободу! 1924. 4 февраля. № 32 (1087). С. 1–3.

Вопрос о признании советской власти европейскими державами.

З. Гиппиус. Из южных стихов: Сумерки («Качаются на луне...») // За свободу! 1924. 4 февраля. № 32 (1087). С. 2.

Перепечатка стихотворения из «Современных записок», кн. XVIII.

Ученые и поденщик // За свободу! 1924. 4 февраля. № 32 (1087). С. 2.

Перепечатка из «Агады», составленной И.Х. Равницким и Х.Н. Бяликом и выпущенной издательством С.Д. Зальцмана в Берлине.

А. Ремизов. Из «Ростани» // За свободу! 1924. 4 февраля. № 32 (1087). С. 3.

Перепечатка из «Воли России» № 1/2.

Отзывы о книгах

В. П. [Португалов В.В.]. [Рец.:] *Дионео.* Англия после войны. Прага: Пламя, 1924 // За свободу! 1924. 4 февраля. № 32 (1087). С. 3.

Современные записки. Книга XVIII // За свободу! 1924. 4 февраля. № 32 (1087). С. 3.

Анонс.

Д. Философов. Полковник Ладнов // За свободу! 1924. 6 февраля. № 34 (1089). С. 2.

Книга Евгения Ладнова и его интервью «Речи Посполитой» о газете «За свободу!» и Философове.

Сторонний наблюдатель. Парижские письма: «Юманите» в слезах. – Легенды о Ленине. – Философия истории в театральной рецензии // За свободу! 1924. 6 февраля. № 34 (1089). С. 2.

Левая французская пресса о смерти Ленина.

В. Португалов. «Богдановщина» // За свободу! 1924. 8 февраля. № 36 (1091). С. 2–3.

А.А. Богданов и «богдановцы».

Анатолий Ган. Гибель Николаевска // За свободу! 1924. 9 февраля. № 37 (1092). С. 2–3; 13 февраля. № 41 (1096). С. 2–3.

«Из выходящей на днях книги» А.Я. Гутмана (Анатолий Ган) «Гибель Николаевска на Амуре» (Берлин: Русский экономист, 1924).

Др. Кр. На лету // За свободу! 1924. 10 февраля. № 38 (1093). С. 2. Интервью с Горьким о большевиках и сообщение в «Руле» о разводе Есенина с Дункан.

Ант. Домбровский. «Сумерки» // За свободу! 1924. 10 февраля. № 38 (1093). С. 2–3; 12 февраля. № 40 (1095). С. 2–3. Рассказ.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XII. Советский паспорт // За свободу! 1924. 11 февраля. № 39 (1094). С. 1–3. Англия признала советское правительство.

Маленький фельетон
К. Шестопал. Земля обетованная (Американско-советская быль) // За свободу! 1924. 11 февраля. № 39 (1094). С. 2. Возвращение из Америки с заработков в Россию.

Атов. «Наскучили так мерные слова...» // За свободу! 1924. 11 февраля. № 39 (1094). С. 2. Стихотворение.

Ропшин-Савинков как беллетрист // За свободу! 1924. 11 февраля. № 39 (1094). С. 3.

Лекция Л. Козловского «Трагедия русской души в произведениях Бориса Савинкова (В. Ропшин» в Польском артистическом клубе).

Былина о славном работнике Госиздате Мещеряковиче // За свободу! 1924. 11 февраля. № 39 (1094). С. 3. Перепечатка из «Красного перца».

Отзывы о книгах

В. [Рец.:] Булгаков В. Толстой-моралист. Прага: Пламя, 1923 // За свободу! 1924. 11 февраля. № 39 (1094). С. 3.

В. [Рец.:] Толстой Л.Л. В Ясной Поляне. Правда об отце и его жизни. Прага: Пламя, 1923 // *За свободу!* 1924. 11 февраля. № 39 (1094). С. 3.

Др. Кр. Траурный балаган // *За свободу!* 1924. 14 февраля. № 42 (1097). С. 2.

Советская печать о смерти Ленина.

Вл. Гриненко. По серой дороге // *За свободу!* 1924. 14 февраля. № 42 (1097). С. 2–3; 22 февраля. № 50 (1105). С. 2–3.
Этюд.

Архив русской эмиграции в Праге // *За свободу!* 1924. 14 февраля. № 42 (1097). С. 2.

Информация с совещания 12 января 1924 г. по вопросу реорганизации архива.

Маленький фельетон

Еретик. Святые и грешные // *За свободу!* 1924. 15 февраля. № 43 (1098). С. 2.

О двух враждующих варшавских комитетах.

Анатоль Франс. Мария Багратион // *За свободу!* 1924. 15 февраля. № 43 (1098). С. 2; 16 февраля. № 44 (1099). С. 2.

Перепечатка из «Воли России».

Обломок крушения / С французского перев. З. Журавская // *За свободу!* 1924. 17 февраля. № 45 (1100). С. 2.

Рассказ (без указания автора).

М. Арцыбашев. Записки писателя. XIII. «Истошный вопль» // *За свободу!* 1924. 18 февраля. № 46 (1101). С. 1–3.

О полемике, вызванной статьей З.Н. Гиппиус «Полет в Европу» в «Современных записках».

Атов. «В холодно-отраженном свете...» // *За свободу!* 1924. 18 февраля. № 46 (1101). С. 3.

Стихотворение.

В дни кончины Льва Толстого // *За свободу!* 1924. 19 февраля. № 47 (1102). С. 2.

Перепечатка из «Красного архива» переписки тамбовского губернатора Муратова с моршанским предводителем дворянства гр. Бенкендорфом.

Старый театрал. «На капусту потянуло». Премьера в театре Розмаитости. «Взбунтовавшаяся», пьеса в 4 актах г-на Фрондэ, пер. Стагеньской // *За свободу!* 1924. 19 февраля. № 47 (1102). С. 2.

Перепечатка из «Красного архива» переписки тамбовского губернатора Муратова с моршанским предводителем дворянства гр. Бенкендорфом.

Маленький фельетон

В. Маяковский. Здравствуйте! («Украсьте цветами! Во флаги здания!...») // *За свободу!* 1924. 20 февраля. № 48 (1103). С. 2.

Перепечатка стихотворения из «Известий» от 8 февраля.

Д. Философов. Великий Посвященный // *За свободу!* 1924. 20 февраля. № 48 (1103). С. 2–3; 21 февраля. № 49 (1104). С. 2–3.

О книге: Агада: Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей в четырех частях. Составлена по первоисточникам И.Х. Равницким и Х.Н. Бяликом. Авторизованный перевод С. Фруга. Берлин. Изд-во С.Д. Зальцман.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. Таинственная переписка // *За свободу!* 1924. 21 февраля. № 49 (1104). С. 2.

По поводу предложения варшавского Русско-польского общества создать международную организацию борьбы с большевизмом как врагом христианства.

Д. Философов. С.В. Познеру // *За свободу!* 1924. 23 февраля. № 51 (1106). С. 2.

Предложение прояснить позицию по вопросу признания советской власти.

Никита Смолин. [Савинков Б.В.]. Поворот (Письмо из Праги) // *За свободу!* 1924. 24 февраля. № 52 (1107). С. 2.

Изменяется отношение чехов к русским.

Ант. Домбровский. На креслах // За свободу! 1924. 24 февраля. № 52 (1107). С. 2.

Этюд.

А. Дикгоф-Деренталь. О совести // За свободу! 1924. 24 февраля. № 52 (1107). С. 2–3.

Фельетон в виде диалогов со своими секретарями Мак-Дональда, Муссолини и Митюхи Непомнящего.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XIV. Эмигрантская вобла // За свободу! 1924. 25 февраля. № 53 (1108). С. 1–3.

О романе Степуна «Николай Переслегин» и эмигрантских обывателях.

Ант. Домбровский. Боярыня Морозова // За свободу! 1924. 25 февраля. № 53 (1108). С. 2.

Этюд.

Памяти Н.К. Михайловского // За свободу! 1924. 25 февраля. № 53 (1108). С. 2.

Перепечатка фрагментов воспоминаний А.Г. Мягкова о Н.К. Михайловском из пражских «Огней».

Зарубежная книга // За свободу! 1924. 25 февраля. № 53 (1108). С. 2.

Обращение С. Постникова к издательствам с просьбой помочь в составлении библиографического указателя «Зарубежная русская книга».

Критика европейской культуры у русских писателей // За свободу! 1924. 25 февраля. № 53 (1108). С. 3.

Лекция Зеньковского «Критика европейской культуры у русских писателей» 11 февраля в Праге.

Борис Савинков. О признании, о коммунистах и прочих // За свободу! 1924. 26 февраля. № 54 (1109). С. 2.

Муссолини и Мак-Дональд признали советскую власть.

«Русская газета» и З. Гржебин // За свободу! 1924. 26 февраля. № 54 (1109). С. 2.

Заметка Ирмана «Гржебин за работой» (Русская газета. 1924. 11 февраля. № 6) и письмо Гржебина в «Последних новостях», требующего привлечь газету к уголовной ответственности.

Старый Театрал. Немецкий Леонид. Премьера в театре Польском «С утра до ночи», пьеса в 7 картинах Георга Кайзера // За свободу! 1924. 26 февраля. № 54 (1109). С. 2–3.

А. Ф. Мечислав Лимановский о К.С. Алексееве-Станиславском // За свободу! 1924. 26 февраля. № 54 (1109). С. 3.

Доклад М. Лимановского о МХТ в Славянском обществе 22 февраля.

В. П.-ов. [Португалов В.В.]. Эдмон Пикар // За свободу! 1924. 27 февраля. № 55 (1110). С. 2.

Умер бельгийский ученый, политик и литератор Эдмон Пикар.

Д. Философов. Первая партия // За свободу! 1924. 28 февраля. № 56 (1111). С. 2.

О поездке первого эшелона русских и украинских интернированных во Францию на работы.

Сергей Жарин. На вокзале // За свободу! 1924. 28 февраля. № 56 (1111). С. 2.

Мемуарный очерк о московском вокзале 1918 г.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. Английский избиратель // За свободу! 1924. 2 марта. № 59 (1114). С. 2.

Споры в Палате общин по поводу речи Гендерсона.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XV. Как будто бы письмо // За свободу! 1924. 2 марта. № 59 (1114). С. 2.

Ответ на статью А.А. Яблоновского «Досадная полемика» в «Руле», продолжающую полемику вокруг статьи З.Н. Гиппиус «Полет в Европу».

Тэффи. Ленинтон // За свободу! 1924. 3 марта. № 60 (1115). С. 2.
Перепечатка фрагмента фельетона из «Сегодня».

Стихи из России

«Как ураган кипит стихия...» // За свободу! 1924. 3 марта.
№ 60 (1115). С. 2.

Стихотворение (без указания автора).

Ант. Домбровский. Суета сует и томление духа // За свободу! 1924.
3 марта. № 60 (1115). С. 2.

Рассказ.

Достоевский и Тургенев // За свободу! 1924. 3 марта. № 60 (1115).
С. 3.

Материал Р. Словцова в «Последних новостях» о ссоре Достоевского с Тургеневым.

Отзывы о книгах

З. Ж. [Журавская З.Н.]. *М.П. Арцыбашев*. Под солнцем. Книга рассказов. Варшава: Добро, 1924 // За свободу! 1924. 3 марта. № 60 (1115). С. 3.

Вл. Михайлов. Люди (Рассказ) // За свободу! 1924. 4 марта. № 61 (1116). С. 2–3; 5 марта. № 62 (1117). С. 2–3; 6 марта. № 63 (1118). С. 2–3.

Борис Савинков. О докладе Керенского // За свободу! 1924. 7 марта. № 64 (1119). С. 2.

Выступление Керенского в Праге.

Д. Философов. Непримиримые и ультрафиолетовые // За свободу! 1924. 8 марта. № 65 (1120). С. 2–3.

Полемика вокруг статей Арцыбашева и Гиппиус, ответы Познера и Харитона Философову.

Кнут Гамсун. Победа женщины / Перев. З. Журавская // За свободу! 1924. 9 марта. № 66 (1121). С. 2.

Рассказ.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XVI. Лягушиные лапки // *За свободу!* 1924. 10 марта. № 67 (1122). С. 1–3.

Выступления Керенского и Чернова.

О Горьком // *За свободу!* 1924. 10 марта. № 67 (1122). С. 2.

Статья М. М. П. «Тяжкие обвинения против Горького» в «Нейес Вин. Журналь».

Еврейский журнал о русской литературе // *За свободу!* 1924. 10 марта. № 67 (1122). С. 2.

Статья Ротберга «Русская литература в изгнании» в американском еврейском журнале «Цукунфт».

«Лежать сугроб. Сидеть заборы...» // *За свободу!* 1924. 10 марта. № 67 (1122). С. 2.

По поводу заметки «Выносливость языка» в «Днях»; в качестве иллюстрации перепечатка из «Огонька» стихотворения Вадима Шершеневича «Лежать сугроб. Сидеть заборы...».

Сергей Жарин. «Есть жизнь ночная...» // *За свободу!* 1924. 10 марта. № 67 (1122). С. 3.

Стихотворение.

Олег Воинов. Театр танцевального искусства // *За свободу!* 1924. 10 марта. № 67 (1122). С. 3.

Варшавский Театр танцевального искусства под руководством Татьяны Высоцкой (Адамович). Представления в помещении Школы музыкального воспитания С. и Т. Высоцких.

А. Амфитеатров. Самоуправленцы // *За свободу!* 1924. 10 марта. № 67 (1122). С. 3–4; 17 марта. № 74 (1129). С. 2–3; 1 апреля. № 83 (1143). С. 2–3.

Этюд к исследованию «Соломония бесноватая». Из главы «Устюг Великий».

Е. Ш. [Шевченко Е.С.]. Театр Малый. «Великодушный рогагоносец», комедия в 3-х действиях Фердинанда Кроммелинка, в пере-

воде Ярослава Ивашкевича // За свободу! 1924. 10 марта. № 67 (1122). С. 3.

Старый театр. Непогребенные трупы: «Живой труп» Льва Толстого в театре Польском // За свободу! 1924. 12 марта. № 69 (1124). С. 2–3.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XVII. Слово и дело // За свободу! 1924. 13 марта. № 70 (1125). С. 1–2.

Процесс Киевского областного центра действий.

Горький и русские писатели // За свободу! 1924. 13 марта. № 70 (1125). С. 3.

Доклад Н.М. Волковысского «Вчера и сегодня в литературно-общественных настроениях в Советской России» 7 марта в Берлине.

Д. Философов. Все о том же // За свободу! 1924. 14 марта. № 71 (1126). С. 2.

Окраинная политика Польши.

Из читательских откликов

А Бланкштейн. По поводу «пренебрежительной полемики» // За свободу! 1924. 14 марта. № 71 (1126). С. 2.

Статьи Арцыбашева, Гиппиус, Яблоновского о Горьком.

Др. Кр. На лету // За свободу! 1924. 16 марта. № 73 (1128). С. 2.

О персональной пенсии Брюсову.

З. Гиппиус. Кольцо молчания // За свободу! 1924. 17 марта. № 74 (1129). С. 2.

Перепечатка из «Сегодня».

Письмо Рене Гиля И.А. Бунину // За свободу! 1924. 17 марта. № 74 (1129). С. 2.

Письмо-статья Гиля по поводу третьей книги Бунина во французском переводе.

Г. Адамович. Лубок («Есть на свете тяжелые грешники...») // *За свободу!* 1924. 17 марта. № 74 (1129). С. 3.

Перепечатка стихотворения из «Звена».

Ольга Леонардовна Книппер об А.П. Чехове // *За свободу!* 1924. 17 марта. № 74 (1129). С. 3.

Из предисловия к книге писем Чехова к О.Л. Книппер, выпускаемой «на днях» издательством «Слово».

Книга о Махно // *За свободу!* 1924. 17 марта. № 74 (1129). С. 3.

Из статьи в «Последних новостях» о книге П. Аршинова «История махновского движения».

Бальзак в России // *За свободу!* 1924. 17 марта. № 74 (1129). С. 4.

Перепечатка материала Лунца из «Звена».

Борис Савинков. О программах // *За свободу!* 1924. 18 марта. № 75 (1130). С. 1.

Время пересмотра партийных программ.

Борис Савинков. Об «ультрафиолетовых» // *За свободу!* 1924. 19 марта. № 76 (1131). С. 2.

Соглашатели и непримиримые.

Габриэль д'Аннунцио. Герой / Перев. З. Журавская // *За свободу!* 1924. 19 марта. № 76 (1131). С. 2.

Рассказ.

Никита Смолин. [Савинков Б.В.]. Оскорбление величества (Письмо из Праги) // *За свободу!* 1924. 20 марта. № 77 (1132). С. 2.

О студенте, высланном из Чехословакии за «недопустимое поведение» в инцидентах, связанных со смертью Ленина.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XVIII. Крестьянская Россия // *За свободу!* 1924. 20 марта. № 77 (1132). С. 2–3; 21 марта. № 78 (1133). С. 2–3.

Мечты о «третьей, крестьянской России» могут принести разочарования.

Д. Философов. Маловерные // За свободу! 1924. 22 марта. № 79 (1134). С. 2.

Необходимо протестовать против киевского процесса.

А. Амфитеатров. Записная книжка // За свободу! 1924. 23 марта. № 80 (1135). С. 2–4.

Горький и «вилла Роде», Пешехонов, споры о закрытии Железняка Учредилки.

Речь Д.В. Философова // За свободу! 1924. 24 марта. № 81 (1136). С. 1.

На митинге протеста 23 марта по поводу киевского процесса.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XVIII [на самом деле XIX]. Четыре заповеди полемиста // За свободу! 1924. 24 марта. № 81 (1136). С. 2–3.

Продолжение полемики с А.А. Яблоновским по поводу статьи Гиппиус «Полет в Европу».

С. Жарин. Последний студент // За свободу! 1924. 24 марта. № 81 (1136). С. 3.

Мемуарный очерк о Московском университете в 1917 г.

Александр Яблоновский. Письмо в редакцию // За свободу! 1924. 24 марта. № 81 (1136). С. 3–4.

По поводу письма А. Бланкштейн о полемике Арцыбашева с Яблоновским.

Забытая книга // За свободу! 1924. 24 марта. № 81 (1136). С. 4.

Арсений Мерич в «Народной мысли» о книге Бальтасара Грасиана, выпущенной издательством Бернара Грассе в Париже.

Ант. Домбровский. Маленький рассказ // За свободу! 1924. 25 марта. № 82 (1137). С. 2.

Никита Смолин. [Савинков Б.В.]. Выборы в Прикарпатской Руси (Письмо из Праги) // За свободу! 1924. 25 марта. № 82 (1137). С. 3.
Результаты выборов в чехословацкий парламент.

Д. Философов. Воинствующие национализмы // За свободу! 1924. 29 марта. № 85 (1140). С. 2.

Разные мнения и высказывания поляков по национальному вопросу.

Н. Волковыский. Письмо в редакцию // За свободу! 1924. 29 марта. № 85 (1140). С. 2–3.

По поводу отзывов на доклад о Горьком.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XX. Читательские отклики // За свободу! 1924. 29 марта. № 85 (1140). С. 2–3.

Ответ на письма читателей.

Д. Философов. Яд и противоядие // За свободу! 1924. 30 марта. № 86 (1141). С. 1.

Полемика об окраинах в польском Общественно-политическом клубе.

Маленький фельетон

Эйген Гальталь. Бациллы / Перев. З. Ж. [Журавская З.Н.] // За свободу! 1924. 30 марта. № 86 (1141). С. 2.

О прививках и судьбе.

Вл. Михайлов. В поезде // За свободу! 1924. 30 марта. № 86 (1141). С. 2–3.

Рассказ.

Е. Шевченко. Студенты // За свободу! 1924. 31 марта. № 87 (1142). С. 2.

О журнале «Студенческие годы».

Б. Евреинов. «Тучи – Демона крылья...» // За свободу! 1924. 31 марта. № 87 (1142). С. 2.

Стихотворение.

У Анатоля Франса // За свободу! 1924. 31 марта. № 87 (1142). С. 2.
Итальянский драматург Дарио Никодemi в «Коррьере дела сера» о своем посещении Франса.

А. Корнаков. Михрютка // За свободу! 1924. 31 марта. № 87 (1142). С. 2–3.
Рассказ.

Рецензии

А. Ф. [Рец.:] *Евгений Сверчевский.* Евреинов. Варшава, 1924 // За свободу! 1924. 31 марта. № 87 (1142). С. 3.

В. Бранд. «Я ушел, подняв высоко плечи...» // За свободу! 1924. 31 марта. № 87 (1142). С. 3.
Стихотворение.

Французская критика о Куприне // За свободу! 1924. 31 марта. № 87 (1142). С. 3.
Эдмон Жалу в «Нувель литтерер» о «Морской болезни» Куприна, вышедшей на французском.

Д-р Крупов. О «чистке» и «проверках» // За свободу! 1924. 2 апреля. № 89 (1144). С. 2.
Ленинский набор в партию и новая чистка РКП.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. Уроки Мюнхена // За свободу! 1924. 3 апреля. № 90 (1145). С. 2–3.
Причины неудачи гитлеровского путча, немецкий, итальянский и русский фашизм.

А. Амфитеатров. Записная книжка // За свободу! 1924. 3 апреля. № 90 (1145). С. 2–3.
Киевский процесс и отношение к нему Горького.

Борис Савинков. О словах // За свободу! 1924. 5 апреля. № 92 (1147). С. 2.
На месте Совнаркома ни одно правительство не удержалось бы и полгода.

Д-р Кр. На лету: «Радиотелеграмма» // За свободу! 1924. 5 апреля. № 92 (1147). С. 2.
Радиотелеграмма из Москвы о «событиях» в Польше.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. Романовская армия // За свободу! 1924. 6 апреля. № 93 (1148). С. 2.

Доклад П.Д. Долгорукова в Русском доме об армии Врангеля и галлиполийцах.

Свадебная поездка / Перев. с немецкого З. Ж. [Журавская З.Н.] // За свободу! 1924. 6 апреля. № 93 (1148). С. 2–3.

Рассказ (без указания автора).

«Как ныне собрался Владимир Ильич...» // За свободу! 1924. 6 апреля. № 93 (1148). С. 3.

Перепечатка стихотворения из дневника неназванного русского литератора, опубликованного в «Архиве русской революции».

Всеволод Байкин. Сто тысяч («Сто тысяч бедняков-поэтов...») // За свободу! 1924. 7 апреля. № 94 (1149). С. 2.

Стихотворение.

Е. Шевченко. Строитель Троцкий в сентябре // За свободу! 1924. 7 апреля. № 94 (1149). С. 2–3.

О книге: *Троцкий Л.* Вопросы быта. М.: Красная новь, 1923.

Мария Рафалович. Концерт // За свободу! 1924. 7 апреля. № 94 (1149). С. 3.

Рассказ.

III. [Шевченко Е.С.]. Новые журналы в Варшаве // За свободу! 1924. 7 апреля. № 94 (1149). С. 3.

Польский журнал «Политическое обозрение» и украинский журнал «Наш свет».

А. Амфитеатров. Записная книжка // За свободу! 1924. 8 апреля. № 95 (1150). С. 2–3.

Статья С. Соловейчика «Дурацкая и преступная затея» в «Днях»; А.В. Пешехонов о признании европейскими державами советского правительства; приятие и неприятие Февраля и Октября.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XX [на самом деле XXI]. Речь г. Обера // *За свободу!* 1924. 9 апреля. № 96 (1151). С. 2–3.

Речь защитника Полунина в процессе Конради вышла на русском языке отдельным изданием.

Д. Философов. Фиат и Данте (Из случайных встреч) // *За свободу!* 1924. 13 апреля. № 100 (1155). С. 2.

Итальянцы по поводу высказываний Маринетти об Италии музейной и современной.

В. П. [Португалов В.В.]. +П.И. Новгородцев // *За свободу!* 1924. 14 апреля. № 101 (1156). С. 1.

Некролог (вызванный неверными сообщениями заторопившихся берлинских газет; П.И. Новгородцев скончался десятью днями позже).

Тереза Дальер. Драма любви / Перев. с французского З. Ж. [Журавская З.Н.] // *За свободу!* 1924. 14 апреля. № 101 (1156). С. 2.
Рассказ.

Лери. Скучная история («Нас когда-то считали гигантами...») // *За свободу!* 1924. 14 апреля. № 101 (1156). С. 2.

Перепечатка стихотворенного фельетона из «Руля».

А. Амфитеатров. S.O.S. // *За свободу!* 1924. 14 апреля. № 101 (1156). С. 2–3.

О переносе праха Леонида Андреева из Финляндии в советскую Россию.

Тэффи. Разговоры // *За свободу!* 1924. 14 апреля. № 101 (1156). С. 3.

Перепечатка фельетона из «Звена».

Голиард. «Стадам людей убийства яд...» // *За свободу!* 1924. 14 апреля. № 101 (1156). С. 3.

Стихотворение с датировкой: «1917 г.».

Е. Ш. [Шевченко Е.С.]. Театр «Розмаитости»: «Живой Будда», современная драма в 3-х действиях А. Оссендовского // *За свободу!* 1924. 14 апреля. № 101 (1156). С. 3.

Пьеса о бароне Унгерне фон Штернберге.

М. Арцыбашев. Записки писателя XXI [на самом деле XXII]. Глупость или подлость? // *За свободу!* 1924. 15 апреля. № 102 (1157). С. 2–3.

Письмо князя Голицына, упрек Харитона группе Савинкова в «Народной мысли», большевики и национальное дело.

И. Бодуэн-де-Куртенэ. По поводу «оскорбления» русской культуры // *За свободу!* 1924. 16 апреля. № 103 (1158). С. 2–3.

По поводу статей (*За свободу!* 1924. 27 марта. № 83; 29 марта. № 85) о докладе профессора Станислава Цивинского.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. Ленинские мощи провоняли // *За свободу!* 1924. 18 апреля. № 105 (1160). С. 2.

«Красная» религия без Бога превратилась в безблагодатную официальную церковь, которая потеряла всякий авторитет.

Вл. Михайлов. Случай из жизни химика // *За свободу!* 1924. 18 апреля. № 105 (1160). С. 2–3; 19 апреля. № 106 (1161). С. 4.

Рассказ.

Б. Савинков. О национальном вопросе // *За свободу!* 1924. 19 апреля. № 106 (1161). С. 1.

Национальный вопрос не может быть решен вне «самоопределения народов».

С. Ж. [Жарин С.И.]. После бури («В ночь на четверг последний шквал...») // *За свободу!* 1924. 19 апреля. № 106 (1161). С. 2.

Стихотворение.

Вас. Кумач. Ближе к массам // *За свободу!* 1924. 19 апреля. № 106 (1161). С. 2.

Перепечатка фельетона из московского «Крокодила».

Клабунд. Крестовый поход детей / Перев. с немецкого З. Ж. [Журавская З.Н.] // *За свободу!* 1924. 19 апреля. № 106 (1161). С. 2–3. Рассказ.

М. Арцыбашев, А. Дикгоф-Деренталь, В. Португалов, Б. Савинков, Д. Философов. От редакции // *За свободу!* 1924. 23 апреля. № 107 (1162). С. 1.

С этого номера газета выходит при ближайшем участии пятерых ответственных руководителей.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXII [на самом деле XXIII]. Сэр Мак-Дональд и мы сами // *За свободу!* 1924. 23 апреля. № 107 (1162). С. 2–3.

Советские делегаты в Англии.

Д. Философов. Новый стиль // *За свободу!* 1924. 24 апреля. № 108 (1163). С. 1.

Православная церковь переходит на новый стиль.

И. Бодуэн-де-Куртенэ. Нравственная оценка раздела Польши // *За свободу!* 1924. 24 апреля. № 108 (1163). С. 2.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. Дневник А.С. Суворина // *За свободу!* 1924. 25 апреля. № 109 (1164). С. 2–4.

О Суворине в связи с выходом книги: *Суворин А.С. Дневник* / Ред., предисл. и примеч. М. Кричевского. М.; Пг.: Л.Д. Френкель, 1923.

Д. Философов. Привет Сергею Кусевицкому // *За свободу!* 1924. 25 апреля. № 109 (1164). С. 3.

Выступление Кусевицкого в Варшаве.

Байрон и англичане: К столетию со дня смерти поэта (19 апреля 1824–1924 г.) // *За свободу!* 1924. 26 апреля. № 110 (1165). С. 2. Материал без указания автора.

Б. Б. Под солнцем юга: Воспоминания // *За свободу!* 1924. 27 апреля. № 111 (1166). С. 2; 5 мая. № 117 (1172). С. 2; 14 мая. № 125 (1180). С. 2–3; 15 мая. № 126 (1181). С. 2–3.

У атамана Анненкова в отрогах Тянь-Шаня в марте 1920 г.

В. Бранд. «Ты любил в осенний день погожий...» // *За свободу!* 1924. 27 апреля. № 111 (1166). С. 2.

Стихотворение с посвящением: «Б.А. Евреинову».

Сергей Жарин. Вечерняя баллада («Древний город был украшен...») // *За свободу!* 1924. 27 апреля. № 111 (1166). С. 2–3.

Поэма с посвящением: «Посвящается Е. Ш.» и датировкой: «А. Д. 1922, ноябрь, Варшава».

Г. Ру-ов. «Весна среди громад – бетонных зданий и отелей...» // *За свободу!* 1924. 27 апреля. № 111 (1166). С. 3.

Стихотворение.

А. Амфитеатров. Богомысленное монастырское житие // *За свободу!* 1924. 27 апреля. № 111 (1166). С. 2–3; 30 апреля. № 113 (1168). С. 2–3.

Этюд к исследованию «Соломония бесноватая». Из главы «Устюг Великий».

Ант. Домбровский. Март // *За свободу!* 1924. 29 апреля. № 112 (1167). С. 2.

Этюд.

Д-р Крупов. На лету: Старый знакомый // *За свободу!* 1924. 1 мая. № 114 (1169). С. 2.

О бюллетенях «Рускульта», руководимого Н.К. Клименко.

Игорь Воинов. Из цикла: В Финляндии. III. «Финский нож привешен сбоку...» // *За свободу!* 1924. 5 мая. № 117 (1172). С. 2.

Стихотворение с датировкой: «Ноябрь 1921 г.».

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXII [на самом деле XXIV]. Они и мы // *За свободу!* 1924. 5 мая. № 117 (1172). С. 2–3.

По поводу инструкции для советских карательных отрядов и эмигрантской печати.

Пасхальный полет / Перев. с немецкого З. Ж. [Журавская З.Н.] // *За свободу!* 1924. 5 мая. № 117 (1172). С. 3.

Рассказ (без указания автора).

Г. Ру-ов. «Ночь очертанья в хаос черный слила...» // За свободу! 1924. 5 мая. № 117 (1172). С. 3.

Стихотворение.

Мелочи // За свободу! 1924. 5 мая. № 117 (1172). С. 3.

М. Prozor в № 44 «Revue de Geneve» требует присуждения Нобелевки Мережковскому.

О книгах

В. П. [Португалов В.В.]. [Рец.:] *В. Вересаев.* В тупике. Берлин, 1922 // За свободу! 1924. 5 мая. № 117 (1172). С. 4.

О. В. [Воинов О.]. [«Госиздатом» выпущены две художественные монографии – о В.Д. Фалилееве и о Д.Н. Митрохине...»] // За свободу! 1924. 5 мая. № 117 (1172). С. 4.

Е. Форин. Новоселье // За свободу! 1924. 5 мая. № 117 (1172). С. 4.
Рассказ.

Бывший легионист. По поводу романа ген. Краснова (Письмо в редакцию) // За свободу! 1924. 6 мая. № 118 (1173). С. 2–3.

Поправки к описанному в романе (*Краснов П.* От Двуглавого Орла к красному знамени. Берлин: Изд-во Ольги Дьяковой, 1922) бою под Костюхновкой русских войск с бригадой Пилсудского.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXIII [на самом деле XXV]. Хранители пустого места // За свободу! 1924. 7 мая. № 119 (1174). С. 2–3.

Монархисты в России и эмиграции.

А. Амфитеатров. Письмо в редакцию // За свободу! 1924. 8 мая. № 120 (1175). С. 2.

По поводу интервью Горького итальянским газетам.

Д. Философов. Русское национальное меньшинство в Польше // За свободу! 1924. 10 мая. № 121 (1176). С. 2.

Согласно официальной теории русского национального меньшинства в Польше нет.

А. Дикгоф-Деренталь. «Настоящая парижанка» // *За свободу!* 1924. 12 мая. № 123 (1178). С. 1–2.

Рассказ.

Честный человек / С французского З. Ж. [Журавская З.Н.] // *За свободу!* 1924. 12 мая. № 123 (1178). С. 2.

Рассказ (без указания автора).

С. Ж. [Жарин С.И.]. «Живописная Россия» / С французского З. Ж. [Журавская З.Н.] // *За свободу!* 1924. 12 мая. № 123 (1178). С. 2.

Эссе о дореволюционном иллюстрированном многотомнике.

Ив. Бунин. Св. Евстафий («Ловец великий перед Богом...») // *За свободу!* 1924. 12 мая. № 123 (1178). С. 3.

Перепечатка стихотворения из «Руля».

Критика и библиография

В. П. [Португалов В.В.]. Стремящимся в Россию // *За свободу!* 1924. 12 мая. № 123 (1178). С. 3.

О книге: Георгий Попов. Жизнь в сов. республике. Берлин: Наши проблемы, 1924.

Д. Ф. [Философов Д.В.]. [Рец.:] Златоцвет. Журнал художественный и литературный под ред. Н.Г. Бережанского. № 1. Берлин. 1924. Изд. О. Дьяковой и Ко // *За свободу!* 1924. 12 мая. № 123 (1178). С. 3.

Е. [Рец.:] В. Ирецкий. Мышеловка. Трагикомедия в 4-х актах. Обелиск, 1924 // *За свободу!* 1924. 12 мая. № 123 (1178). С. 4.

В. П. [Португалов В.В.]. С.П. Мельгунов. Красный террор в России. Изд. 2-е, значительно дополненное. Ватага, 1924 // *За свободу!* 1924. 12 мая. № 123 (1178). С. 4.

Д-р Крупов. И «они» пишут мемуары // *За свободу!* 1924. 14 мая. № 125 (1180). С. 2.

О воспоминаниях Радека в «Правде».

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. Кто кого обманывает? // *За свободу!* 1924. 15 мая. № 126 (1181). С. 2.

Телеграфные агентства о германо-русском конфликте.

Евгений Ш-ий. Первый поход на Петроград. Пятилетняя годовщина (13 мая 1919 г. – 13 мая 1924 г.) // *За свободу!* 1924. 16 мая. № 127 (1182). С. 2–4.

История похода с мемуарными вкраплениями.

Д. Воротынский. Очерки Красного Дона // *За свободу!* 1924. 17 мая. № 128 (1183). С. 2–4; 18 мая. № 129 (1184). С. 2–4.

Воспоминания.

Д-р Крупов. На лету // *За свободу!* 1924. 18 мая. № 129 (1184). С. 2. О советско-немецком конфликте.

С. Жарин. «Измятина» // *За свободу!* 1924. 19 мая. № 130 (1185). С. 2.

Рассказ.

Б. Евреинов. «Хорошо, что жизнь моя, как дрема...» // *За свободу!* 1924. 19 мая. № 130 (1185). С. 2.

Стихотворение.

Н. Васин. Злой гений России // *За свободу!* 1924. 19 мая. № 130 (1185). С. 2–4.

Очерк о К.П. Победоносцеве.

Мария Рафалович. Зубы // *За свободу!* 1924. 19 мая. № 130 (1185). С. 3.

Рассказ.

У Д.С. Мережковского в Париже // *За свободу!* 1924. 19 мая. № 130 (1185). С. 4.

Интервью Мережковского парижскому корреспонденту будапештской газеты «Вилар».

80-летие Анатоля Франса // *За свободу!* 1924. 19 мая. № 130 (1185). С. 4.

Письмо Уэллса и афоризмы Анатоля Франса из «Нувелль лите-рер».

Д. Философов. Тяжкие обвинения // За свободу! 1924. 20 мая. № 131 (1186). С. 2.

По поводу сборника статей проф. Симона Аскеназы.

Б. Савинков. О фашизме // За свободу! 1924. 22 мая. № 133 (1188). С. 2.

Кризис парламентских учреждений в Европе.

Ант. Домбровский. Пожалел волк... // За свободу! 1924. 22 мая. № 133 (1188). С. 2.

Воспоминания о Тульской губернской тюрьме 1921 г.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXIV [на самом деле XXVI]. Вопль готтентотской души // За свободу! 1924. 22 мая. № 133 (1188). С. 2–3.

О реквизициях и выселениях в советской России.

Д. Философов. «Братцы» // За свободу! 1924. 23 мая. № 134 (1189). С. 2–3.

Доклады П.Н. Милюкова в Праге по национальному вопросу и статьи в «Последних новостях».

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. Шаляпин в Париже // За свободу! 1924. 25 мая. № 136 (1191). С. 2–4.

«Побивающая все рекорды наглости и неприличия» беседа с Шаляпиным в «Paris soir» от 20 мая.

Д. Философов. Великокняжеская наука и архив Керенского // За свободу! 1924. 25 мая. № 136 (1191). С. 2–4.

Статья проф. Аскеназы о вел. кн. Николае Михайловиче, русские историки и собиратели-архивисты, архив Керенского в Познани.

З. Ж. [Журавская З.Н.]. Неизданные письма Достоевского // За свободу! 1924. 26 мая. № 137 (1192). С. 2.

Черновик письма Достоевского Каткову в воскресном приложении к «Нейе Фрейе Прессе».

И. Бунин. Повесть о любви // За свободу! 1924. 26 мая. № 137 (1192). С. 3.

Перепечатка из «Звена».

Игорь Воинов. Из цикла «Петербург». IV. «Нету тока, трамваи пусты...» // За свободу! 1924. 26 мая. № 137 (1192). С. 3.

Стихотворение.

Рецензии

Д. Ф. [Философов Д.В.]. [Рец.:] Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Составлена кн. Д.П. Святополком-Мирским. Париж, 1924 // За свободу! 1924. 26 мая.

№ 137 (1192). С. 4.

Б. Е. [Рец.:] С. Певзнер, А. Магильницкий. Стихи. Берлин, 1923 // За свободу! 1924. 26 мая. № 137 (1192). С. 4.

Д. Философов. Божие перемирие // За свободу! 1924. 27 мая. № 138 (1193). С. 2.

Превращение православных храмов в католические в Польше.

В. П. [Португалов В.В.]. +Джордж Кеннан // За свободу! 1924. 27 мая. № 138 (1193). С. 2.

Некролог.

Д. Воротынский. На Зимовой горе // За свободу! 1924. 27 мая. № 138 (1193). С. 3.

Рассказ.

П. Симанский. Несколько слов по повду «великокняжеской науки» (Из воспоминаний о прошлом) // За свободу! 1924. 29 мая. № 140 (1195). С. 2–3.

Поправки и дополнения к статье Философова «Великокняжеская наука и архив Керенского».

Г. Ру-ов. «Старинный гобелен. Покинутый рояль...» // За свободу! 1924. 39 мая. № 141 (1196). С. 2.

Стихотворение.

С. Д. М. Из воспоминаний: Гомельское восстание // *За свободу!* 1924. 30 мая. № 141 (1196). С. 2–4; 31 мая. № 142 (1197). С. 2–4; 4 июня. № 145 (1201). С. 2.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXV. [на самом деле XXVII]. Декларация Николая Николаевича // *За свободу!* 1924. 1 июня. № 143 (1198). С. 2–4.

Монархические круги эмиграции.

Д. Ф. [Философов Д.В.]. В студии Арцыбашевой-Княжевич // *За свободу!* 1924. 1 июня. № 143 (1198). С. 3.

Показательный спектакль студистов.

А. Амфитеатров. Кое-что о вере // *За свободу!* 1924. 2 июня. № 144 (1199). С. 1–2; 3 июня. № 145 (1200). С. 2–3.

Суеверия в советской России.

Колект. Рука / С франц. перев. З. Ж. [Журавская З.Н.] // *За свободу!* 1924. 2 июня. № 144 (1199). С. 2.

Рассказ.

Ант. Домбровский. На бульваре // *За свободу!* 1924. 2 июня. № 144 (1199). С. 2.

Этюд.

Д-р Крупов. Разногласия единомышленников // *За свободу!* 1924. 4 июня. № 145 (1201). С. 2.

Парижская пресса о послевыборных настроениях во Франции.

Д. Философов. Два метода // *За свободу!* 1924. 7 июня. № 149 (1204). С. 2.

Брошюра Константина Сроковского о положении национальных меньшинств в Польше.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. Непраздничные слова // *За свободу!* 1924. 8 июня. № 150 (1205). С. 2.

К 125-летию со дня рождения Пушкина русские в Польше остались без праздника.

П. Симанский. Воспоминания пушкинского «земляка» // За свободу! 1924. 8 июня. № 150 (1205). С. 2–4.

О пушкинских местах Псковской губернии.

Е. Ш. [Шевченко Е.С.]. Колонна Пушкина // За свободу! 1924. 10 июня. № 151 (1206). С. 2.

Пушкинские памятники в Кишиневе, Москве, Вильно.

Библиография

Д. Ф. [Философов Д.В.]. [Рец.:] Любор Нидерле. Быт и культура древних славян. Прага: Пламя, 1924 // За свободу! 1924. 10 июня. № 151 (1206). С. 3.

Е. Ш. [Шевченко Е.С.]. Запах полей // За свободу! 1924. 10 июня. № 151 (1206). С. 3.

О сборнике стихотворений Л. Подгорского-Околова «Белоруссия».

Три стихотворения

Сергей Маковский. «Полузакрой глаза... Желание...» // За свободу! 1924. 10 июня. № 151 (1206). С. 3.

Перепечатка из «Записок наблюдателя».

Лев Блюмберг. У моря («День золотой у моря греет щебень...») // За свободу! 1924. 10 июня. № 151 (1206). С. 3.

Перепечатка из рижского «Вечернего времени».

Ив. Бунин. К ночи («Взойди, о Ночь, на горний свой престол...») // За свободу! 1924. 10 июня. № 151 (1206). С. 3.

Перепечатка из «Звена».

Вл. Михайлов. Подарок // За свободу! 1924. 10 июня. № 151 (1206). С. 3–4.

Рассказ.

А. Амфитеатров. Записная книжка // За свободу! 1924. 12 июня. № 153 (1208). С. 2–3.

Анекдоты из русской истории и советского быта.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXVI [на самом деле XXVIII]. «Аз, недостойный иерей!» // За свободу! 1924. 13 июня. № 154 (1209). С. 2–3; 14 июня. № 155 (1210). С. 2–3.

О «покаянном» послании патриарха Тихона.

Чествование А.С. Пушкина в Польше // За свободу! 1924. 13 июня. № 154 (1209). С. 3.

Д. Философов. Трагическая речь Серебренникова // За свободу! 1924. 14 июня. № 155 (1210). С. 2.

Первое выступление депутата Сейма от русского меньшинства.

Б. Евреинов. «Я люблю бессильные слова...» // За свободу! 1924. 15 июня. № 156 (1211). С. 2.

Стихотворение.

С. Волконский. «О декабристах»: Глава из книги // За свободу! 1924. 15 июня. № 156 (1211). С. 2–3.

Из выпускаемой «в непродолжительном времени» издательством Поволоцкого книги С. Волконского «О декабристах».

Эйген Хелтай. Русские материалисты / Перев. с венгерского З. Ж. [Журавская З.Н.] // За свободу! 1924. 16 июня. № 157 (1212). С. 2.
Рассказ.

Неизданное письмо Пушкина // За свободу! 1924. 16 июня. № 157 (1212). С. 2.

Письмо Пушкина Дельвигу из выпущенного петербургским издательством «Атеней» сборника «Литературные портфели».

К. Бальмонт. Пушкин («Я возлюбил его на утре детских лет...») // За свободу! 1924. 16 июня. № 157 (1212). С. 2.

Перепечатка стихотворения из «Дней».

М. Цветаева. Из неизданной книги «Юношеские стихи». Встреча с Пушкиным («Я подымаюсь по белой дороге...») // За свободу! 1924. 16 июня. № 157 (1212). С. 2.

Перепечатка стихотворения из «Дней».

А. Амфитеатров. Русские материалисты // За свободу! 1924. 16 июня. № 157 (1212). С. 2–4.

Последовательных материалистов среди русских нет.

Стихотворения Федора Сологуба // За свободу! 1924. 16 июня. № 157 (1212). С. 3.

Перепечатка стихотворений из «Русского современника»:

«Не слышу слов, но мне понятна...»;

«Я сам закон игры устави...».

Рецензии

[Б.п.] *Карель Чапек*. R.U.R. Коллективная драма в 3-х действиях с прологом, пер. с чешского И. Каллиникова. Прага: Пламя, 1924 // За свободу! 1924. 16 июня. № 157 (1212). С. 3.

Молодой русский композитор (Письмо из Рима) // За свободу! 1924. 16 июня. № 157 (1212). С. 3.

Данила Амфитеатров признан первым среди семи выпускников римской консерватории.

Д-р Крупов. На лету: Конец «Накануне» // За свободу! 1924. 19 июня. № 160 (1215). С. 2.

В Берлине закрылась просоветская газета.

А. Амфитеатров. Civis Romanus // За свободу! 1924. 20 июня. № 161 (1216). С. 1–3; 5 августа. № 207 (1262). С. 2–4; 8 августа. № 210 (1265). С. 2–4; 13 августа. № 215 (1270). С. 2–3; 14 августа. № 216 (1271). С. 3.

Муссолини.

«Мудрость жизни» Кузьмы Пруткова // За свободу! 1924. 20 июня. № 161 (1216). С. 2.

Перепечатка стихотворения «Если хочешь быть майором...» из петроградского «Русского современника».

Б. Б. В Китае (Воспоминания) // За свободу! 1924. 21 июня. № 162 (1217). С. 2–3; 22 июня. № 163 (1218). С. 3–4.

Продолжение воспоминаний «Под солнцем Юга».

Д-р Крупов. На лету: На Зиновьевской субсидии // За свободу! 1924. 22 июня. № 163 (1218). С. 2.

О субсидировании Коминтерном французской компартии.

Тэффи. Дамы // *За свободу!* 1924. 22 июня. № 163 (1218). С. 2.
Перепечатка фельетона из «Сегодня».

С. Ж. [Жарин С.И.]. Из дневника эмигранта // *За свободу!* 1924. 23 июня. № 164 (1219). С. 1–2.
Воспоминания о партийцах на даче в Териоках 1910 г.

Советский юмор
Васька да Гама. Именины // *За свободу!* 1924. 23 июня. № 164 (1219). С. 2.
Перепечатка фельетона из «Красного перца».

Д. Философов. Русская зарубежная книга // *За свободу!* 1924. 23 июня. № 164 (1219). С. 2–3.
Труды комитета русской книги. Вып. 1. Ч. 1 и 2. Прага: Пламя, 1924.

Рецензии
Б. Евреинов. [Рец.:] К. Бальмонт. Где мой дом? Очерки 1920–1923. Прага: Пламя, 1924 // *За свободу!* 1924. 23 июня. № 164 (1219). С. 3.
Труды комитета русской книги. Вып. 1. Ч. 1 и 2. Прага: Пламя, 1924.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. Три сосны, фетишисты и вруны // *За свободу!* 1924. 24 июня. № 165 (1220). С. 2–3.
О наследниках Пушкина.

Б. Савинков. Об интеллигенции // *За свободу!* 1924. 26 июня. № 167 (1222). С. 2.
Мы призваны не руководить, а служить России.

А. Амфитеатров. Записная книжка // *За свободу!* 1924. 26 июня. № 167 (1222). С. 2–3; 27 июня. № 168 (1223). С. 2.
125-летие со дня рождения Пушкина.

В. П. [Португалов В.В.]. Памяти В.С. Серовой // *За свободу!* 1924. 29 июня. № 170 (1225). С. 2.

Д. Философов. Памяти В.С. Серовой // За свободу! 1924. 29 июня. № 170 (1225). С. 2.

В Москве скончалась мать художника и вдова композитора.

Путник. Мимоходом: Последние Пушкины // За свободу! 1924. 29 июня. № 170 (1225). С. 2.

О статье Ив. Посошкова (Философова) «Три сосны, фетишисты и вруны» (За свободу! 1924. 24 июня) и статье Колпакова «Последние представители рода Пушкиных» (Русская газета. 1924. № 52).

Морис Левель. Пари / Перев. с французского З. Ж. [Журавская З.Н.] // За свободу! 1924. 30 июня. № 171 (1226). С. 2.
Рассказ.

Советская деревня // За свободу! 1924. 30 июня. № 171 (1226). С. 2.
Частушки из книги А.М. Большакова «Советская деревня».

А. Амфитеатров. [Рец.:] L'Eroica. Rassegna italiana di Ettore Cozzani. Anno XIII. Qua deroi 81-85. Milano, 1924 // За свободу! 1924. 30 июня. № 171 (1226). С. 3.

Д. Ф. [Философов Д.В.]. Шампанское в лилиях // За свободу! 1924. 30 июня. № 171 (1226). С. 3.

О книге: *Волконский С.* Быт и бытие. Берлин: Медный всадник, 1924.

Е. Шевченко. Поэт скиталец (Antoni Slonimski) // За свободу! 1924. 30 июня. № 171 (1226). С. 3.

В связи с выходом нового сборника стихотворений Слонимского «Путь на Восток».

Рецензии

И. П. [Философов Д.В.]. [Рец.:] Е.Ф. Шмурло. Введение в русскую историю. Прага: Пламя, 1924 // За свободу! 1924. 30 июня. № 171 (1226). С. 4.

Д. Ф. [Философов Д.В.]. [Рец.:] Р.М. Бланк. Лига наций. Берлин, 1924 // За свободу! 1924. 30 июня. № 171 (1226). С. 4.

Зарубежная русская печать // За свободу! 1924. 30 июня. № 171 (1226). С. 4.

Статистика Пражской выставки русской книги.

Д.М. Сокольников. Русское литературное о-во в Дамаске и его печатный орган // За свободу! 1924. 30 июня. № 171 (1226). С. 4.

О Литературном обществе, основанном в Дамаске в 1923 г., и «Bulletin de la Société Littéraire Russe de Damas».

А. Дикгоф-Деренталь. Под игом дракона // За свободу! 1924. 1 июля. № 172 (1227). С. 2–3; 3 июля. № 174 (1229). С. 2; 4 июля. № 175 (1230). С. 2–3; 8 июля. № 179 (1234). С. 2–3; 14 июля. № 185 (1240). С. 1–3; 23 июля. № 194 (1249). С. 2–3; 27 июля. № 198 (1253). С. 2–3.

Повесть.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXVII [на самом деле XXIX]. Снова вопль готтентотских душ // За свободу! 1924. 2 июля. № 173 (1228). С. 2–3.

Убийство Маттеотти и готтентотская мораль.

Иностранная печать о посмертном «суде» над Л. Толстым // За свободу! 1924. 2 июля. № 173 (1228). С. 3.

«Нейе Фрейе Прессе» о «суде» над Толстым в Ленинском клубе с Крупской в роли обвинителя и Луначарским в роли защитника.

Д. Философов. Первый шаг // За свободу! 1924. 4 июля. № 175 (1230). С. 2.

Законопроекты о меньшинствах в Сейме.

Д. Философов. Был ли Ст. Бжозовский провокатором // За свободу! 1924. 5 июля. № 176 (1231). С. 2–3.

Стефан Жеромский в «Вedomостях литерaцких» о Бжозовском.

Тайны русского двора // За свободу! 1924. 6 июля. № 177 (1232). С. 2.

Отрывки воспоминаний придворного священника Васильева о смерти Александра III в Ливадии («Нейес Винер Журналь»).

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. «Староверы» // За свободу! 1924. 6 июля. № 177 (1232). С. 2–3.

Меморандум украинских сенаторов против введения нового стиля в православной церкви.

М. Арцыбашев. Нечто вроде воззвания // За свободу! 1924. 7 июля. № 178 (1233). С. 1.

Призыв содействовать благотворительной комиссии при Русском попечительном комитете.

Никита Смолин. [Савинков Б.В.]. Перевоз // За свободу! 1924. 7 июля. № 178 (1233). С. 2.

Очерк о семье перевозчиков у Костельца в Чехословакии.

В. Левдович. Таинственный узник (Из записной книжки офицера) // За свободу! 1924. 7 июля. № 178 (1233). С. 2–3.

О встрече с заключенным князем Долгоруким в Одессе в 1905 г.

Отзывы о книгах

В. П. [Португалов В.В.]. [Рец.:] «Ekonomists». Warszawa, 1924, tom I // За свободу! 1924. 7 июля. № 178 (1233). С. 3.

Ш. [Рец.:] «Ученые записки», основанные русской учебной коллегией в Праге. Т. I. Вып. III. Общественные знания. // За свободу! 1924. 7 июля. № 178 (1233). С. 3.

А. [Рец.:] «Ученые записки», основанные русской учебной коллегией в Праге. Т. I. Вып. II. Исторические и филологические знания. // За свободу! 1924. 7 июля. № 178 (1233). С. 3.

И. П. [Философов Д.В.]. [Рец.:] Академик С.Ф. Платонов. Учебник русской истории для средней школы. Прага: Пламя, 1924 // За свободу! 1924. 7 июля. № 178 (1233). С. 3.

Ш. [Шевченко Е.С.]. Польские литературные отклики // За свободу! 1924. 7 июля. № 178 (1233). С. 4.

Материалы «Вядомостей литератцких».

Е. Ш. [Шевченко Е.С.]. Книга о Габриэле Нарutowиче // За свободу! 1924. 7 июля. № 178 (1233). С. 4.

О книге: Tadeusz Holówko. Prezydent Gabriel Narutowicz (Zycie i działalność). Warszawa, 1924.

Неизвестное письмо Льва Толстого к Николаю II // За свободу! 1924. 7 июля. № 178 (1233). С. 4.

Публикация П.И. Бирюкова на немецком языке в венской газете.

А. Амфитеатров. Интермедия (к «Civis Romanus») // За свободу! 1924. 10 июля. № 181 (1236). С. 2–4; 11 июля. № 182 (1237). С. 2–3.
Муссолини, провокаторы и Бурцев.

Д. Философов. Белорусский дом // За свободу! 1924. 11 июля. № 182 (1237). С. 2.

Создание большевиками Белорусской республики.

Д. Философов. Советские республики // За свободу! 1924. 12 июля. № 183 (1238). С. 2.

Польская печать о советском Союзе республик.

С. Ж. [Жарин С.И.]. Из дневника эмигранта // За свободу! 1924. 12 июля. № 183 (1238). С. 2.

Предложение о созыве русского эмигрантского съезда.

Маленький фельетон

Мария Рафалович. Встреча // За свободу! 1924. 13 июля. № 184 (1239). С. 2.

Два разных взгляда на уличное знакомство.

П. Симанский. Посильный ответ на тяжкие обвинения // За свободу! 1924. 13 июля. № 184 (1239). С. 2–4; 15 июля. № 186 (1241). С. 2–3; 18 июля. № 189 (1244). С. 2–3.

О статье Д.В. Философова «Тяжкие обвинения» (За свободу! 1924. 20 мая. № 131).

Л. Левдович. Гр. Мусин-Пушкин и престол Николая II (Из записной книжки офицера) // За свободу! 1924. 14 июля. № 185 (1240). С. 2.

Уточнения к воспоминаниям придворного священника Васильева (За свободу! 1924. 6 июля. № 177).

Детство Стриндберга // За свободу! 1924. 14 июля. № 185 (1240). С. 3.

Из материала «Вядомостей литератцких» о воспоминаниях Акселя Стринберга в шведском журнале.

Две работы о Гоголе // За свободу! 1924. 14 июля. № 185 (1240). С. 3.

Статья А. Бема в четвертом выпуске журнала «Славия» о посвященных Гоголю книгах норвежского исследователя Ад. Штендер-Петерсена.

Письма Ведекинда // За свободу! 1924. 14 июля. № 185 (1240). С. 3.
Двухтомник писем Франца Ведекинда под редакцией Фрица Штрика вышел у Георга Мюллера в Мюнхене.

III. [Шевченко Е.С.]. «Нурт» // За свободу! 1924. 14 июля. № 185 (1240). С. 3.

О журнале демократической студенческой польской молодежи «Нурт».

Библиография

«Русская мысль». Книга IX–XII. 1923–1924 гг. // За свободу! 1924. 14 июля. № 185 (1240). С. 4.

Новый студенческий журнал // За свободу! 1924. 14 июля. № 185 (1240). С. 4.

«Рассвет», № 1/4. (Львов).

Турнир поэтов в Вемблее // За свободу! 1924. 14 июля. № 185 (1240). С. 4.

Редьярд Киплинг и Скитер Роббинс на британской всемирной выставке в Уэмбли 1 июля 1924 г.

Д-р Крупов. На лету: Проблема Расплюева // За свободу! 1924. 19 июля. № 190 (1245). С. 2.

О статье Ярославского в «Правде» «Нужно ли возрождать кулачные бои?».

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXVIII [на самом деле XXX].
Ответ иереям достойным // *За свободу!* 1924. 20 июля.
№ 191 (1246). С. 2–3; 21 июля. № 192 (1247). С. 1.

Ответ на письма от лиц духовного звания.

Карл Росснар. Первая любовь / С немецкого перев. З. Журавская //
За свободу! 1924. 21 июля. № 192 (1247). С. 2.
Рассказ.

А. Амфитеатров. Два коня // *За свободу!* 1924. 21 июля.
№ 192 (1247). С. 2–3; 22 июля. № 193 (1248). С. 2–3.
«Конь вороной» и «Кон блед» Ропшина-Савинкова.

Библиография

«Балтийский альманах». № 4. Рига, 1924 // *За свободу!* 1924.
21 июля. № 192 (1247). С. 3.

«Кавказский горец». № 1. Прага, 1924 // *За свободу!* 1924. 21 июля.
№ 192 (1247). С. 3.

К. «Кавказский горец». № 1. Прага, 1924 // *За свободу!* 1924.
21 июля. № 192 (1247). С. 3.

В. Богданович. «Како верую» (Письмо в редакцию) // *За свободу!*
1924. 21 июля. № 192 (1247). С. 4.

По поводу статьи Философова «Белорусский дом».

Д. Философов. Краткий ответ сен. Богдановичу // *За свободу!* 1924.
21 июля. № 192 (1247). С. 4.

На письмо в редакцию Богдановича «Како верую» в этом же номере.

Ив. Посошков. Мысли профана // *За свободу!* 1924. 24 июля.
№ 195 (1250). С. 2.

Русский вопрос зависит от иностранной политики.

М. Арцыбашев. Письмо в редакцию // *За свободу!* 1924. 24 июля.
№ 195 (1250). С. 4.

Ответ на письмо В. Тургановского в этом же номере по поводу
благотворительной комиссии.

А. Амфитеатров. Записная книжка // За свободу! 1924. 26 июля. № 197 (1252). С. 2–3.

Эпизоды, связанные с Герценом, Буниным, Бальмонтом, Кочубе-ем, Плевако.

Л. Левдович. Три года с А.Н. Хвостовым (Из записной книжки революционера) // За свободу! 1924. 28 июля. № 199 (1254). С. 1–3; 3 августа. № 205 (1260). С. 3–4; 6 августа. № 208 (1263). С. 3–4.

Воспоминания о вологодской ссылке 1906–1909 гг. во время губернаторства Хвостова.

Старый одессит. «Воспоминания» бар. Н. Врангеля // За свободу! 1924. 28 июля. № 199 (1254). С. 2.

Поправки об одесском градоначальнике Зеленом.

Д. Воротынский. Последний закат // За свободу! 1924. 28 июля. № 199 (1254). С. 3.

Рассказ.

Б. Евреинов. Родине («Вот эту землю, ласковое поле...») // За свободу! 1924. 28 июля. № 199 (1254). С. 3.

Стихотворение.

С. Варшавский. Русский эмигрантский архив (От нашего пражского корреспондента) // За свободу! 1924. 28 июля. № 199 (1254). С. 4.

Архив русской эмиграции в Праге преобразовывается в РЗИА.

Д-р Крупов. Не для спора // За свободу! 1924. 29 июля. № 200 (1255). С. 2.

О статье Ив. Посошкова (Д.В. Философова) «Мысли профана» (За свободу! 1924. 24 июля. № 195).

Н. Неманов. Русская душа, польские рецензенты и профессор М. Здеховский // За свободу! 1924. 29 июля. № 200 (1255). С. 2–3.

По поводу польских отзывов на постановку виленским театром пьесы Л. Андреева «Тот, который получает пощечины».

Д. Философов. Урок прошлого // За свободу! 1924. 30 июля. № 201 (1256). С. 2–3.

Статья Дюмон-Вильдена «Урок прошлого» в «Revue Bleu» о русско-французских и русско-германских отношениях при царском режиме и книга проф. Аскеназы «Uwagi».

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXIX [на самом деле XXXI]. Большой вопрос // За свободу! 1924. 31 июля. № 202 (1257). С. 2–4. Ответ на письмо читателя по еврейскому вопросу.

Д-р Крупов. На лету: 1001 шантаж // За свободу! 1924. 1 августа. № 203 (1258). С. 2.

Заметка в «Правде» ко дню шестой годовщины разрушения Ярославля.

Стан. Мацкевич. Божьи вежи (Остаткам родной Добровольческой армии) («Боже, свята твоя мудрая воля...») // За свободу! 1924. 1 августа. № 203 (1258). С. 2. Стихотворение.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXIX [на самом деле XXXII]. Годовщина // За свободу! 1924. 1 августа. № 203 (1258). С. 2–3. Десять лет со дня объявления войны.

Марвин. Открытое письмо М.П. Арцыбашеву // За свободу! 1924. 1 августа. № 203 (1258). С. 3–4. По поводу статьи «Большой вопрос».

Вл. Михайлов. Один день // За свободу! 1924. 3 августа. № 205 (1260). С. 2–3. Рассказ.

Е. Шевченко. «Евгений Онегин» по-польски // За свободу! 1924. 4 августа. № 206 (1261). С. 2. Статья Вацлава Ледницкого «О судьбах Пушкина и идеологии русского общества» в варшавском журнале «Славянская культура» и «Евгений Онегин» в переводе Лео Бельмонта.

«Евгений Онегин» по-советски // За свободу! 1924. 4 августа. № 206 (1261). С. 2.

«Изложение Ивгения Онегина» советской школьницы в «Днях».

В. Бранд. «Безжалостно солнце Крыма...» // За свободу! 1924. 4 августа. № 206 (1261). С. 2.

Стихотворение.

Никита Смолин. [Савинков Б.В.]. На кладбище // За свободу! 1924. 4 августа. № 206 (1261). С. 2.

Кладбище в Костельце.

С. Ж. [Жарин С.И.]. «Погибнет отравленный улей...» // За свободу! 1924. 4 августа. № 206 (1261). С. 3.

Стихотворение.

Конкуренты Гоголя и Белинского // За свободу! 1924. 4 августа. № 206 (1261). С. 4.

Статья И. Родных в советском «Пламени» о романе «Месс-Менд».

Лео Бельмонт. Открытое письмо М.П. Арцыбашеву // За свободу! 1924. 7 августа. № 209 (1264). С. 2–3.

По поводу статьи «Больной вопрос».

Д. Философов. Столбцы // За свободу! 1924. 9 августа. № 211 (1266). С. 2.

Нападение советского отряда на польскую станцию Столбцы.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXXI [на самом деле XXXIII]. Да не свершится // За свободу! 1924. 10 августа. № 212 (1267). С. 2–4.

Ответ на письма по еврейскому вопросу.

Андрей Болин. В красном тумане // За свободу! 1924. 11 августа. № 213 (1268). С. 1–3.

Рассказ.

Находка рукописи Достоевского // За свободу! 1924. 11 августа. № 213 (1268). С. 2.

Оригинальная рукопись запрещенной повести Достоевского «Сны» найдена в архиве петербургского Цензурного управления.

В. П. [Португалов В.В.]. По поводу «Вампиров» Крыжановского // За свободу! 1924. 11 августа. № 213 (1268). С. 2.

Пьеса Крыжановского «Вампиры» идет в театре Фредры.

Ст. Здзеховский. К «делу» Ст. Бжозовского // За свободу! 1924. 11 августа. № 213 (1268). С. 3–4.

По поводу статьи Философова «Был ли Ст. Бжозовский провокатором».

12000 любовных писем Бальзака // За свободу! 1924. 11 августа. № 213 (1268). С. 4.

Статья Марселя Бутру о Бальзаке в «Ревю де дэ Мوند».

Вл. Михайлов. Рыжий // За свободу! 1924. 15 августа. № 217 (1272). С. 2–4; 16 августа. № 218 (1273). С. 2–3; 17 августа. № 219 (1274). С. 4.

Рассказ.

Л. Левдович. Два «буревестника» // За свободу! 1924. 16 августа. № 218 (1273). С. 2.

Керенский и Максим Горький.

Рафаил Бубер. К делу Бжозовского (Письмо в редакцию) // За свободу! 1924. 17 августа. № 219 (1274). С. 2–3.

По поводу статьи Философова «Был ли Ст. Бжозовский провокатором».

Д. Философов. К письму доктора Бубера // За свободу! 1924. 17 августа. № 219 (1274). С. 3.

По поводу статьи Рафаила Бубера «К делу Бжозовского», опубликованного в этом же номере.

Театр и музыка

Е. Ш. [Шевченко Е.С.]. Театр Станьчик. «Веселая смерть» и «Школа этуалей» Н.Н. Евреинова в постановке Г. Шапиро // За свободу! 1924. 17 августа. № 219 (1274). С. 4.

Рецензия.

Мария Рафалович. Шутка // За свободу! 1924. 18 августа. № 220 (1275). С. 2.

Рассказ.

А. Амфитеатров. Царев кабак // За свободу! 1924. 18 августа. № 220 (1275). С. 2–4.

Этюд к исследованию «Соломония бесноватая». Из главы «Устюг Великий».

Де М. Из воспоминаний. II. У атамана Петлюры // За свободу! 1924. 21 августа. № 223 (1278). С. 2–3; 25 августа. № 227 (1282). С. 2–3.

Продолжение воспоминаний «Гомельское восстание» (За свободу! 1924. 30 мая. № 141 (1196). С. 2–4; 31 мая. № 142 (1197). С. 2–4; 4 июня. № 145 (1201). С. 2).

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXXII [на самом деле XXXIV]. Трагическая нелепость // За свободу! 1924. 22 августа. № 224 (1279). С. 2–3.

Визиты в Польшу советских вельмож и нападения на польские селения советских отрядов.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. Всемирной славы Клименко // За свободу! 1924. 23 августа. № 225 (1280). С. 2.

Выступление Клименко на конгрессе в Велеграде.

Вл. Михайлов. Женщина // За свободу! 1924. 23 августа. № 225 (1280). С. 2–3; 24 августа. № 226 (1281). С. 2–3.

Рассказ.

Д. Философов. Врачу, исцелися сам! // За свободу! 1924. 24 августа. № 226 (1281). С. 2.

Ахмед Цалыккаты о русофобстве нацменьшинств в эмиграции.

Альбер Жан. Стуки / С французского З. Ж. [Журавская З.Н.] // За свободу! 1924. 25 августа. № 227 (1282). С. 2.
Рассказ.

Илия Британ. Из цикла «Изгнание»: «Я не хочу садов Семирамиды...» // За свободу! 1924. 25 августа. № 227 (1282). С. 2.
Перепечатка стихотворения из «Руля».

Ант. Домбровский. Станция // За свободу! 1924. 25 августа. № 227 (1282). С. 3.
Этюд.

А. Черный. Мелкобуржуазные вирши («Как жил в бочонке Диоген?...») // За свободу! 1924. 25 августа. № 227 (1282). С. 3.
Перепечатка стихотворения из «Вечернего времени».

Ш. [Шевченко Е.С.]. Иосиф Конрад-Коженевский // За свободу! 1924. 25 августа. № 227 (1282). С. 3.
Скончался Джозеф Конрад.

Е. Ш. [Шевченко Е.С.]. Слова и четки // За свободу! 1924. 25 августа. № 227 (1282). С. 4.
Стихи Ахматовой, Цветаевой и Д.А. Шаховского.

Д-р Крупов. Еще о «рабкорах» // За свободу! 1924. 26 августа. № 228 (1283). С. 2.
Статья С. Брынцева в «Днях» в защиту рабкоров.

А. Амфитеатров. Попы и бунты // За свободу! 1924. 26 августа. № 228 (1283). С. 2–3; 30 августа. № 232 (1287). С. 2–3.
Татищев о духовенстве, участие попов в бунтах.

Доктор Крупов. На лету: Первая размолвка // За свободу! 1924. 27 августа. № 229 (1284). С. 2.
Об англо-советском договоре.

Советское сообщение о Савинкове // За свободу! 1924. 30 августа. № 232 (1287). С. 3.
20 августа на территории СССР задержан Савинков.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXXIII [на самом деле XXXV]. Едина неделимая // За свободу! 1924. 31 августа. № 233 (1288). С. 2–4.

Национальный вопрос и право на самоопределение.

[Новая редакционная коллегия: М.П. Арцыбашев, В.В. Португалов, Д.В. Философов, Е.В. Шевченко. Начиная с этого номера, материалы о Савинкове (телеграммы, сообщения, заметки, статьи, письма, перепечатки, версии и др., чаще всего неподписанные) в течение нескольких недель занимают первые полосы газеты] // За свободу! 1924. 2 сентября. № 235 (1290). С. 1.

Б. Евреинов. В горах (Впечатления туриста) // За свободу! 1924. 2 сентября. № 235 (1290). С. 2–3.

Очерк о чешской горной местности Крконоше.

Де-М. Из воспоминаний. IV. У Бермонта // За свободу! 1924. 3 сентября. № 236 (1291). С. 2–3; 4 сентября. № 237 (1292). С. 2–3.

Продолжение воспоминаний «Гомельское восстание» (За свободу! 1924. 30 мая. № 141 (1196). С. 2–4; 31 мая. № 142 (1197). С. 2–4; 4 июня. № 145 (1201). С. 2) и «У атамана Петлюры» (За свободу! 1924. 21 августа. № 223 (1278). С. 2–3; 25 августа. № 227 (1282). С. 2–3).

Виктор Савинков. Почему не расстреляли? // За свободу! 1924. 4 сентября. № 237 (1292). С. 2.

По поводу откликов на арест Б.В. Савинкова.

Д. Философов. Пытка неизвестностью // За свободу! 1924. 5 сентября. № 238 (1293). С. 2.

Дело Савинкова.

Е. Шевченко. Заплечные фальсификаторы // За свободу! 1924. 5 сентября. № 238 (1293). С. 2.

Дело Савинкова.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXXIV [на самом деле XXXVI]. Савинков // За свободу! 1924. 5 сентября. № 238 (1293). С. 2–4.

Вл. Михайлов. На реке // За свободу! 1924. 7 сентября. № 240 (1295). С. 2–3; 17 сентября. № 249 (1304). С. 2–3.
Рассказ.

Ант. Домбровский. Горбун // За свободу! 1924. 8 сентября. № 241 (1296). С. 2–3.
Рассказ.

Игорь Северянин // За свободу! 1924. 8 сентября. № 241 (1296). С. 3.
Сообщение о приезде Северянина в Варшаву; к тексту прилагаются три стихотворения:
Купанье звезд («Выхожу я из дома, что построен на горке...»)
Триолет («Теперь, когда “телятся луны”...»)
«Это было у моря, где ажурная пена...».

Н. Ф. Под каштаном // За свободу! 1924. 8 сентября. № 241 (1296). С. 3–4.
Рассказ.

Рецензии

З. Ж. [Журавская З.Н.]. [Рец.:] Спутник русского во Франции. Белград, 1924 // За свободу! 1924. 8 сентября. № 241 (1296). С. 4.
З. Ж. [Журавская З.Н.]. [Рец.:] *В. Пиотровский.* Волшебная лощадка. Берлин: Изд. И.П. Ладыжникова, 1924 // За свободу! 1924. 8 сентября. № 241 (1296). С. 4.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXXV [на самом деле XXXVII]. Гады ползучие // За свободу! 1924. 10 сентября. № 242 (1297). С. 2.
Анонимные письма в редакцию после гибели Савинкова.

Д. Философов. Дело Савинкова // За свободу! 1924. 11 сентября. № 243 (1298). С. 2.
Биографическая и политическая сторона дела.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXXVI [на самом деле XXXVIII]. Фельетонная совесть // За свободу! 1924. 11 сентября. № 243 (1298). С. 2–4.
Фельетон А. Яблоновского «Дело Савинкова» в «Руле».

Дело Савинкова // За свободу! 1924. 11 сентября. № 243 (1298). С. 3; 12 сентября. № 244 (1299). С. 2–4; 13 сентября. № 245 (1300). С. 2–4; 14 сентября. № 246 (1301). С. 2–4; 15 сентября. № 247 (1302). С. 2–4.

Перепечатка из «Известий» от 30 и 31 августа.

Ст. Мацкевич. Зов («Молчанье дней моих безоких...») // За свободу! 1924. 15 сентября. № 247 (1302). С. 2.

Стихотворение.

Мария Рафалович. Мышка // За свободу! 1924. 15 сентября. № 247 (1302). С. 3.

Рассказ.

Д. Философов. Секреты // За свободу! 1924. 16 сентября. № 248 (1303). С. 2.

Вопрос о положении православной церкви в Польше становится вопросом международным.

Предательство Савинкова

Д. Философов. Вместо предисловия // За свободу! 1924. 17 сентября. № 249 (1304). С. 1.

О письме Савинкова Философову.

Письмо Савинкова Д.В. Философову // За свободу! 1924. 17 сентября. № 249 (1304). С. 1.

Д. Философов. Ответ Б.В. Савинкову // За свободу! 1924. 17 сентября. № 249 (1304). С. 1.

Андрей Болин. На чужих берегах // За свободу! 1924. 18 сентября. № 250 (1305). С. 2–3; 19 сентября. № 251 (1306). С. 2–3; 20 сентября. № 252 (1307). С. 2–3; 23 сентября. № 255 (1310). С. 2–3; 29 сентября. № 261 (1316). С. 3–4; 10 октября. № 272 (1327). С. 2–3; 13 октября. № 275 (1330). С. 4; 21 октября. № 283 (1338). С. 2–3.

Воспоминания об эвакуации из Ялты в Константинополь.

Е. Шевченко. Амнистия, Е. С. и ряд сомнений (По поводу письма Б.В. Савинкова) // За свободу! 1924. 20 сентября. № 252 (1307). С. 2.

О письме Савинкова Философову.

Владимир Бранд. Ответы // За свободу! 1924. 20 сентября. № 252 (1307). С. 2.

О письме Савинкова Философову.

Д. Философов. Крысы // За свободу! 1924. 21 сентября. № 253 (1308). С. 2.

О новых последователях Савинкова.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXXVII [на самом деле XXXIX]. Письма Савинкова // За свободу! 1924. 21 сентября. № 253 (1308). С. 2–4.

Письмо Савинкова Философову.

Всеволод Байкин. Два стихотворения // За свободу! 1924. 22 сентября. № 254 (1309). С. 2.

В изгнании

1. Vanitas vanitatis («В изгнании моем убогом...»);
2. Отшельник («Отойдя от людских треволнений...»).

В. Корчемный. Домик под снегом (Из найденных записок неизвестного, помеченных – зима 1919–20 г., Россия) // За свободу! 1924. 22 сентября. № 254 (1309). С. 2–4.

Юрий Липеровский. [Рец.:] «Русская школа за рубежом». Книга 9, 1924 г. // За свободу! 1924. 22 сентября. № 254 (1309). С. 3.

Новые книги

М. П. [Рец.:] *Е. Лазарев.* Ленин–Ульянов. Прага, 1924 // За свободу! 1924. 22 сентября. № 254 (1309). С. 3.

Д. Философов. Задачи молодой эмиграции // За свободу! 1924. 23 сентября. № 255 (1310). С. 2.

Третья годовщина союза русских студентов в Польше.

Вл. Бурцев. Из письма В.Л. Бурцева о Савинкове // За свободу! 1924. 24 сентября. № 256 (1311). С. 2.

О визите Савинкова к Бурцеву перед поездкой в Россию.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.] Молебны и шимозы // За свободу! 1924. 25 сентября. № 257 (1312). С. 2.

Инженер Бассехес о процессе Савинкова в «Нейе Фрейе Прессе» от 21 сентября.

Л. Левдович. На новую жизнь // За свободу! 1924. 25 сентября. № 257 (1312). С. 2–3.

Рассказ.

Б. Евреинов. Предателям подобает молчать // За свободу! 1924. 26 сентября. № 258 (1313). С. 2.

О Савинкове.

Гаврило Невидомий. Открытое письмо М.П. Арцыбашеву // За свободу! 1924. 26 сентября. № 258 (1313). С. 2–3.

По поводу статьи Арцыбашева «Единая Неделимая» (За свободу! 1924. 31 августа).

Вл. Михайлов. Заседание // За свободу! 1924. 29 сентября. № 261 (1316). С. 2–3.

Рассказ.

К. Оленин. «Неожиданно гроздя глициний...» // За свободу! 1924. 29 сентября. № 261 (1316). С. 3.

Стихотворение.

Д. Философов. Дело Смарагда // За свободу! 1924. 30 сентября. № 262 (1317). С. 2–3.

Убийство митрополита Георгия.

А. Амфитеатров. Кое-что о Савинкове // За свободу! 1924. 1 октября. № 263 (1318). С. 2–3.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXXVIII [на самом деле XL]. Ответ украинцу // За свободу! 1924. 4 октября. № 266 (1321). С. 2–3; 5 октября. № 267 (1322). С. 2–3.

Ответ на письмо Невидомого по национальному вопросу.

Православие в Польше // За свободу! 1924. 4 октября. № 266 (1321). С. 2.

«Курьер Поранный» о статье Философова «Дело Смарагда».

А. Амфитеатров. Поповские промыслы // За свободу! 1924. 6 октября. № 268 (1323). С. 2–3; 8 октября. № 270 (1325). С. 2–3.

Способы прокормиться русских священников.

Стан. Мацкевич. Бес («Это шутки коварного беса...») // За свободу! 1924. 6 октября. № 268 (1323). С. 3.

Стихотворение.

Новые книги

З. Ж. [Журавская З.Н.]. [Рец.:] *Карл Скальбе.* Сказки. Рига, 1924 // За свободу! 1924. 6 октября. № 268 (1323). С. 4.

Стихотворение.

Др. Д.С. Пасманик. Савинковская легенда (От нашего парижского корреспондента) // За свободу! 1924. 7 октября. № 269 (1324). С. 2–3.

Парижские мнения и версии савинковской истории.

Библиотека военного времени г-на Хувера // За свободу! 1924. 9 октября. № 271 (1326). С. 2.

Визит директора Гуверовской библиотеки Дугласа Адамса к Философову с предложением сотрудничества.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XXXIX [на самом деле XLI]. Гоголевский черт и эсеровские ангелы // За свободу! 1924. 9 октября. № 271 (1326). С. 2–3.

Статьи Чернова и Лебедева о Савинкове в «Воле России».

Старый театрал. Без стиля («Мазепа» Словацкого в Национальном театре) // За свободу! 1924. 9 октября. № 271 (1326). С. 4.

Д. Философов. По поводу письма архиеп. Роппа // За свободу! 1924. 11 октября. № 273 (1328). С. 2.

Письмо архиепископа Роппа против послания С.Н. Булгакова Велеградскому съезду опубликовано в этом же номере газеты.

Из прошлого. М.Е. Салтыков как администратор // За свободу! 1924. 11 октября. № 273 (1328). С. 2–3.

Перепечатка из «Беседы» фрагмента статьи А. Ляковского «Новое о Щедрина».

А. Амфитеатров. Два письма Леонида Андреева // За свободу! 1924. 12 октября. № 274 (1329). С. 2–4.

К пятилетию со дня смерти Л. Андреева два его письма с комментариями Амфитеатрова: от 20 марта 1906 г. и от 14 октября 1913 г.

С. Ж. [Жарин С.И.]. Яблоки // За свободу! 1924. 13 октября. № 275 (1330). С. 2.

Рассказ.

Ш. [Шевченко Е.С.]. 1920 год // За свободу! 1924. 13 октября. № 275 (1330). С. 2.

О книге: *Józef Pilsudski. Rok 1920.* Warszawa: Ignis, 1924.

Новый французский роман // За свободу! 1924. 13 октября. № 275 (1330). С. 2.

О романе Пьера Бенуа «Mademoiselle de la Ferte».

С.П. Дягилев // За свободу! 1924. 13 октября. № 275 (1330). С. 3.

Перепечатка из «Руля» фрагментов статьи Ю. Офросимова о Дягилеве.

З. Ж. [Журавская З.Н.]. Кончина Анатоля Франса // За свободу! 1924. 14 октября. № 276 (1331). С. 2.

М. Арцыбашев. По поводу отчета // За свободу! 1924. 14 октября. № 276 (1331). С. 4.

По поводу опубликованного в этом же номере отчета Комиссии помощи русской эмиграции в Варшаве с 1 сентября по 1 октября 1924 г.

В. Бурцев. Торг, измена, предательство // За свободу! 1924. 15 октября. № 277 (1332). С. 2–3.

О Савинкове.

Мария Рафалович. Сыновья // За свободу! 1924. 17 октября. № 279 (1334). С. 2.

Рассказ.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XL [на самом деле XLII]. Валерий Брюсов // За свободу! 1924. 18 октября. № 280 (1335). С. 2–4.
Умер Брюсов.

Тэффи. Лапушка // За свободу! 1924. 19 октября. № 281 (1336). С. 2–3.

Перепечатка из сборника рассказов Тэффи «Вечерний день».

Е. Шевченко. «Засилие» русского искусства // За свободу! 1924. 20 октября. № 282 (1337). С. 2.

По поводу статьи польского музыканта А. Шимановского «Москалемания а гебуога» в варшавской газете «Ржечпосполита».

Вл. Михайлов. Слава // За свободу! 1924. 20 октября. № 282 (1337). С. 2–4.

Рассказ.

Премьера «Санина» в Вене // За свободу! 1924. 20 октября. № 282 (1337). С. 4.

«Нейе Фрейе Прессе» о премьере инсценированного Бенно Виньи и Морисом Гиршманом арцыбашевского «Санина», прошедшей 14 октября 1924 г. в венском Городском театре.

Д. Философов. Оптимизм и кривотолки // За свободу! 1924. 21 октября. № 283 (1338). С. 2.

Полемика «Воскресного чтения» с Философовым о варшавской православной митрополии.

Д. Философов. Письмо в редакцию // За свободу! 1924. 22 октября. № 284 (1339). С. 3.

Уведомление корреспондентов об отъезде за границу до 15 ноября.

Л. Сень. На заводе // За свободу! 1924. 24 октября. № 286 (1341). С. 3.
Рассказ.

М. Арцыбашев. Записки писателя. ХLI [на самом деле ХLIII]. О Генрике Сенкевиче // За свободу! 1924. 25 октября. № 287 (1342). С. 2–3.

Е. Шевченко. У гроба Генриха Сенкевича // За свободу! 1924. 26 октября. № 288 (1343). С. 2.

В связи с переносом праха Сенкевича из Вены в Варшаву.

Альбер-Жан. Правда и ложь / С французского пер. З. Журавская // За свободу! 1924. 26 октября. № 288 (1343). С. 2.
Рассказ.

Е. Ш-ко. [Шевченко Е.С.]. Поэт король-солнце (Новая книга стихов К.Д. Бальмонта) // За свободу! 1924. 27 октября. № 289 (1344). С. 2.

О сборнике стихов «Мое – ей».

Стихотворения Игоря Северянина // За свободу! 1924. 27 октября. № 289 (1344). С. 2.

Наверняка («Я чувствую наверняка...»).

Любят только душой («Хрустит под сапогом валежник...»).

З. Ж. [Журавская З.Н.]. Литература ли журнализм? // За свободу! 1924. 27 октября. № 289 (1344). С. 2.

О полемике во французской печати.

Новые книги

В-в. [Рец.:] «Крестьянская Россия», сборник № VIII–IX. Прага, 1924 // За свободу! 1924. 27 октября. № 284 (1339). С. 4.

Юрий Литеровский. [Рец.:] Бюллетень № 5 Педагогического бюро средней и низшей школы. Прага // За свободу! 1924. 27 октября. № 284 (1339). С. 4.

К. Мациевич. К украинскому вопросу (Ответ М.П. Арцыбашеву) // За свободу! 1924. 28 октября. № 290 (1345). С. 2–3.

В связи с полемикой Невидомого и Арцыбашева.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XLII [на самом деле XLIV]. «Равный с равными» // *За свободу!* 1924. 29 октября. № 291 (1346). С. 2–3.

О статье Мациевича «К украинскому вопросу» в № 290 «За свободу!» от 28 октября.

Д-р Кр. На лету: «Засыпавшиеся» // *За свободу!* 1924. 30 октября. № 292 (1347). С. 2.

Премьер-министр Великобритании Мак-Дональд не стесняется повторять приемы Зиновьева.

Чешская критика о постановке «Медеи» (Спектакль группы Моск. Худож. театра) // *За свободу!* 1924. 31 октября. № 293 (1348). С. 3.
Пражская группа МХТ 24 октября в Виноградском театре представила «Медею» Еврипида в новой постановке М.Н. Германовой.

Пьер Милль. Голова повара / С французского перев. З. Ж. [Журавская З.Н.] // *За свободу!* 1924. 1 ноября. № 294 (1349). С. 2–3.
Рассказ.

Игорь Северянин Лидии Липковской // *За свободу!* 1924. 3 ноября. № 295 (1350). С. 2.

Перепечатка из газеты «Время» северянинского «Сонета Лидии Липковской» («Вы так жалеете, что том моих стихов...»).

Е. Шевченко. Мария Башкирцева (1860–1884) // *За свободу!* 1924. 3 ноября. № 295 (1350). С. 2.

Эмигрантская и французская печать о Марии Башкирцевой.

Вл. Михайлов. Дом № 8 // *За свободу!* 1924. 3 ноября. № 295 (1350). С. 2–4.
Рассказ.

Пушкинский музей в Париже // *За свободу!* 1924. 3 ноября. № 295 (1350). С. 4.

М.Л. Гофман в «Звене» о Пушкинском музее А.Ф. Онегина.

А. Амфитеатров. Вождь Народной воли о крестьянстве и об Азефе // *За свободу!* 1924. 5 ноября. № 297 (1352). С. 2–3.

Письмо Г.А. Лопатина В.Н. Фигнер от 18 сентября 1912 г.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XLIII [на самом деле XLV]. О любви к народу и о воле его // *За свободу!* 1924. 6 ноября. № 298 (1353). С. 2–3.

Открытое письмо В. Зензинова в «Днях».

М. Арцыбашев. Записки писателя. XLIV [на самом деле XLVI]. «Дух русской эмиграции» // *За свободу!* 1924. 15 ноября. № 307 (1362). С. 2–4.

Правительство Эррио нажимает на русскую эмиграцию в угоду большевикам.

М. Арцыбашев. Старые знакомые // *За свободу!* 1924. 16 ноября. № 308 (1363). С. 3.

Жена Арцыбашева встретила в Варшаве чекиста, который приходил с обыском в Москве.

М. Арцыбашев. Примечания к украинскому вопросу // *За свободу!* 1924. 17 ноября. № 309 (1364). С. 2–3.

Ответ на статьи К. Мациевича и Ал. Саликовского, опубликованные в продолжение полемики в этом же номере газете.

С. В-ий. [Варшавский С.И.]. «Женитьба» (От нашего пражского корреспондента) // *За свободу!* 1924. 17 ноября. № 309 (1364). С. 3. «Женитьба» Гоголя в постановке пражской труппы МХТ.

Е. Шевченко. Торжество польской культуры (Награждение В. Реймонта нобелевской премией) // *За свободу!* 1924. 17 ноября. № 309 (1364). С. 3.

Анатоль Франс и учение Фрейда // *За свободу!* 1924. 17 ноября. № 309 (1364). С. 4.

Статья доктора Логре в «Тан».

Новые книги

В. П. [Португалов В.В.]. [Рец.:] Воспоминания тов. об.-прокур. Св. Синода Н.Д. Жевахова. 1 т. Мюнхен, 1923 // *За свободу!* 1924. 17 ноября. № 309 (1364). С. 3.

Д-р Крупов. На лету // *За свободу!* 1924. 18 ноября. № 310 (1365). С. 2.

Сообщение Сорга в «Котидьен» о секретном обеде сенатора Монзи с Раковским.

Свен Гедин об Оссендовском // *За свободу!* 1924. 18 ноября. № 310 (1365). С. 3.

Полемика Свена Гедина и Оссендовского в преддверии публичного диспута в Берлине.

Д-р Кр. Разговор француза с американцем // *За свободу!* 1924. 19 ноября. № 311 (1366). С. 2.

Луи Форэ в «Матэн» о разном отношении Франции и США к признанию большевиков.

А. Амфитеатров. Одержимый: Этюд к историческому роману «Рубеж» // *За свободу!* 1924. 19 ноября. № 311 (1366). С. 2–3; 23 ноября. № 315 (1370). С. 2–4; 24 ноября. № 316 (1371). С. 1–4.

Бэ-Ви. Из воспоминаний беженки // *За свободу!* 1924. 20 ноября. № 312 (1367). С. 2–3; 21 ноября. № 313 (1368). С. 2–3.

Город Гусятин в 1922 г.

Д. Философов. Парижские настроения. I. Момент растерянности // *За свободу!* 1924. 21 ноября. № 313 (1368). С. 2.

Дебаты о том, как устроить эмигрантов после ухода Маклакова из русского посольства.

М. Арцыбашев. Записки писателя. XLV [на самом деле XLVII]. «Лоховка» // *За свободу!* 1924. 22 ноября. № 314 (1369). С. 2–3.

Лоховский приют на окраине Варшавы.

Д. Философов. Парижские настроения. II. Между протестом и паникой // *За свободу!* 1924. 22 ноября. № 314 (1369). С. 3.

День памяти воинов во Франции и акция по возложению венка на могилу неизвестного солдата русской колонией Парижа.

Д. Философов. Парижские настроения. III. У Леона Блума // *За свободу!* 1924. 23 ноября. № 315 (1370). С. 2.

Воспоминания о довоенном знакомстве и рассказ о теперешней встрече.

М. Арцыбашев. [Как председатель редакционной коллегии «За свободу!»...] // *За свободу!* 1924. 23 ноября. № 315 (1370). С. 4.

Ответ на письмо в редакцию правления Русского политического комитета, опубликованное в этом же номере.

М. Арцыбашев. Скверный анекдот // *За свободу!* 1924. 24 ноября. № 316 (1371). С. 2.

Русское искусство как орудие игры большевиков с Европой.

В усадьбе Достоевского // *За свободу!* 1924. 24 ноября. № 316 (1371). С. 4.

А. Дроздов в «Известиях» о своем посещении сестры Ф.М. Достоевского в имении Достоевских под Зарайском.

Д. Философов. Парижские настроения. IV. Азбука государственности // *За свободу!* 1924. 25 ноября. № 317 (1372). С. 2.

Доклад С.П. Мельгунова о красном терроре на собрании РДО в Париже.

Д. Философов. Честная игра или крапленые карты? // *За свободу!* 1924. 26 ноября. № 318 (1373). С. 2.

«Прагер прессе» и «Дни» о признании советской России.

Ан. Версилов. [Гиппиус З.Н.]. Лиловая тетрадь. 1. О невидимых лучах и прочем // *За свободу!* 1924. 27 ноября. № 319 (1374). С. 2.

Эмигрантская печать и эмигранты-соглашатели.

Д. Философов. Православие в Польше // За свободу! 1924. 28 ноября. № 320 (1375). С. 2.

На кого опираться, на митрополита Антония или митрополита Евлогия?

М. Арцыбашев. Записки писателя. XLVI [на самом деле XLVIII]. Казнь Яна Томпа // За свободу! 1924. 29 ноября. № 321 (1376). С. 2–3.

Участник государственного переворота в Эстонии расстрелян за оскорбление судей.

Д. Философов. Эмиграция в Польше // За свободу! 1924. 30 ноября. № 322 (1377). С. 2.

Ограничения в правах для русских.

М. Арцыбашев. Издевательство // За свободу! 1924. 30 ноября. № 322 (1377). С. 2.

Постановление ЦИК СССР о переименовании Екатеринбурга в Свердловск.

Андрей Болин. Алый бред // За свободу! 1924. 30 ноября. № 322 (1377). С. 3; 3 декабря. № 325 (1380). С. 2.

Рассказ.

З. Ж. [Журавская З.Н.]. Новая пьеса Пиранделло // За свободу! 1924. 1 декабря. № 323 (1378). С. 2.

Пьеса Пиранделло «Шестеро персонажей в поисках автора» поставлена в парижской «Студии» на Монмартре.

Бернард Шоу о кино и о самом себе // За свободу! 1924. 1 декабря. № 323 (1378). С. 2.

Беседа Арчибальда Гендерсона с Бернардом Шоу в «Нейе Рундшау».

Д. Философов. Памяти А.И. Браудо // За свободу! 1924. 1 декабря. № 323 (1378). С. 2–3.

Некролог-воспоминания.

З. Журавская. Кончина Германа Гейерманса // За свободу! 1924. 1 декабря. № 323 (1378). С. 4.

Скончался голландский писатель Герман Гейерманс.

Е. Ш. [Шевченко Е.С.]. Черные розы // За свободу! 1924. 1 декабря. № 323 (1378). С. 4.

О книге: *Ian Lechoń. Srebrne i czarne*. Warszawa: Ignis, 1924.

Ив. Посошков. [Философов Д.В.]. «Свободная дискуссия» // За свободу! 1924. 3 декабря. № 325 (1380). С. 2.

О статье Д.С. Пасманика «Жорес в Пантеоне» (За свободу! 1924. 2 декабря).

Ан. Версиров. [Гиппиус З.Н.]. Лиловая тетрадь. 2. Конец ноября // За свободу! 1924. 4 декабря. № 326 (1381). С. 2.

О признании Францией СССР.

С. Мельгунов. Две революции (Письмо в редакцию) // За свободу! 1924. 6 декабря. № 328 (1383). С. 2.

О статье Философова «Азбука государственности».

М. Арцыбашев. Записки писателя. XLVII [на самом деле XLIX]. В советском раю // За свободу! 1924. 7 декабря. № 329 (1384). С. 2–4.

Березнер в «Известиях» о беспризорности.

Стихотворения Игоря Северянина // За свободу! 1924. 9 декабря. № 330 (1385). С. 2.

На дровнях («С крутой горы несутся дровни...»).

Закат при шторме («По небу точно хлопья ваты...»).

Д. Философов. Маленькое предисловие // За свободу! 1924. 9 декабря. № 330 (1385). С. 2.

«За свободу!» начинает печатать цикл статей Мережковского – глав из его будущей книги.

Д. Мережковский. Небывалое // За свободу! 1924. 9 декабря.
№ 330 (1385). С. 3—4.

Эссе о религии и атеизме.

М. Арцыбашев. Дар Мидаса // За свободу! 1924. 9 декабря.
№ 330 (1385). С. 3.

В руках большевиков все превращается отнюдь не в золото.

Е. Шевченко. Критерии (Журнал «Музыка») // За свободу! 1924.
9 декабря. № 330 (1385). С. 3.

Первый номер польского журнала «Музыка».

SUB SPECIE AETERNITATIS

Л.А. Тихомиров*

ЧТО ЗНАЧИТ ЖИТЬ И ДУМАТЬ ПО-РУССКИ?

В чем же причина этого? В том, что быть русским, жить и думать *по-русски* – это значит пребывать в том типе жизни, в том строе мысли, которые национальны для России, т.е. выражают вековую и тысячелетнюю мысль и жизнь нации. Русская нация в вековой жизни своей работала, устраивалась, верила и мыслила, и вот внутренняя принадлежность к этой мысли и жизни, соответствие с ней определяет, по-русски ли живет и мыслит такой-то человек и даже такая-то партия. Мы имеем целый ряд выдающихся мыслителей, которые были признаны *национальными*, т.е. верно подметившими, что значит жить и думать *по-русски*. Таковы Киреевские, Хомяков, Аксаковы, Катков, Коялович и т.д. и не в меньшей степени ряд глубоких художников, как Пушкин, Достоевский, ряд историков, как С.М. Соловьёв (как раньше его Карамзин) и т.д. Можем мы найти и философов, и юристов, схвативших более или менее типичные стороны национальной мысли, в чем, например, никто не откажет Победоносцеву, Коркунову, В.С. Соловьёву. Желаящие могут в сочинении Кояловича «История русского самосознания» найти сотни имен людей, несомненно схватывавших разные стороны того, что значит жить и мыслить по-русски...

У нас нынче среди правых иногда появляется такая узкая идея *русского* интереса, такой национальный эгоизм, которые приличествуют разве какой-нибудь бискайской «национальности». Но

* Тихомиров Лев Александрович (1852–1923), публицист, общественный деятель. В 1902–1913 гг. – редактор-издатель газеты «Московские Ведомости».

это в высочайшей степени антирусская черта. Нет ни единого крупного деятеля русской мысли или государственности, который бы не свидетельствовал и в самом себе, и в своем слове о том, что русская национальность есть *мировая* национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в своем деле и в своей жизни множеству самых разнообразных племен. Именно эта черта и делает Русский народ великим мировым народом и, в частности, дает право русскому патриоту требовать гегемонии для своего племени. Мы же теперь слышим иной раз требование прав для русского племени не потому, что это нужно для всех других и для всего человечества, а просто потому, что для русского племени выгодно все забрать себе. Это – настроение и точка зрения, против которых вопиет вся русская история, вся жизнь Русского народа, все лучшие его мыслители и деятели.

Только во имя своей великой общечеловеческой миссии Русский народ может требовать себе руководства другими народами и тех материальных условий, которые для этого необходимы. Те требования, которые может и должен предъявлять Русский народ, налагают на него великие обязанности попечения и справедливости. Он – не из тех опекунов, которые пользуются своими правами для того, чтобы обобрать отданных в зависимость от него. Люди, которые этого не понимают и не чувствуют, – думают и живут не по-русски. Это не мы им говорим, а целый сонм русских мыслителей, деятелей, вникавших в идею жизни своего народа.

1912 г.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Алексеева Галина Васильевна, кандидат филол. наук, зав. отделом научно-исследовательской работы Гос. музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». Редактор и составитель кн.: Библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Книги на иностранных языках. Тула, 1999. Ч. 1: А–Л. 700 с. – Ч. 2: М–Z; А–Я.; Толстой и мировая литература. Вып. 1–3. Тула, 2005–2008. Тел. (48751)76141.

Альтишуллер Марк (р.1929), филолог-славист, проф. ун-та в Питтсбурге. Автор книг: «Эпоха Вальтера Скотта в России» (1996), «Между двух царей. Пушкин 1824–1836» (2003), «Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства» (2007) и др. altshul@pitt.edu Тел. (412) 371–8415.

Балашова Ирина Александровна, проф. кафедры истории русской литературы Южного федерального университета (Ростов-на-Дону). Автор книг: «Романтическая мифология А.С. Пушкина» (2004), «Русская литература 1800–1860-х годов в вузовском изучении» (2007) и др. Тел. 8-863-293-00-40.

Беляева Ирина Анатольевна, доктор филол. наук, проф. кафедры русской литературы и фольклора Московского городского педагогического университета. Автор книг: «Творчество И.С. Тургенева» (2002), «Система жанров в творчестве И.С. Тургенева» (2005).

Богданова Ольга Алимовна, исследовательница рус. литературы; сотрудник Негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Русско-американский институт». Автор книг: «Под созвездием Достоевского: художественная проза рубежа XIX–XX веков в аспекте жанровой поэтики

русской классической литературы» (2008) и др. Тел. 8-909-6553850 (моб.).

Есаулов Иван Андреевич (р. 1960), доктор филол. наук, профессор. Автор книг: «Спектр адекватности в истолковании литературного произведения» (1995); «Категория соборности в русской литературе» (1995); «Мистика в русской литературе советского периода» (2002); «Пасхальность русской словесности» (2004). Тел. (495) 314-6374.

Матушек Елена Юрьевна, кандидат филол. наук, доцент кафедры истории украинской литературы Харьковского национального университета им. В. Каразина, кафедры истории украинской литературы Харьковского национального университета им. В. Каразина. olenam2002@mail.ru

Подосокорский Николай Николаевич (р. 1984), кандидат филол. наук. Ведущий научный сотрудник Фонда содействия изучению истории цивилизации «Вехи Эпох» (С.-Петербург). Исследователь творчества Ф.М. Достоевского. n.podosokorskiy@mail.ru

Полосина Алла Николаевна, кандидат филол. наук, ст. научный сотр. Гос. мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”». Исследовательница творчества Л.Н. Толстого. alla.polosina@tgk.tolstoy.ru

Салова Светлана Алексеевна, доктор филол. наук, проф. кафедры русской литературы и фольклора Башкирского государственного университета. Автор книг: «А.Д. Кантемир – переводчик анакреонтеи» (2004), «Утро русской анакреонтики» (2005). Тел. +7-917-75-84-118 (моб.).

Сложеникина Юлия Владимировна, доктор филол. наук, проф. Самарского гос. технического университета. Автор кн.: «Терминологическая лексика в общезыковой системе». Самара, 2003; «Термин: семантическое, формальное, функциональное варьирование». М., 2005; «Терминологическая вариантность: семантика, форма, функции». М., 2010. goldword@mail.ru

Тахо-Годи Елена Аркадьевна, доктор филол. наук, чл.-корр. РАЕН, доцент кафедры истории русской литературы филологич. факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, зав. научным отделом

Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Автор книг: «А.Ф. Лосев. От писем к прозе. От Пушкина до Пастернака» (1999), «Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне» (2000), «Художественный мир прозы А.Ф. Лосева» (2007), «Великие и безвестные. Очерки русской литературы и культуры XIX–XX вв.» (2008) и др. tahogodi@mail.ru

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СТАТЕЙ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Алексеева Г.В. Лев Толстой в диалоге с Америкой

В восприятии Толстым произведений американских писателей наиболее важными порой оказывались не художественные достоинства, а религиозно-нравственные аспекты творчества. Диалог начиная с 1850-х годов происходил в рамках общего развития нравственно-эстетической мысли России и Америки.

Ключевые слова: эстетика, религия, диалог, контакты, взаимосвязи, взаимовлияния, гражданская позиция, духовность.

Alekseeva G.V. Tolstoy's dialogue with America

Tolstoy's ties with America are very demonstrative and instructive. Some parallels in social, political, religious, literary and artistic life of Russia and America, beginning from the 1850s, offered new models for interactions, co-operation, and mutual influence. Dialogue was taking place in terms of mutual development of art and thought.

Альмишуллер М. Шишков и Карамзин в споре о судьбе России

Активная жизнь Карамзина и Шишкова пришлась на годы от Французской революции до восстания декабристов. Оба были консерваторами, т.е. сторонниками монархического правления для России, противниками отмены крепостного права и пр. При этом взгляды их были противоположны. Карамзин был сторонником

постепенных изменений (западником), Шишков стремился к сохранению устоявшихся форм.

Ключевые слова: Россия и Запад, западничество, славянофильство, крепостное право, консерватизм, демократия.

Altshuller M. Shishkov and Karamzin debating destiny of Russia

For both Karamzin and Shishkov, their active lives spanned the years between the French revolution and the Decembrist revolt. Both were conservatives, meaning that they supported monarchical rule in Russia and opposed the abolition of serfdom. However, they had opposing views on a number of issues. Karamzin favored gradual changes (he was a Westernizer). Shishkov insisted on preservation of the established order.

Балашова И.А. Бессловесное в произведениях А.С. Пушкина

В статье осмыслен используемый Пушкиным прием опускания повтора существенного мотива, образа или детали («Выстрел»). Неназванное предстает важным впечатлением, переживанием героев, рассказчика («Станционный смотритель») или лирического «я»; оно может оказаться утаиваемым («К***») и сакрализированным также вследствие утаивания («Пророк»). Иногда невысказанное поэтом приоткрывают его черновики.

Ключевые слова: бессловесное, лиризм, сакральное, черновик, рисунок в рукописи, сопереживание.

Balashova I.A. The uncalled in the Pushkin's writings

The article deals with the missing out of the essential motif, image or detail, which are never repeated in Pushkin's texts. These uncalled motif, image or detail are very important emotion, feeling of the heroes, the narrator («Stantsiony smotritel») or lyric alter ego. Sometimes the uncalled may be opened by Pushkin's rough copies.

Беляева И.А. Гончаров и Данте

В статье прослеживается дантовский дискурс романов Гончарова «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв». Автор выдвигает гипотезу о том, что «сверхзамысел» трилогии восходит к аллегории «священной поэмы». Универсальная средневековая модель мира, соответствующая у Данте Аду, Чистилищу и Раю, у Гончарова трансформируется в картины, отражающие три эпохи человеческой жизни, – «обыкновенную историю», «сон» и «пробуждение». Эти три картины обнаруживают себя у Гончарова как на макроуровне – в объеме трилогии, так и на микроуровне – в каждом отдельном романе.

Ключевые слова: Гончаров, роман, трилогия, Данте, «Божественная комедия».

Belyaeva I.A. Gontcharov and Dante

The article deals with Dante's discourse in Goncharov's novels «A Common Story», «Obломov» and «The Precipice». And the author suggests that the «pre-conception» of the trilogy goes back to «the sacred poem». Dante's universal medieval pattern corresponding in his Comedy to The Hell, The Purgatory and The Paradise transforms in Gontcharov's prose into the three pictures of human being – *a common story, a sleep and an awakening*. These three paintings reveal themselves both at the macro level – in the volume of the trilogy, and at the micro level – in each novel.

Богданова О.А. Интеллигенция и народ в романистике Ф.М. Достоевского и Д.С. Мережковского

В романе «Петр и Алексей» (1905) Мережковский осмысляет одну из главных проблем «петербургского периода» русской истории, не менее актуальную и для Достоевского, – взаимоотношение народа и интеллигенции. Хотя идеал обоих писателей – «Бог в мире», разное понимание ими феномена интеллигенции и религиозной сущности народа приводит Достоевского – к надеждам на мирное преображение России, а Мережковского – к апокалипсическому катастрофизму.

Ключевые слова: Россия, Европа, интеллигенция, народ, земля.

Bogdanova O.A. Intellectuals and the common people in the novels by Dostoevsky and Merezhkovsky

In his novel «Petr and Alexey» (1905) Merezhkovsky argues one of the fundamental problems of the «Petersburg period» in Russian history, that of the interrelations between common people and intellectuals, which was no less urgent for Dostoevsky. Though they both had the ideal of «God in the world», their interpretation of the phenomenon of intellectuals and the religious essence of common people differed greatly: Dostoevsky hoped for the peaceful transfiguration of Russia, whereas Merezhkovsky prognosticated apocalyptical catastrophe.

Есаулов И.А. Родное как вселенское в национальном образе мира: отечественная словесность и «русская идея»

Анализируется смысл концепции Вяч. Иванова, согласно которой сущность русской национальной идеи состоит в «категорическом постулате воскресения». От Достоевского до Мандельштама слово-логос в русской словесности несет в себе следы христианского предания, укорененного в самой двуипостасной природе русского языка, примат «духа» над «буквой», «филологии» над «литературой», что укореняет русских авторов в традиции христианского искусства.

Ключевые слова: эллинизм, филология, литература, русская идея, национальный образ мира.

Jesaulov I.A. Native and Universal in the national image of the world: domestic literature and «russkaja ideja»

Ivan Esaulov analyses the concept of Vjacheslav Ivanov. According to this concept the essence of the Russian national idea lies in the «explicit postulate of resurrection». From Dostoyevsky and up until Mandelstam the word (λόγος) in Russian literature shows the traces of Christian Holy Tradition. This Tradition grows deep into the bipolar nature of Russian language – primacy of the «spirit» over the «letter», of «philology» over «literature» – which in turn results in

Russian authors being strongly connected to the traditions of Christian art.

Матушек Е.Ю. *«Западники», грекофилы и традиционалисты как читатели «Меча духовного» Лазаря Барановича*

Исследуется рецепция книги черниговского архиепископа Лазаря Барановича «Меч духовный» (1666) в русском обществе второй половины XVII в. Мнения читателей разделились относительно ключевого тезиса предисловия о приоритете светской власти над духовной. Симеон Полоцкий был полностью солидарен с автором, представители старой веры осуждали его за поддержку царя и патриарха, Никон считал, что священство стоит выше царства.

Ключевые слова: читатель, рецепция, текст, предисловие, проповедь.

Matushek E.U. *The perception of «Mech dukhovny» (1666) of Lazar Baranovyc*

The author investigates the perception of the book «Mech dukhovny» (1666) of Chernigov's archbishop Lazar Baranovyc. in the Russian society of the second half of the XVII century. Simeon Polotsky demonstrated solidarity with the author concerning the fact that secular power was higher than spiritual. The representatives of «old faith» convicted him for supporting both the tsar and the patriarch. Nikon considered that spiritual power was higher than secular.

Подосокорский Н.Н. *Идея и образ Бисмарка в творчестве Ф.М. Достоевского*

В творчестве Достоевского имя Бисмарка упоминается не менее 88 раз и зачастую символизирует твердость характера, депотизм и грубую силу. Идея Бисмарка – это идея объединения посредством войны и на основе принципа «железа и крови». В произведениях писателя 1870-х годов даже появляются «наши Бисмарки» – герои, наделенные чертами железного канцлера.

Ключевые слова: Бисмарк, Наполеон, Шлезвиг-Гольштейн, война, идея, образ, железо, кровь, пророк.

Podosokorsky N.N. The idea and image of Bismarck in the works of F.M. Dostoevsky

In Dostoevsky's name Bismarck is mentioned at least 88 times and often symbolizes strength of character, despotism and brute force. Bismarck's idea – is the idea of unification through war and on the principle of «blood and iron». In the works of the writer of the 1870-s even appear «our Bismarcks» – heroes, endowed with features of the Iron Chancellor.

Полосина А.Н. Руссоизм Толстого

Между Толстым и Руссо существует сущностная близость мировоззрений, родство философских идей и принципов, общность религиозных взглядов, сходство и идейно-тематическая созвучность проблем, тем, мотивов. Это не было влиянием и даже усвоением, а, скорее, узнаванием своего и вдохновляющим фактором. Верность общему духу идей Руссо осталась на всю жизнь. А вся жизнь и творчество Толстого – это самая грандиозная и уникальная художественно-философская трактовка идей Руссо.

Ключевые слова: литературоведение, источниковедение, текстология, философия, этика, Просвещение.

Polosina A.N. Tolstoy and Rousseau

There is an objective and virtual closeness of world outlooks of Tolstoy and Rousseau, affinity of their philosophical ideas and principles, commonness of religious views, similarity of problems, subject matter and motifs of their work. It was not a matter of influence or even of adoption; it was more of a recognition and inspiration. Tolstoy remained devoted to the general spirit of Rousseau's philosophy throughout his whole life. And all his life and work are a mighty and unique artistic and philosophical interpretation of Rousseau's ideas.

Салова С.А. К.М. Виланд в рецепции Г.Р. Державина

Предмет статьи – особенности творческого освоения Г.Р. Державиным неоплатонического концепта К.М. Виланда «сродственные души». Обосновывается участие вышеназванного концепта в оформлении образно-мотивной структуры и циклизации анакреонтической поэзии Державина.

Ключевые слова: рецепция, анакреонтика, циклизация, неоплатоническая философия.

Salova S.A. Ch.M. Viland in the reception of G.R. Derzhavin

The subject of the present paper is the peculiarities of the creative usage of Viland's neoplatonic «sympathetic souls» concept by Derzhavin. It has been defined that the above mentioned concept participated in the formation of images & motives structure and in cyclisation of Derzhavin's anacreontic poetry.

Сложеникина Ю.В. Принцип *Imitatio Christi* в «Речи о чистоте русского языка» В.К. Тредиаковского

В статье анализируется осмысление Тредиаковским фактов собственной биографии; реконструируется тип писательского поведения, заданный принципом *imitatio Christi*; исследуется роль писателя в становлении и развитии русского литературного языка.

Ключевые слова: жития святых, русский литературный язык.

Slozenikina U.V. The principle of *Imitatio Christi* in V.K. Trediakovsky's writings

The author analyses the reception by V.K. Trediakovsky his own biography through the prism of the principle *Imitatio Christi*. In the article are examined the role of the writer in formation and development of Russian language and literature.

Тахо-Годи Е.А. Творчество А.Ф. Лосева и литературно-философские искания В.Ф. Одоевского

Автор ставит вопрос об отношении философа Алексея Лосева к концепции символизма русского романтика Владимира Одоевского, нашедшей воплощение в романе «Русские ночи». Лосева и Одоевского сближают не только философские и музыкальные интересы, но и сама идея символизма человеческой жизни, когда индивидуальная судьба оказывается алогической выраженностью логически-безупречного Божественного замысла, высшего Промысла о человеке и о человечестве в целом.

Ключевые слова: русская философия, философская проза, традиции романтизма, философский роман, платоновский диалог, историософия.

Tacho-Godi E.A. A.F. Losev and V.F. Odoevsky

The author examines the attitude of the philosopher Alexey Losev to the concept of symbolism developed by the Russian romanticist Vladimir Odoevsky, most clearly expressed in his novel «The Russian Nights». Losev and Odoevsky not only have common philosophic or musical interests, but, most importantly, they share the idea of ultimate symbolism of human existence, where an individual fate is an a-logical expression of a logically immaculate Divine plan, God's design for man and mankind as a whole.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2011 – № 28

Материалы III Международного симпозиума «Русская словесность в мировом культурном контексте»

Художник В.Д. Дольский
Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор И.Б. Пугачёва

Свидетельство о регистрации журнала № 003610 от 25.02.2000
Адрес редакции: 117418, Москва, Нахимовский просп., 51/21,
ИНИОН РАН. Отдел литературоведения

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.0.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 6/IX-2010 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ л. 21,5 Уч.-изд. л. 20,2
Тираж 400 экз. Заказ № 145

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9